

ЧЕКИСТЫ ДОНА

Сегодня органы государственной безопасности действуют в рамках новой Конституции СССР — конституции развитого социализма. Это налагает на вас, товарищи, еще большую ответственность, требует постоянного совершенствования всей вашей деятельности. Залогом успеха является то, что эту деятельность советские чекисты осуществляют под руководством партии, на основе строгого соблюдения социалистической законности, при самой широкой поддержке трудящихся.

Л. И. Брежнев.

О Всероссийской и местных Чрезвычайных Комиссиях по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности

Из Положения

1. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности является центральным органом, объединяющим деятельность местных Чрезвычайных Комиссий и планомерно проводящим в жизнь непосредственную борьбу с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности на всей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

2. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия является органом Совета Народных Комиссаров и работает в тесном контакте с Народными Комиссариатами по Внутренним делам и Юстиции.

7. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия и все местные Чрезвычайные Комиссии имеют право на организацию при себе особых вооруженных отрядов. Величина отрядов на местах устанавливается местными Исполнительными Комитетами Советов Депутатов по соглашению с Всероссийской Чрезвычайной Комиссией. Кредиты на отряды при местных Чрезвычайных Комиссиях отпускаются в общем порядке через местные Исполнительные Комитеты.

Все отряды Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и местных Чрезвычайных Комиссий находятся под контролем и на учете Революционного Военного Совета Республики.

8. Всеми делами по непосредственной борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности ведают на местах организованные местными Советами Депутатов или их Исполнительными Комитетами на одинаковых правах с остальными своими Отделами местные Чрезвычайные Комиссии.

Подписали:

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов **Я. Свердлов.**

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов **А. Енукидзе.**

Распубликован в № 240 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 2 ноября 1918 года.

ЧЕКИСТЫ ДОНА

ОЧЕРКИ

РОСТОВ-НА-ДОНУ

РОСТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1980

ББК 67.99(2)116

Ч-37

34С

Под редакцией
начальника Управления КГБ по Ростовской области
генерал-лейтенанта А. А. Хлесткова

Составитель М. Н. Ровенский

Стихи Н. М. Скребова

Ч-37

Чекисты Дона: Очерки. — Ростов, Кн. изд-во,
1980. — 128 с. с ил.

Чекисты Дона... Люди разной судьбы, разных поколений, они самоотверженно, не жалея сил, а зачастую и жизни, вступали в схватку с врагами Родины. Об их замечательных делах рассказывает эта книга.

ББК 67.99(2)116
34С

Ч 11002—066
М156(03)—80 без объявл. 1203030000

© Ростовское книжное
издательство, 1980.

И. А. Бондаренко,

первый секретарь Ростовского
обкома КПСС

НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Органам ВЧК—КГБ на Дону исполнилось 60 лет. Свой юбилей чекисты Дона отмечают в завершающем году десятой пятилетки, наполненном для нас особым политическим звучанием и смыслом. Это год празднования 110-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Это год непосредственной подготовки к очередному, XXVI партийному съезду. В его календарь вписана дорогая каждому из нас дата — 35-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Подготовка к достойной встрече этих знаменательных дат вызвала у тружеников области большой политический и трудовой подъем, направленный на успешное выполнение планов десятой пятилетки. На ударный труд нас вдохновляют решения ноябрьского (1979) Пленума ЦК КПСС, речь Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа города Москвы, вооружившие весь советский народ конкретной и целеустремленной программой борьбы за дальнейший подъем всех отраслей народного хозяйства.

За четыре года десятой пятилетки наша область сделала значительный шаг вперед в своем экономическом развитии. Все коллективы предприятий выполнили план по основным показателям и значительно увеличили объем производства. В огромных масштабах ведется капитальное строительство. В строй действующих вошло более двадцати новых предприятий. Созданы крупные мощности по выпуску атомного энергетического оборудования, а также в угольной, текстильной промышленности и комбайностроении. Неуклонно развивается сельское хозяйство области.

Начало 1980 года ознаменовано выдающимся событием в жизни областной партийной организации, всех трудящихся области — приветствием товарища Л. И. Брежнева, в котором дана высокая оценка новому почину ростовчан по более эффективному использованию капитальных вложений под девизом

«Досрочно построим — досрочно освоим!». Приветствие Леонида Ильича вызвало огромный прилив энергии, трудовой и политической активности всех донских тружеников. Передовые коллективы промышленности, строительства, транспорта в ответ на заботу партии наметили высокие рубежи по досрочному вводу и освоению мощностей во всех отраслях народного хозяйства.

Важнейшим итогом минувшего периода является неуклонный рост политической и трудовой активности трудящихся. Десятки тысяч рабочих и колхозников досрочно выполнили свои пятилетние планы и сейчас трудятся по календарю одиннадцатой пятилетки.

Все это стало возможно в результате большой целеустремленной работы партийной организации области.

На современном этапе коммунистического строительства созданы широкие возможности для выполнения программных целей нашей партии в области формирования нового человека. Именно на это направлено постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» — документ огромного значения, вооружающий нас конкретной программой действий. Сейчас особенно остро стоят вопросы дальнейшего совершенствования форм и методов идейного воспитания трудящихся, поиска путей и средств усиления влияния на умы и сердца людей.

Партийные организации области в ряду масштабных и многогранных проблем идейно-воспитательной работы большое внимание уделяют нравственному воспитанию советских граждан, формированию у них активной жизненной позиции. Этим целям в значительной мере служит борьба с рецидивами мещанской, мелкобуржуазной психологии, ограниченностью духовных интересов, со злоупотреблениями служебным положением. Важное место в ней занимают вопросы воспитания трудящихся в духе классового подхода к явлениям действительности, событиям на международной арене, разоблачения происков империалистической пропаганды, что непосредственно связано с повышением бдительности советских людей.

Коммунистическая партия исходила и исходит из того, что классовый подход, идейная убежденность — это та великая сила, которая развивает у масс, особенно у молодежи, не прошедшей школы революционной закалки, высокую активность и целеустремленность в борьбе за торжество идеалов коммунизма и служит острым оружием в борьбе против влияния буржуазной идеологии и морали.

Общеизвестны ленинские положения о значении принципа классовости, партийности. В. И. Ленин учил «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов»; «неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась». Принцип классовости, партийности, в ленинском понимании, прежде всего требует «идейной ясности, определенных взглядов, принципиальной линии».

Классовая позиция советского человека проявляется во всем том, что содействует успешному движению нашего общества вперед, к коммунизму. Она, несомненно, проявляется и в неприимимом отношении к еще встречающимся отклонениям от социалистических норм нравственности, к таким явлениям, как стяжательство, частнособственнические тенденции, хулиганство, бюрократизм, равнодушие к человеку.

Целые поколения наших людей родились и выросли при социализме, не познав тех ужасов капиталистической эксплуатации, которые перенесли их отцы и деды. Поэтому далеко не каждому, особенно в юношеском возрасте, дано сразу понять суть классового подхода. С этим обстоятельством необходимо считаться в проведении предупредительной воспитательной работы.

В реализации поставленных задач ощутим вклад работников Управления КГБ СССР по Ростовской области, его городских и районных отделов и отделений. Исходя из установок Центрального Комитета партии о роли и месте органов КГБ в современной идеологической борьбе, сотрудники ростовского Управления в тесном контакте с партийными органами совершенствуют и направляют свою деятельность на обеспечение государственной безопасности на Дону. Они многое делают по устранению причин и условий, способствующих совершению отдельными лицами поступков, противоречащих интересам государственной безопасности и нормам социалистической морали. Своей работой чекисты Дона активно способствуют поддержанию высокого уровня идейно-политической обстановки, уделяют много внимания срыву враждебных акций разведок противника и зарубежных антисоветских центров на территории области.

Следует заметить: наши противники проявляют большой интерес к донскому краю. Ростовская область — крупный индустриальный и сельскохозяйственный район страны с многонациональным, более чем четырехмиллионным населением. Здесь трудится многотысячный отряд научно-технической интеллигенции. В Ростове находится Северо-Кавказский научный центр

высшей школы, который координирует работу большинства местных научно-исследовательских организаций и вузов. В вузах, техникумах и школах вместе с советскими юношами и девушками обучаются студенты не только из социалистических, но и капиталистических государств. В отдельных городах и районах Дона иногда дают о себе знать и религиозные пережитки, что, несомненно, не остается без внимания антисоветских центров за рубежом.

Все это требует от всех нас высокой бдительности. И для работников КГБ здесь огромное поле деятельности. Чекисты вместе с партийными органами на местах всегда содействуют делу сохранения государственной тайны в учреждениях и на предприятиях области.

Важное значение имеет совместная деятельность партийных организаций и чекистов в воспитательной работе в трудовых коллективах, среди интеллигенции, и особенно молодежи. Обком партии, облисполком, президиум облсовпрофа и обком ВЛКСМ согласовали и утвердили мероприятия областных организаций и ведомств по коммунистическому воспитанию молодежи. Основная их цель — координация усилий всех ведомств по созданию оптимальных условий эффективной воспитательной работы.

Молодежь со свойственными ей инициативой и настойчивостью активно трудится в промышленности, сельском хозяйстве, особенно на ударных стройках, овладевает высотами наук. Вместе с тем в воспитательной работе с молодежью еще имеются недостатки, что нередко приводит к разного рода издержкам, антиобщественным поступкам. В борьбе с такими уродливыми явлениями чекисты Дона оказывают действенную помощь.

Известно, что центры идеологической диверсии противника прилагают значительные усилия, чтобы проникнуть в среду творческой интеллигенции, пытаются побудить отдельных ее представителей отказаться от служения классовым интересам социалистического общества, толкнуть их на путь противоправной деятельности. В связи с этим серьезное внимание уделяется партийно-политической и организаторской работе в творческих союзах, в театральных, музыкальных и других коллективах, повышается роль интеллигенции в идейно-воспитательном процессе. Вместе с тем в предотвращении попыток классового врага влиять на нашу интеллигенцию большая роль принадлежит органам госбезопасности.

Обком КПСС, партийные комитеты на местах активно поддерживают и поощряют привлечение чекистами сил общественности для пресечения открытых попыток приезжающих в Ростов

некоторых иностранцев вести себя здесь недозволенно, а иногда распространять враждебные советскому обществу идеи, как это отмечалось, например, со стороны отдельных представителей американской сельскохозяйственной выставки, функционировавшей в Ростове в апреле — мае 1979 года.

К предупредительно-профилактической работе органы безопасности области привлекают опытных, хорошо эрудированных в вопросах политики и идеологии коммунистов и комсомольцев, которые зачастую проводят комплексные контрпропагандистские мероприятия. В работе с иностранцами, например, положительно зарекомендовала себя созданная Ростовским горкомом комсомола дискуссионная группа из политически подготовленных, владеющих иностранными языками студентов, аспирантов и молодых научных работников. В последние годы они умело провели многие встречи с молодежными туристскими группами из США, ФРГ, Франции.

Большое значение придается работе по ограждению трудящихся области от воздействия клерикально-сектантской пропаганды, срыву инспирируемых реакционными сектантскими «авторитетами» антиобщественных проявлений и предотвращению нарушений ими законодательства о религиозных культах. В городах и районах Ростовской области принимаются меры по улучшению организации и по повышению действенности атеистического воспитания в трудовых коллективах и по месту жительства, усилен контроль за соблюдением норм законодательства о религиозных культах.

Следует отметить, что целенаправленное воздействие общественности по месту работы и жительства сектантов, повышение эффективности атеистической пропаганды, ликвидация административными органами разных пунктов и лабораторий для нелегального и незаконного издания сектантской литературы, привлечение ряда нарушителей советских законов к судебной и административной ответственности приводят к заметному ослаблению влияния руководителей нелегальных сект на отдельных верующих.

В воспитательной работе среди трудящихся и в проведении профилактики негативных процессов используются все силы и возможности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и административных органов. Реальной силой стали образованные еще в 1976 году областной совет профилактики и советы профилактики на местах. С их помощью контролируется выполнение задач по усилению правового воспитания трудящихся, борьбе с антиобщественными проявлениями, ограждению советских людей от влияния идеологических диверсантов, пере-

воспитанию отдельных лиц, подпавших под влияние буржуазной пропаганды.

Главная цель, которая стоит перед активом области, — всемерно поддерживать инициативу в городах и районах по усилению идейно-воспитательной работы среди трудящихся Дона, поднятию значения политической бдительности, как этого требует партия. Во всех сферах политической, организаторской и идейно-воспитательной работы мы видим вклад чекистов, активно способствующих проведению в жизнь задач, поставленных партией перед коммунистами Дона.

А. А. Хлестков,

*генерал-лейтенант,
начальник Управления КГБ
СССР по Ростовской области*

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Чекисты Дона... Им, солдатам революции, поставленным партией шесть десятилетий тому назад на защиту завоеваний революции на Юге России, есть о чем рассказать современникам. Люди разной судьбы, разных поколений, они самоотверженно, не жалея сил, а зачастую и жизни, вступали в схватку с врагом. Их работа служила благородному делу защиты завоеваний трудящихся.

С первых дней Советской власти враги пролетариата повели яростные нападки на молодое государство рабочих и крестьян: плели сети шпионских заговоров в Петрограде и Москве, поднимали кулацкие восстания на Тамбовщине, на Дону и в Сибири, организовывали саботаж и диверсии на транспорте, в шахтах и на других жизненно важных предприятиях страны. В условиях разгула бандитизма, контрреволюции 7 (20) декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров по предложению В. И. Ленина образовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию как орган диктатуры пролетариата по защите государственной безопасности Советской Республики.

«... Это то учреждение, — указывал Владимир Ильич, — которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас»¹. Первым председателем ВЧК был назначен верный ученик и соратник В. И. Ленина, выдающийся деятель Коммунистической партии Ф. Э. Дзержинский.

Большую роль в борьбе с врагами Советской Родины сыграли и продолжают играть чекисты Дона. Они проявили себя верными сынами своего народа, в труднейшей обстановке действовали самоотверженно, находчиво.

Более двух лет продолжались кровопролитные бои с контрреволюцией. Был подавлен поддерживаемый империалистами США, Англии и Франции мятеж во главе с Калединым. Были остановлены, а затем под влиянием революции в собственной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 327.

стране покинули пределы России войска кайзеровской Германии. Крах немецкой интервенции приблизил поражение белогвардейщины. Конниками Буденного под Ростовом нанесен сокрушительный удар войскам Краснова, были разгромлены силы южной контрреволюции под командованием Деникина.

Однако контрреволюционеры не прекратили своих выступлений. Их агентура совершала диверсии, занималась шпионажем, распространяла панические слухи.

В этих исключительных условиях по решению партийных и советских органов была создана Донская чрезвычайная комиссия, которая взяла на себя борьбу с подрывной деятельностью шпионов, заговорщиков, бандитов, спекулянтов и других преступных элементов, орудовавших на Дону и Северном Кавказе. ДонЧК возглавил петроградский рабочий Василий Иванович Савинов — член партии большевиков с 1908 года, профессиональный революционер, имевший богатый опыт подпольной борьбы в Петрограде, Прибалтике, на фронтах первой мировой войны. С 1917 по 1920 год он работал в центральном аппарате Всероссийской чрезвычайной комиссии, был членом коллегии и секретарем ВЧК.

В. И. Савинову и второму посланцу партии, члену коллегии ВЧК Якову Христофоровичу Петерсу, назначенному председателем Ростово-Нахичеванского военно-революционного комитета, в короткий срок удается нанести ряд ощутимых ударов по контрреволюции Дона. Только за первое полугодие 1920 года ДонЧК было быстро раскрыто 15 групповых антисоветских организаций.

Активное участие в операциях против белогвардейского подполья принимал Федор Михайлович Зявкин — уполномоченный по общим делам секретно-оперативного отдела, затем заместитель председателя ДонЧК. Под его руководством решительными действиями чекистов в 1920—1921 годах была ликвидирована антисоветская организация «Белый крест», возглавляемая бывшим жандармским полковником Мордовцевым. Ее члены занимались сбором шпионских сведений о численности и вооруженности войск в Ростове и близлежащих к нему районах, подготовкой и осуществлением террористических актов в отношении партийно-хозяйственных работников, командиров Красной Армии, намеревались взорвать существовавший тогда единственный железнодорожный мост через реку Дон.

В те же годы чекисты Дона обезвредили глубоко законспирированную организацию, руководимую бывшим полковником генштаба царской армии Лошкаревым. Она ставила своей целью поднять вооруженный мятеж на Дону и обеспечить продвиже-

ние по территории области врангелевского десанта. Организация состояла из белогвардейских офицеров и бывших царских чиновников, которые по подложным документам легализовывались в городах, устраивались на работу в местные учреждения и предприятия, пытались создавать на территории края подпольные бандитские группы. По замыслу Лошкарева, с получением указаний из штаба врангелевских войск его курьеры должны были выехать во все уголки края и по общему сигналу спровоцировать выступления бандитских групп, нарушить деятельность советских органов на местах и взять власть в свои руки.

Была также разгромлена белогвардейская банда деникинского разведчика Лапина, насчитывавшая около 220 бывших белых офицеров. На ее содержание штаб Деникина выделил денежный фонд в сумме 500 тысяч рублей золотом.

В конце 1920 года резко осложнилось положение на Ставропольщине, где белогвардейцы и местная контрреволюция открыто выступили против народной власти. Для подавления мятежа туда выезжал В. И. Савинов. С июня 1921 по октябрь 1922 года во главе ДонЧК стоял Александр Александрович Емельянов — бывший рабочий Рязано-Уральской железной дороги, член РКП(б) с ноября 1917 года, прошедший путь революционной борьбы в разных районах России.

В условиях разрухи, роста политического бандитизма, когда контрреволюция всеми средствами пыталась задушить молодую Советскую Республику, А. А. Емельянов четко организовал оперативную работу на Дону. Чекисты внедрялись в белобандитские формирования, часто громили их без выстрела, разоружали словом. Все больше противников Советской власти склонялось к добровольному отказу от борьбы с ней.

В конце 1919 года, при отходе белой армии Деникина из Киева, в глубь страны бежал деникинский генерал князь Ухтомский, который нелегально прибыл в Ростов и через своих сообщников под вымышленной фамилией определился в военный госпиталь.

Пользуясь покровительством руководства госпиталя и беспрепятственным выходом в город, Ухтомский установил связь с оставшимися в Ростове бывшими офицерами деникинской армии, объединил их, а затем возглавил так называемую «Армию спасения России», в которой насчитывалось свыше 6 тысяч человек.

Щупальца этого вражеского формирования распростерлись с Дона на территорию Кубани. К Ухтомскому примкнула банда полковника царской армии Назарова, совершавшая разбойничьи налеты в Приазовье.

Планом Ухтомского — Назарова предусматривалось в ночь с 25 на 26 июля 1921 года осуществить мятеж на Дону — захватить власть и физически уничтожить советско-партийный актив. Однако этому не суждено было сбыться. За несколько дней до мятежа чекистами Дона и Северного Кавказа главари этой организации в количестве 287 человек были арестованы и преданы суду, после чего организация распалась и прекратила свое существование.

Не ушли от народного суда бандиты-уголовники, расхитители и спекулянты. Только в 1929—1930 годах на территории Северного Кавказа ликвидировано свыше 100 бандитских групп. Были обезврежены белогвардейские организации Попова и Ткачева, банды агента турецкой разведки Гербекова, разгромлена бандитская династия Абайхановых.

Одновременно заботливыми руками чекистов создавались отряды помощи голодающим и беспризорным детям, открывались детские дома. «Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей»¹, — призывал Ф. Э. Дзержинский. На его призыв чекисты Дона откликнулись участием в создании 66 детских домов, учреждением шефства над голодающими детьми.

Глубокий след в истории Донской области в 20—30-е годы оставили работники ДонЧК — ОГПУ Ф. М. Зявкин — председатель Донского отдела ГПУ, Я. А. Бухбанд, руководивший Таганрогским отделом, С. М. Штыб, бывший рабочий таганрогского завода «Красный котельщик», начальник ГПУ Горской республики (ныне Северо-Осетинская АССР), оперативные работники П. С. Петров, А. Г. Арский-Духов, А. Д. Морозов, С. М. Дударев. Ими эффективно велась работа по очищению края от антисоветского подполья, бандитских формирований, а также борьба с фальшивомонетчиками и крупными спекулянтами, посягавшими на экономическую основу Советского государства.

При задержании террористов и бандитов погибли в схватке с ними поэт-чекист А. Г. Арский-Духов, С. М. Штыб, М. С. Журавлев, Я. П. Богданов, И. С. Мурыгин, В. П. Снопов и другие.

Беззаветное мужество, героизм и беспощадность к врагам революции сочетались в чекистах с пониманием трагизма социального конфликта, порожденного гражданской войной и зачастую бросавшего в противостоящие друг другу лагеря членов одной семьи. Проявляя гуманизм, чекисты делали все возможное, чтобы переубедить человека, помочь ему избрать правильный путь.

¹ Чекисты. «Молодая гвардия», 1972, с. 100.

Все дальше в прошлое уходили годы гражданской войны и кровавых схваток с врагами революции. Страна вступила на путь социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, утверждая в победах первых пятилеток становление нового социалистического государства.

Однако международный империализм и свергнутые революцией эксплуататорские классы, потерпев поражение в открытой борьбе против Советской власти, активизировали шпионаж и диверсии, пытаясь подорвать экономическую и военную мощь первого в мире государства рабочих и крестьян.

В 1927 году донскими чекистами в Шахтинском угольном районе была раскрыта крупная контрреволюционная организация, участники которой ставили своей целью вывести из строя угольные шахты, лишить топлива энергетику и химическую промышленность страны, спровоцировать антисоветские выступления шахтеров. Преступная деятельность организации приобретала серьезную опасность еще и потому, что ее руководители как старые спецы продолжали занимать ключевые позиции на шахтах Донбасса и в некоторых центральных управленческих аппаратах отрасли. Руководящее ядро организации было тесно связано с бывшими владельцами шахт, бежавшими во Францию и Германию, а через них — с антисоветскими зарубежными центрами и разведками некоторых империалистических государств, получало от них инструкции, деньги для проведения шпионско-диверсионных акций.

Вредители дезорганизовывали работу на шахтах под видом рационализации производства, взрывали, затопляли и заваливали, умышленно выводили из строя шахты, где разрабатывались мощные пласты угля, вели разработку участков на слабощатных пластах, в неперспективных шахтах. Закупленные за границей дорогостоящие механизмы выводились ими из строя. Нередко закупались ненужные агрегаты, которые затем бездействовали, а на их приобретение тратился золотой фонд страны. К 1928 году этой организацией, по заданию зарубежных антисоветских центров, намечалось осуществление крупных аварий на шахтах, электростанциях и других промышленных объектах Северного Кавказа. Участники «шахтинского дела» всячески старались разжечь недовольство среди шахтеров, толкали их на выступления против Советской власти, вызывали волнения и забастовки. Они умышленно нарушали технику безопасности, разрушали вентиляцию в шахтах, систематически вводили неправильные расценки, замеры сделанных работ, обсчитывали рабочих. В обращении допускалась грубость, вплоть до избивания шахтеров.

Работа чекистов Дона по пресечению преступной деятельности участников названной диверсионно-вредительской организации получила высокую оценку Центрального Комитета нашей партии.

Позже успешно была проведена операция по пресечению враждебной деятельности зарубежных антисоветских центров НТС¹ и других организаций. Используя ситуацию, сложившуюся в связи с задержанием на Черноморском побережье нелегально проникших в нашу страну нескольких эмиссаров НТС, органы ОГПУ Северо-Кавказского края завязали игру с хозяевами этих вражеских агентов, задержанных на Северном Кавказе, своевременно узнавали планы и замыслы противника.

Суровым экзаменом для народов нашей страны и для чекистов явилась Великая Отечественная война. В предвоенные годы партия поставила задачи по выявлению агрессивных планов фашистских государств и по пресечению шпионских действий их разведок. В 1940 году и в первой половине 1941-го органами государственной безопасности страны обезврежены тысячи вражеских агентов. По признанию западногерманского историка П. Карелла, Германия, вплоть до нападения на СССР, мало знала о военных секретах России.

Беспредельно преданные делу Коммунистической партии, чекисты вместе с Вооруженными Силами и всем советским народом мужественно сражались с фашистскими захватчиками, проявляя высокое профессиональное мастерство, негибаемую стойкость и бесстрашие. Не дрогнув, вступили в неравный бой с фашистским десантом на Ростовском железнодорожном вокзале 20 ноября 1941 года сотрудники областного Управления НКВД Федор Афанасьевич Кулаев, Арам Аршакович Башмахчиев, Николай Иванович Семькин, Антон Никитич Чернявцев и Николай Мефодьевич Синельников. Не могли они допустить, чтобы враг глумился над больными и ранеными красноармейцами, топтал улицы родного города. Их героическая гибель служит ярким примером беззаветной преданности чекистов своему народу.

С приближением гитлеровских войск к Ростову донские чекисты под непосредственным руководством областного комитета партии приступили к формированию партизанских отрядов из числа местного населения. В конце 1941 — начале 1942 года в оккупированных немцами Неклиновском, Азовском и Таганрогском районах некоторые из партизанских отрядов успешно провели ряд операций против вражеских войск.

¹ Зарубежная антисоветская организация «Народно-трудовой союз», осуществляющая в контакте с империалистическими разведками шпионско-диверсионные акции против СССР.

Встреча молодых чекистов с руководством и ветеранами Управления КГБ.

Опираясь на помощь советских патриотов, чекисты Управления НКВД наладили переброску разведывательных групп в тыл врага. В холодные зимние ночи 1942-го нашим разведчикам, с риском для жизни, не раз приходилось делать опасные переходы по льду Азовского моря из Ростова в Таганрог и тем же путем возвращаться. Добытые ими сведения оказывались очень важными для советского командования. При выполнении заданий в Таганроге героически погибли советские разведчики — М. Я. Талпа и его сын Андрей, Н. И. Козубко.

Среди граждан, однако, нашлись отщепенцы, помогавшие фашистам выявлять, отслеживать и уничтожать советских людей, с оружием в руках боровшихся против оккупантов. Только в городе Шахты оккупанты с помощью предателей расстреляли более 3,5 тысячи советских патриотов-коммунистов, комсомольцев, активистов и сбросили их в шурф шахты имени Красина.

После изгнания оккупантов из городов Дона, в результате кропотливой работы сотрудников Управления госбезопасности по Ростовской области, скрывавшиеся от возмездия Семизоров, Денисов, Бондарев и другие были разысканы и предстали перед судом. Изменники Родины получили по заслугам.

Потерпев поражение в военных авантюрах, международный

империализм под лозунгом борьбы против коммунизма в период наступившего мира развернул активную пропаганду «холодной войны», усилил деятельность разведывательных служб и анти-советских идеологических центров. Главный упор сделан на организацию политической разведки в СССР, ослабление авторитета и позиций нашего государства на международной арене, создание разногласий между странами социалистического содружества, с тем чтобы подорвать социалистическую систему изнутри.

Только Соединенными Штатами Америки на шпионаж и диверсии ежегодно тратятся десятки миллиардов долларов. Под эгидой ЦРУ, Пентагона и других родственных им по целям ведомств функционирует обширная сеть так называемых «исследовательских» институтов, информационных агентств, вещательных радиостанций, которые разрабатывают всевозможные социологические теории и военные доктрины, направленные на провоцирование новых войн, занимаются диверсионными акциями, как это было в 1956 году во время контрреволюционного путча в Венгрии и событий в Чехословакии в 1968 году, ведут грязную клевету на советскую действительность.

Одно из таких учреждений США — Информационное агентство ЮСИА (ныне Управление по международным связям) — разместило в 104 странах до 300 своих представительств. Под видом миссионеров, туристов оно создало миллионную армию проповедников американского образа жизни. На их содержание в одном лишь 1977 году израсходовано 193 миллиона долларов.

Вещательным рупором ЮСИА является радиостанция «Голос Америки», имеющая свои радиопередатчики почти на всех континентах мира. Они ведут 12 основных программ на семи языках народов СССР — свыше 400 передач в неделю.

Широка издательская деятельность ЮСИА. Агентство издает 80 журналов, 60 газет на 30 языках, в том числе журнал «Америка» на русском языке. Ежегодно выпускается до 3 миллиардов экземпляров различных книг и брошюр.

На СССР постоянно вещают радиостанции «Свободная Европа», «Немецкая волна», «Свобода», «Голос Израиля» и другие, которые изливают потоки изощренной лжи и клеветы с целью повлиять на советского человека. И некоторая часть охотников послушать такие «голоса» оказывается одурманенной ими.

В начале 50-х годов над территорией Ростовской области сбиты несколько воздушных шаров со спецаппаратурой и сотнями килограммов печатных антисоветских изданий. И поныне нередко в упаковках поступающего из-за рубежа оборудования

на строящиеся предприятия обнаруживаются антисоветские брошюры НТС и других зарубежных идеологических центров.

Разведслужбы империалистических держав прибегают к использованию уголовных преступников, изменников Родины. Так, в 1952 году американскими разведорганами подобраны бежавшие из Советского Союза в Иран бывшие уголовники Кошелев и Волошановский, которые долгое время раболепствовали перед своими новыми хозяевами, клеветали на свою Родину. После специальной подготовки Кошелев и Волошановский с заданием американских спецслужб были заброшены на территорию Советского Союза. Но бдительность советских людей и действия чекистов Ростовской области стали непреодолимой преградой на пути предателей. В Ростове они были задержаны с поличным и преданы суду.

Во имя светлой памяти советских патриотов, погибших в борьбе с врагом и замученных в фашистских застенках, ростовские чекисты и в наши дни продолжают розыск предателей и бывших немецко-фашистских пособников. Только в 1977—1979 годах ростовским Управлением КГБ передано в руки правосудия 14 государственных преступников, причастных к расстрелам и истязаниям более 1200 советских патриотов, содержащихся немецкими оккупантами в тюрьмах, созданных в оккупированном Ростове.

Наши противники постоянно совершенствуют методы и активизируют враждебную деятельность. Нередко представители империалистических разведок и идеологических центров, маскируясь под друзей Советского государства, ищут контакты с людьми, которые в какой-то мере подвержены влиянию буржуазной идеологии, разжигают у них чувства зависти, корыстолюбия, аполитичность и иногда используют их в преступных целях. Вот почему сотрудники Управления КГБ проявляют постоянную заботу о повышении политической бдительности трудящихся области. Они выступают с лекциями в трудовых коллективах, ведут активную предупредительно-профилактическую работу. Неудивительно, что все чаще терпят провалы некоторые западные вояжеры в период своих небезобидных поездок по нашему краю. Лишь в 1978 году жители Ростова задержали нескольких иностранцев, пытавшихся под видом любителей истории фотографировать городские инженерные сооружения или неприглядные строения и мусорные свалки. В 1979 году, когда в городе Ростове-на-Дону функционировала американская выставка «Сельское хозяйство США», благодаря исключительной бдительности местных граждан были сорваны попытки организаторов выставки осуществить враждебные пропагандистские акции.

Вся деятельность Управления КГБ пронизана духом высокой партийности и неукоснительного соблюдения социалистической законности. В свете решений апрельского (1979) Пленума ЦК КПСС, постановлений ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» сотрудники Управления совершенствуют свое профессиональное мастерство и идейную закалку в духе непреклонной верности делу партии и народа.

Донские чекисты и впредь будут свято продолжать славные традиции, чтобы надежно обеспечивать государственную безопасность страны.

Шла на Дону гражданская война.
Был враг жесток, накал борьбы — неистов.
Еще неизвестны были имена
Сражавшихся за новый мир чекистов.
Копытный топот, ржанье дончака,
Разрыв гранаты, пулеметный росчерк...
Бессонная работа Дончека
В левадах, балках и прибрежных рощах.
Повсюду, где бандиты залегли,
Где контра затаилась воровато,
Бои, подчас незримые, вели
Вы, Феликса Дзержинского солдаты.
Дышали верой чистые сердца
В то, что «мы наш, мы новый мир построим»,
И долг свой выполняли до конца,
Как подобало истинным героям.
Уже давно спокойною строкой
Двадцатый год не пепелит бумаги,
Но в нем всегда — ваш зоркий непокой,
Исполненный бесстрашья и отваги.

СОРАТНИК ФЕЛИКСА ДЗЕРЖИНСКОГО

С высоты седьмого десятилетия Советского государства мы с чувством глубокой благодарности, восхищения склоняемся перед именами тех, кто готовил, совершал и укреплял победу Великой Октябрьской социалистической революции.

К числу таких людей принадлежит и первый председатель ДонЧК Василий Иванович Савинов. Он родился в 1880 году в Петербурге в семье рабочего Путиловского завода. Какое-то время жил с матерью в деревне, познал всю тяжесть жизни бедной крестьянской семьи, здесь же начал и окончил церковноприходскую школу. А в 14 лет, после смерти матери, отец вновь привез его в Петербург, добыл документ, что ему уже 16 лет, и мальчик стал рабочим.

Жизнь крепко связала Василия Савинова с революционно настроенным рабочим классом и повела его в шеренге борцов за светлое будущее.

В 1902 году Савинова призвали на военную службу. Он принимал участие в русско-японской войне.

С осени 1906 года демобилизованный солдат Савинов — вновь питерский рабочий. Он один из активнейших организаторов ряда забастовок, большинство которых заканчивалось успешно.

В 1908 году Савинов становится членом большевистской группы РСДРП. По указанию партии он поддерживает связь с союзом металлистов Петергофского района, через эти легальные возможности совместно с другими большевиками делает попытки создать революционные кружки из числа рабочих.

В апреле 1913 года В. И. Савинов был арестован, а затем выслан из Петербурга. В конце июля 1914 года его мобилизуют и направляют на фронт. И здесь, используя различные предлоги и возможности, переходя из одной части в другую, Василий Иванович проводит революционную агитацию.

Февральская революция застала Савинова в городе Можайске. Василий Иванович организует ротные боевые солдатские комитеты, принимает активное участие в создании Совета рабочих и солдатских депутатов и возглавляет его до августа 1917 го-

да. Здесь его избирают делегатом на 2-й съезд Советов от Западного фронта, а съезд избирает В. И. Савинова членом ВЦИКа.

7 (20) декабря 1917 года на заседании Совнаркома была утверждена Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Кандидатура В. И. Савинова для работы в этом органе была рассмотрена одной из первых. Здесь работает он со 2 апреля по 9 июля 1918 года в качестве члена коллегии, с ноября 1919 по январь 1920 года — секретарем, членом президиума ВЧК. Под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского, который личным примером показывал, что и как надо делать, Савинов приобрел все необходимые для чекиста качества.

Одним из крупных контрреволюционных очагов, где происходила напряженная классовая борьба, были Северный Кавказ и Дон. И по предложению Ф. Э. Дзержинского на передний край чекистской работы против многочисленных врагов революции был направлен В. И. Савинов. Его назначили председателем ДонЧК.

Прибыв в Ростов, Василий Иванович застал исключительно сложную обстановку на Дону. Не было спокойно и в самом Ростове. Прошло меньше месяца, как город освободила Красная Армия. Осевшие здесь враждебные элементы — белые офицеры, чины полиции, торговцы, кулаки, уголовники — вели открытую и тайную, одиночную и организованную борьбу против органов Советской власти, партийного и советского актива.

Помня слова Феликса Эдмундовича Дзержинского о том, что наша сила в миллионах трудящихся, которые всегда помогают чекистам в борьбе против врагов революции, по инициативе В. И. Савинова было подготовлено и опубликовано в газете «Советский Дон» обращение, в котором чекисты просили население оказывать активную помощь в борьбе против всех видов враждебной деятельности контрреволюции. На необходимость быстрой очистки Ростова от врагов обратил внимание чекистов Ф. Э. Дзержинский, приезжавший в Ростов в 1920 году.

Чекисты Дона под непосредственным руководством В. И. Савинова успешно наносили удары по вражеским гнездам, своевременно предупреждая осуществление их замыслов. Насколько активной была работа чекистов, днем и ночью очищавших Дон от контрреволюции, видно из того, что только за первое полугодие 1920 года было раскрыто 15 активных и многочисленных по составу антисоветских организаций.

Враги распространяли различные антисоветские провокационные слухи, в связи с чем в газете «Советский Дон» 4 июня 1920 года было напечатано следующее обращение: «Предупреж-

дение от ДонЧК. В последнее время в городах Ростове-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, дабы посеять панику среди населения, разные злоумышленники распространяют провокационные слухи о занятии Польшей городов Советской Республики и прочее. ДонЧК предупреждает, что со всеми распространителями подобных провокационных слухов она будет расправляться самым беспощадным образом, вплоть до применения высшей меры наказания. Каждый честный работник и гражданин обязан сообщать ЧК о подобных провокаторах и задерживать таковых на месте преступления. Необходимо составлять протокол в присутствии свидетелей и за их подписью. Председатель ДонЧК В. Савинов».

Весь 1920 год прошел в напряженной борьбе чекистов против многочисленных, активно действовавших врагов. Чекисты Дона постоянно помнили настойчивые требования Владимира Ильича Ленина, пристально следившего за сложной обстановкой на Дону и Северном Кавказе, о том, чтобы в зародыше подавлялись контрреволюционные восстания, а обнаруженных организаторов, активных белогвардейцев, заговорщиков, лиц, скрывающих врагов и активно им содействующих, наказывать, широко оповещая население.

Выполняя ленинское указание, в местной печати того времени часто помещались сообщения под рубрикой «За что карает ЧК». Так, в газете «Советский Дон» от 10 июня 1920 года сообщалось: «От Донской ЧК. По постановлению коллегии ДонЧК от 10.6.1920 г. осуждены к ВМН¹ — расстрелу: 1. Зимин П. А. — ярый черносотенец, член кадетской партии, служил в карательных органах белых, выдавал им коммунистов и советский актив, незаконно хранил оружие и снабжал им белых при налете на Ростов, привлекал в свою группу контрреволюционных элементов, жандармов, приставов. 2. Целиковский С. И. — за службу у белых и участие в зверских убийствах холодным оружием (шашкой) коммунистов, красноармейцев, за службу в жандармерии, где был почетным охранником Деникина, за участие в сборе черносотенцев, за стрельбу из пулемета с чердака своего дома по красноармейцам». 16 июня «Советский Дон» поместил следующее сообщение: «От ДонЧК. По постановлению коллегии ДонЧК от 7 июня 1920 г. бывшие палачи деникинских застенков Харсеев Алексей и Бакчевников Василий, расстрелявшие 108 человек коммунистов и сочувствующих Советской власти, а также красноармейских семей, осуждены к ВМН».

Хозяйничая на Северном Кавказе и на Дону, белые нанесли

¹ Высшая мера наказания.

Ф. Э. Дзержинский среди своих соратников. Крайний справа — В. И. Савинов

большой урон народному хозяйству. Чекистам пришлось и на этом участке быстро и решительно помогать советским органам наводить порядок. Были дни, когда многое зависело от нескольких эшелонов продовольствия, топлива, от бесперебойной работы электростанции и даже больницы. В. И. Савинов лично уделял огромное внимание этим вопросам.

Помня традиции своего учителя Ф. Э. Дзержинского, он всем сердцем сочувствовал бедственному положению детей-беспризорников. Благодаря заботе, проявленной о них Савиновым как председателем чрезвычайной комиссии по оказанию помощи детям, в Ростове были спасены тысячи беспризорников. Комиссия обратилась к населению города с призывом о сборе одежды и обуви для нуждающихся детей рабочих и крестьян, а также находящихся в детских трудовых коммунах.

Не ослабляя напряженной работы в ЧК, Василий Иванович Савинов активно участвовал в многогранной общественно-политической жизни Дона.

В Ростове В. И. Савинов работал недолго — 9 месяцев, — но за этот период под его руководством чекисты Дона основательно очистили область от антисоветских элементов. В августе

1920 года В. И. Савинов был направлен на должность начальника Ставропольского губЧК.

На Ставропольщине в тот период была сложная ситуация: империалистическая реакция западных стран, используя бежавшие с Дона на Северный Кавказ остатки деникинских и других банд, притаившихся белогвардейцев, реакционную часть казачества и национализм вечно враждовавших между собой мелких горских народностей, создала напряженное положение в этом районе. Для страны назрела новая опасность: в ряде районов Ставропольщины были попытки поднять антисоветские мятежи. В. И. Савинов энергично действовал в этой сложной ситуации.

На Ставропольщине Савинов проработал пять месяцев, затем его перевели в другую область. И везде его деятельность на незримом фронте с жестоким врагом была подвигом, требовала мужества, самоотверженности, высокого сознания ответственности за судьбу Советской власти. Именно за эти качества, за выдающиеся заслуги перед Родиной в декабре 1922 года Василий Иванович был награжден знаком «Почетный чекист». А 18 декабря 1927 года ОГПУ СССР наградило его грамотой, в которой говорилось: «Чекисту-бойцу тов. Савинову В. И. Коллегия Объединенного государственного политического управления в день десятилетия органов пролетарской диктатуры ВЧК — ОГПУ, отмечая Вашу самоотверженную работу на трудном чекистском посту, направленном на борьбу с врагом первого в мире пролетарского государства, постановила наградить Вас почетным боевым оружием маузер с надписью: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Василий Иванович Савинов никогда не выбирал себе легкого дела, он всегда шел туда, где труднее, и всюду свое дело выполнял скромно и просто. Любое задание партии для него было законом. На его примере училось не одно поколение чекистов Дона. Училось беззаветной преданности делу Коммунистической партии, своей Советской Родине, непримиримости к врагам нашего народа. Училось самоотверженности и отваге.

Б. В. Иванов,

подполковник в отставке

«В РОСТОВЕ ТОВАРИЩ ПЕТЕРС»

По земле шагал тысяча девятьсот двадцатый...

Вечером 4 марта в Ростове — вчера еще прифронтовом городе — на Большой Садовой (ныне улица Энгельса) было оживленно. Группами и в одиночку по центральной улице спешили люди — молодые и пожилые. У многих из них гражданская одежда была перехвачена ремнем, но мелькали и длинные армейские шинели, матросские бушлаты. Поравнявшись с огромным зданием бывшей городской управы, они исчезали за его массивными дверями.

Что же там происходило? Ответ мы находим на пожелтевшей странице газеты «Советский Дон» за 6 марта 1920 года. В том номере опубликована статья под названием «Повальные обыски и диктатура пролетариата». Ее автор писал:

Ростовский пролетариат с энтузиазмом отозвался на призыв Военно-революционного комитета принять участие в повальных обысках города.

...В ночь с 4 на 5 марта в здании бывшей городской управы кипела работа, писались ордера на обыски, проводили задержание, шел допрос, освобождали случайно задержанных. И делал это пролетариат.

...Собралось свыше двух тысяч человек, которые с энтузиазмом отозвались на призыв Военно-революционного комитета пойти и проделать эту работу. В эти дни проводится учет нетрудового населения и принимается еще целый ряд других мер для укрепления Советской власти и для воссоздания ее органов.

...Помнится мне моя работа в Питере, где была проведена та же самая мера. Как буржуазия всего мира плакалась по поводу расправы с ее классовыми братьями в Петрограде!

Фактически ничего подобного не было: расстрелы не проводились, а больше всего буржуазию страшило то, что ей не было выхода.

Петроградские рабочие находили эту буржуазию везде, и тех, кто добровольно не являлся на регистрацию и мобилизацию

труда, ловили при облавах и посылали на тяжелые работы, как, например, погрузку угля, рытье траншей и т. д...

Остается добавить, что статья была подписана Петерсом.

Его имя тогда уже было известно всему Ростову. К этому дню было опубликовано 11 приказов и распоряжений Военно-революционного комитета (ВРК) городов Ростова и Нахичевани-на-Дону. Их подписал предревкома Петерс.

— В Ростове товарищ Петерс! — радостно говорили после первого же появления этой фамилии под приказом ВРК бывшие подпольщики-коммунисты и удовлетворенно добавляли: — Ильич прислал к нам помощника Феликса Дзержинского.

Тогда же трудящимся Ростова стали известны многие события из революционной биографии председателя ревкома.

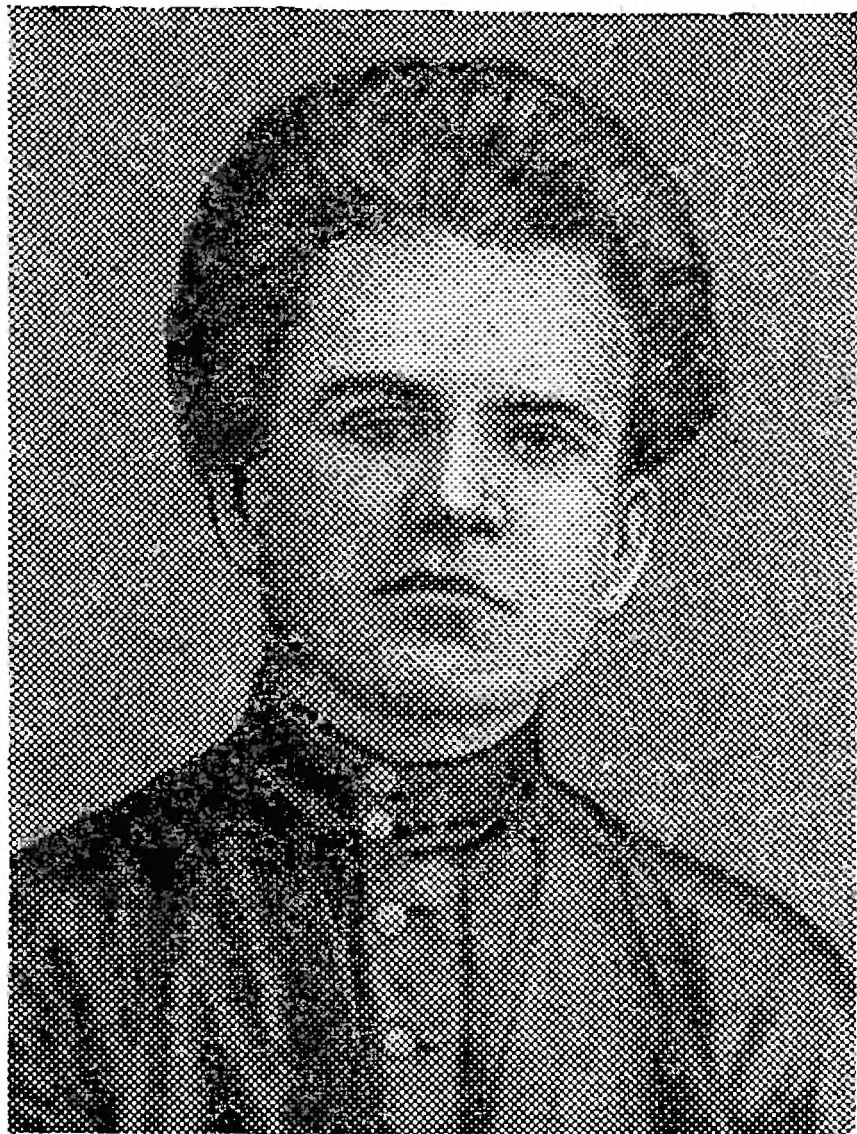
Якову (Екабу) Христофоровичу Петерсу в период пребывания на Дону было 34 года. Три революции стремительно прошагали через эти годы, пропустили их через горнило суровых испытаний.

...Первая русская революция 1905—1907 годов. Прибалтику, как и всю Россию, захлестнули революционные события: пылали усадьбы помещиков-баронов, выбирались первые Советы из бедноты. В Лифляндской губернии (ныне Латвийская ССР) одним из организаторов этих радующих бедноту перемен был сын батрака, сам батрак — Екаб Петерс. В 1904 году восемнадцатилетний юноша уже был членом партии большевиков.

Царское правительство много раз прятало батрацкого вожака в тюрьму. А с 1909 года начались эмигрантские скитания. Сразу же после свержения самодержавия Петерс возвратился на Родину и включился в подготовку социалистической революции. Он вел революционную работу среди солдат 12-й армии, находящейся на фронте, являлся одним из редакторов латышской большевистской газеты «Циня».

В октябре 1917 года по инициативе В. И. Ленина при Петроградском Совете был создан орган для проведения вооруженного восстания в столице — Военно-революционный комитет (ВРК). Я. Х. Петерс вошел в его состав и был активным участником революционных событий в Петрограде.

Современник тех эпохальных дней, американский писатель-коммунист Джон Рид оставил потомкам одну из живых сцен того времени. В среду 7 ноября (25 октября), во второй половине дня, людская волна прибила

Я. Х. Петерс

Джона Рида к Мариинскому дворцу. В это время туда же подкатил большой автомобиль.

«На... передней скамейке сидели вооруженные солдаты, а за ними были видны арестованные члены Временного правительства. Член Военно-революционного комитета латыш Петерс торопливо пересекал площадь.

«Я думал, что вы переловили всех этих господ сегодня ночью», — сказал я ему, указывая на арестованных.

«Эх! — и в его голосе звучало разочарование — ...Выпустили большую половину, прежде чем мы решили, как с ними быть...»¹.

В декабре 1917 года началась работа Петерса с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским во Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

О начале своей чекистской деятельности, которой он посвятил свою дальнейшую жизнь, Я. Х. Петерс впоследствии вспоминал:

«Восемнадцатого или девятнадцатого декабря 1917 года Ф. Э. Дзержинский, встретив меня в коридоре Смольного, позвал в одну из пустующих комнат и сообщил, что вместо Военно-революционного комитета организуется Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, куда и предложил мне пойти работать. Находясь в числе 13 членов ВЦИКа в Военно-революционном комитете, я достаточно был знаком с внутренним положением страны и подрывной деятельностью врагов Советов, чтобы, не задумываясь, согласиться с предложением Дзержинского»².

Петерс был назначен членом коллегии ВЧК и заместителем ее председателя, председателем революционного трибунала Петрограда. Когда политический, экономический и военный центр государства переместился в Москву, борьба с контрреволюцией и другими опасными преступлениями приняла наиболее ожесточенный характер. 10 марта в Москву из Петрограда переехала ВЧК. Она сразу же включилась в эту борьбу.

Москве, как и красному Питеру тех грозных лет, было хорошо известно имя Петерса. Я. Х. Петерс участвовал в раскрытии заговора матерых шпионов Антанты — Локкарта, Рейли и других. Он — один из руководителей ликвидации левоэсеровского мятежа 1918 года. Петерс лично, по указанию партии, вел следствие по делу покушавшейся на жизнь В. И. Ленина эсерки Ф. Каплан.

В. И. Ленин высоко ценил Я. Х. Петерса за его преданность делу революции, за умение бороться с ее врагами. Когда Петерс был назначен членом Военного совета Тульского укрепрайона, В. И. Ленин телеграфировал руководящим товарищам в Тулу следующую аттестацию на Петерса: «...он работник крупный и преданнейший»³.

Забегая немного вперед, расскажем о том, что в период пребывания Петерса в Ростове до Владимира Ильича дошел ложный слух о его гибели. Встревоженный Ленин 3 марта 1920 года телеграфно запросил Реввоенсовет Кавфронта: «Верен ли слух об убийстве Петерса деникинцами в Ростове?»⁴.

В Ростов Петерс прибыл в середине февраля, но город на Дону продолжал оставаться прифронтовым.

Деникинцы отчаянно цеплялись за свой южный плацдарм, который был в их руках почти два года. Они выставили послед-

¹ Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. Госполитиздат, 1957, с. 83.

² Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК и первые годы революции. «Пролетарская революция», 1924, № 10.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 65.

⁴ Там же, с. 152.

ную защитную линию: Азов — Батайск и далее по реке Манычу.

По ночам город вел артиллерийскую канонаду с Батайском. Ни в городе, ни на станции не было никакого порядка. Днем и ночью раздавалась стрельба. Ее вели хулиганствующие и бандитские элементы, затаившееся белогвардейское охвостье. Враги покрупнее, в чине полковников и генералов, затаились в больницах и учреждениях. Они активно готовили мятеж.

Но был еще и другой враг, который не таился. На площадях и окраинах города валялись неубранные лошадиные трупы. На них равнодушно взирали обыватели. А это грозило опасностью еще большего распространения эпидемии тифа, которым враг также пытался задушить Советскую власть.

Железной рукой Военно-революционный комитет Ростова и Нахичевани под руководством Петерса наводил революционный порядок и осуществлял мероприятия по защите Советской власти от контрреволюции.

Скупые слова приказов Военно-революционного комитета, подписанных Петерсом и частично публиковавшихся донскими газетами того периода, дают некоторое представление об этой героической работе.

«Сдать все оружие», — гласит один из первых приказов ВРК: «подлежат сдаче в распоряжение ВРК весь транспорт, все лошади»; «зарегистрироваться всем иностранным гражданам»; «встать на учет всем столярам и плотникам»; «ломбардам запретить выдачу вещей до особого распоряжения ВРК»; ввести строжайший учет спирта во всех организациях»; «принять к неуклонному исполнению выработанные ВРК обязанности домовых комитетов»; «всем организациям и частным лицам сдать книги по военным и военно-историческим вопросам. Стоимость книг будет уплачена»; «о работе топливных комиссий» и многое, многое другое. Эти приказы предупреждали, что уклоняющиеся от их исполнения будут арестованы и преданы суду военно-революционного трибунала. И в то же время ВРК для ознакомления донского населения практиковал публикацию в газетах давно действующих декретов Советской власти, что являлось прекрасной формой пропаганды советского образа жизни.

Не только по деятельности в Военно-революционном комитете, призванном упрочить пришедшую Советскую власть, ростовчане тех лет знали Я. Х. Петерса. Тогда же Петерс открылся для них, как пропагандист-ленинец. Удивительно, как этот человек в своей сверхнапряженной работе находил время для выступлений!

Его первая лекция для партийного актива Ростова и Нахичевани называлась: «Социалистическая революция и социалисты»

революционеры всех течений». Петерс прочитал ее 19 февраля.

По свидетельству современников, огромное личное обаяние, интеллект и безоговорочно убеждающая логика ясной мысли приковывали к Петерсу рабочую аудиторию. И, конечно же, немалое значение в выступлениях этого человека имело то, что он был не только очевидцем, но и прямым участником величайших событий, работал под руководством В. И. Ленина и его выдающихся соратников — Я. М. Свердлова и Ф. Э. Дзержинского, — знал многих деятелей мирового коммунистического движения, известных писателей, ученых...

1 марта Петерс выступил в театре Асмолова в Ростове перед представителями профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Сохранилась запись этого выступления.

Я. Х. Петерс поздравил собравшихся с освобождением утром этого дня Батайска и далее говорил:

«... Шаг за шагом мы приближаемся к моменту, когда можно будет сложить оружие, в том числе оружие насилия.

Колчак едет в Москву не как победитель, а как пленник¹. Юденич арестован сподвижниками. Деникину придется воспользоваться гостеприимством его друзей — правительств Антанты.

Японцы и американцы спешно выводят свои войска из Сибири, ведь Красная Армия приближается сейчас к Байкалу.

Унижение приходится испытывать и могущественной Англии. Она обратилась к Чичерину с просьбой... обойтись помягче с архангельским белогвардейским правительством, которое она сама создавала».

3 марта в Ростове в помещении управления Владикавказской (ныне Северо-Кавказской) железной дороги состоялся митинг, посвященный памяти первого председателя ВЦИКа Я. М. Свердлова. Петерс выступил с воспоминаниями о Якове Михайловиче Свердлове.

5 марта в газете «Советский Дон» была помещена статья Петерса «Органы диктатуры пролетариата». Автор разъяснял, почему пролетариат, победивший в октябре 1917 года, должен был прибегнуть к созданию специальных органов — чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и революционных трибуналов, предназначенных для охраны его победы и власти. Разоблачал выдумку врагов о том, что эти органы диктатуры пролетариата ничем не отличаются от органов буржуазной власти.

День публикации статьи был избран не случайно. Именно

В это время еще не было известно, что Колчак по решению Иркутского ревкома был расстрелян. (Прим. ред.).

в ночь с 4 на 5 марта в Ростове и Нахичевани происходили события, о которых говорилось в начале статьи, — повальные обыски, осуществлялись другие меры по укреплению Советской власти.

В марте 1920 года Ростовская и Нахичеванская-на-Дону партийные организации проводили партийную неделю. С революционной страстью включился в нее и предревкома Я. Х. Петерс. 6 марта в помещении Нахичеванского театра он прочитал лекцию «Коммунистическая партия и другие партии». После этого состоялась запись в Коммунистическую партию.

К апрелю 1920 года Военно-революционный комитет городов Ростова-на-Дону и Нахичевани выполнил свою задачу. Он дал возможность трудящимся городов отряхнуться от ужасов деникинщины, заложил первые начала трудовой организации и способствовал созданию руководящих и исполнительных органов Советской власти. В связи с этим приказом по войскам Кавказского фронта от 9 апреля, подписанным комфронта Тухачевским и членом Реввоенсовета Орджоникидзе, вся власть в городе была передана Ростовскому исполнительному комитету Совета рабочих и красноармейских депутатов, а ВРК был расформирован.

РАНО ВКЛАДЫВАТЬ КЛИНОК В НОЖНЫ¹

Помнится, какое тягостное впечатление произвел на нас Ростов, едва мы въехали в его пределы. Город был захламлен неимоверно. Жители выбрасывали отбросы прямо на улицы. Канализация вышла из строя, в городе появились случаи заболевания холерой. По реке плыло много тухлой рыбы. Замаскировавшиеся белогвардейцы-казаки пойманную рыбу специально недосаливали, баржами отправляли в верховья Дона и Кубани, а там ее выбрасывали в воду. Она плыла по течению, отравляя все вокруг в прибрежных селах и станицах.

И снова партия и правительство поручили нам нелегкую миссию — борьбу с бандитизмом уже в Северо-Кавказском округе.

Бандитов было здесь не меньше, чем на Украине, а обстановка — сложнее. В моем архиве сохранился интересный документ. Председатель Горской чрезвычайной комиссии Хускивадзе доносил начальнику административно-организационного отдела ВЧК Юго-Востока России Андрееву:

«В Грозненском районе, а именно в Чеченском округе, последние 1—1,5 месяца наблюдается усиленная контрреволюционная работа разных темных дельцов. Большинство из них — агенты, бьющие на слабые струны темного чеченца, а именно на его фанатическую религиозность... Еще до сих пор есть целые районы Чечни, где буквально не ступала советская нога. В результате эти районы, свято чтившие законы гостеприимства, оказывали приют и убежище всякой контрреволюционной сволочи, которая, укрываясь в горах, была совершенно неуязвима и вела против нас яростную агитацию, провоцируя Советскую власть на каждом шагу...»

Реввоенсовету предстояло продумать ряд мероприятий, чтобы с первых же дней пребывания Конармии в этих местах сковать деятельность бандитских элементов. Нас особенно беспокоил тот факт, что, по сведениям агентурной разведки, на Дону и Кубани находилось около семи тысяч бандитов, в их числе немало бывших офицеров из армии Деникина и Врангеля. Это

¹ Буденный С. М. Пройденный путь, кн. 3. М., Воениздат, 1973.

были не просто разбойники с большой дороги, а матерые враги, которым уже приходилось вести борьбу с Советской властью. Хуже того, эти бандиты имели большие связи на местах. Умело конспирируясь, они составили широкую сеть контрреволюционных элементов.

Как скорее обезвредить этих людей, руки которых обогреты кровью коммунистов, представителей Советской власти в станицах, селах и аулах, как лишить их возможности вести контрреволюционную работу среди малограмотных в политическом отношении, но честных людей труда, как выловить, арестовать главарей банд?

На совещании, где об этом шел серьезный разговор, высказывались самые различные предложения. При этом подчеркивалось, что политический бандитизм своими корнями уходит в те семейства зажиточных казаков, которые до сих пор не смирились с существованием Советской власти и поэтому всячески стараются насолить нам. Правда, контрреволюционные элементы уже боялись открыто вести работу, они действовали тайно, но это было еще опаснее. Все выступавшие указывали, что в своей деятельности по уничтожению банд мы должны опираться на местные партийные и советские органы Дона и Кубани, на честных граждан и тружеников.

Начальнику особого отдела Конармии Трушину было поручено как можно скорее войти в контакт с ДонЧК и совместно выявить главарей банд. Трушин сообщил, что связь с ДонЧК уже установлена и что вскоре должен приехать... Федор Михайлович Зявкин.

— Зявкин?.. Приедет — немедленно пригласите его ко мне, — сказал я Трушину.

Федора Михайловича Зявкина я хорошо знал. Он был председателем Темерницкого подпольного комитета большевиков и командиром вооруженного отряда рабочих Главных железнодорожных мастерских, а потом — начальником Ростовской красной гвардии. В гражданской войне еще ярче проявился талант Ф. М. Зявкина как организатора масс и пламенного агитатора. Назначенный... в ЧК, Зявкин беспощадно боролся с контрреволюцией... За мужество и отвагу Ф. М. Зявкин был награжден орденом Красного Знамени. Ф. Э. Дзержинский лично вручил ему нагрудный знак почетного чекиста и именное оружие¹.

¹ Дочь Федора Михайловича Зявкина, Любовь Федоровна Маланова, показала мне уникальную вещь, принадлежавшую ее отцу, — звезду из чистого золота с платиновым серпом и молотом. «Ф. Зявкину от шахтрабочих Дона», — вытравировано на ней. Эту звезду в знак особого уважения и любви к своему герою отлили специально для Ф. М. Зявкина шахтеры Дона в далекие боевые годы (Прим. авт.).

Дорогой друг, с любовью
ваше редкое фото. Зина
Ивановна
С. Прохорова
1922.

Действительно, Федор Михайлович не заставил ждать себя и вместе с Трушиным прибыли как раз к обеду. Среднего роста, худощавый, он носил сапоги и гимнастерку, подпоясанную тонким кожаным кавказским поясом. У него были темные, очень живые и выразительные глаза, открытая улыбка, освещающая все его энергичное, подвижное лицо.

Мы с Федором Михайловичем обнялись, как старые друзья.

— Ну, рассказывай, что тут у вас в Ростове делается. — Я усадил гостя рядом с собой.

Федор Михайлович покрутил усы.

— Дела серьезные, и работа предстоит сложная. Дончека располагает сведениями, что в городе есть тайные склады оружия, сотни белых офицеров скрываются под чужими именами.

Я пригласил к столу штабистов, других работников, и Зявкин подробно рассказал нам о бандитизме на Дону и Кубани. Мы долго беседовали. А когда остались одни и настало время прощаться, Зявкин сказал вполголоса:

— Поскольку товарища Ворошилова нет, сообщаю вам одно секретнейшее дело, Семен Михайлович. Пока о нем будем знать лишь вы да я. Есть некто Ухтомский. Слышали о нем?

— Да, и не только слышал. Знаю, что он в прошлом князь, генерал царской армии. А что?

— Ухтомский изменил Советской власти и является руководителем крупной контрреволюционной организации на Северном Кавказе, так называемой «Второй повстанческой волны Юга России».

Я опешил от такого сообщения: время тревожное и такой человек, как Ухтомский, мог многое натворить.

Зявкин сказал, что вначале сомневался, враг ли Ухтомский, но после одного случая все сомнения рассеялись.

— А что это за случай? — спросил я.

— Один из сотрудников Дончека пробрался в окружение Ухтомского и скопировал некоторые документы. Они у нас, эти документы, могу вам их показать...

От Зявкина я узнал, что контрреволюционную организацию возглавляли трое: бывший царский и деникинский генерал-лейтенант князь К. Э. Ухтомский, бывший протоиерей, профессор церковного права и настоятель Ростовского кафедрального собора П. В. Верховский, бывший офицер царской и белой армии Д. И. Беленьков. Разработан план контрреволюционного восстания в Ростове, захвата власти, изоляции и уничтожения партийно-советского актива. Заведен алфавитный учет с указанием адресов известных коммунистов.

— Как видите, дело серьезное, — заключил свой рассказ Зявкин...

— Ухтомского надо арестовать?

Зявкин попросил подождать еще два-три дня, чтобы чекисты успели выяснить как можно больше сообщников Ухтомского из числа бывших белых офицеров.

— Хорошо, — согласился я, — только как бы нам не упустить главаря.

Зявкин заверил, что примет все меры, и попросил выделить ему в помощь людей из особого отдела 1-й Конной.

Я вызвал Трушина и отдал ему необходимые распоряжения.

Поздно вечером, когда я собрался уходить на квартиру, дежурный по штабу доложил:

— К вам прибыл товарищ Зявкин.

Федор Михайлович был чем-то встревожен, это я сразу заметил по его лицу. И не ошибся — Зявкин сообщил, что Ухтомский и его подручный, бывший полковник царской армии Назаров, по сведениям разведки, завтра хотят встретиться.

— Речь, по-видимому, будет идти о мятеже. Да, наверняка о мятеже.

Далее Зявкин доложил, что часть законспирированных белых офицеров получила оружие и приведена в боевую готовность.

— Да, обстановка осложняется, — сказал я. — Надо принимать срочные меры.

Обсудив все детали, приняли решение арестовать Ухтомского (командующего округом К. Е. Ворошилова и члена РВС А. С. Бубнова в Ростове не было, и все вопросы пришлось решать мне одному).

— Возьму с собой двух-трех человек и арестую его прямо на квартире, — сказал Трушин.

Я не был уверен, что все пройдет гладко, и боялся рисковать. Кто знает, как обернется дело — еще скроется Ухтомский. И твердо сказал:

— Если идти, то мне. Не станет же он сразу стрелять?!

Со мной согласились все присутствовавшие. Утром поехали втроем: я, Трушин и Зявкин.

Приехали. Нас встретил высокий, подтянутый, очень стройный человек лет пятидесяти, хорошо вышколенный и знающий себе цену.

— Чем могу быть полезен? — с улыбкой спросил Ухтомский.

— По делу к вам, — сказал я уклончиво.

Некоторое время мирно беседовали. Потом я моргнул Трушину: мол, пора.

— Вы арестованы, господин Ухтомский! — громко сказал Трушин.

Ухтомский вздрогнул, чуть привстал со стула, но тут же сел. Лицо его вмиг сделалось белым как полотно. Он кашлянул, достал из кармана платок и вытер влажный лоб.

— Тут какое-то недоразумение, — сказал он, но сказал как-то неуверенно, растерянно, глядя то на меня, то на Зявкина.

— Не надо таких слов, господин генерал, — спокойно сказал Федор Михайлович. — Донской чека давно все о вас известно. Карта ваша бита, я лишь хочу дать один совет: не прикидывайтесь невинным ягненком...

Я добавил, что от действий Ухтомского и помощи в аресте всех заговорщиков зависит его дальнейшая судьба.

В тот же день был арестован и Назаров. Когда его ввели в мой кабинет, он отрывисто бросил:

— Можете меня расстрелять!

Я усмехнулся:

— Зачем же так сразу?.. Мы еще съездим к повстанцам, поговорим с теми, кто заблуждается и кого вы с Ухтомским обманули. А потом суд решит, как с вами поступить...

Мы предложили Ухтомскому и Назарову написать обращение к повстанцам. В нем указать, что надо обойтись без кровопролития и все спорные вопросы решить мирно, например, на съезде, который следует созвать немедленно.

Под обращением поставили три подписи: Ухтомский, Назаров, Буденный. А место для съезда определили в станице Елизаветинской, недалеко от Ростова...

В назначенный день я, Трушин и Петр Зеленский отправились в Елизаветинскую. Несколько раньше нас к заранее условленному месту встречи вышел эскадрон ЧК, который послал Зявкин. Но когда мы прибыли в назначенный пункт, чекистов там не оказалось: как выяснилось потом, они заблудились в степи. Ждать не стали, поехали без них. Приехали, а в станице не 60 делегатов, как ожидалось, а тысяч семь казаков, казачек, стариков и детей (с делегатами явились их семьи, соседи, друзья и знакомые) — предстоящий съезд вызвал огромный интерес...

Необычный съезд принял такую резолюцию: 1) каждый из участников «Второй повстанческой волны» расписывается в списках против своей фамилии и получает справку о роспуске организации; 2) повстанцы должны сдать все имеющееся у них оружие.

Второй пункт резолюции был выполнен необычайно точно и быстро: казаки сдали не только хранившееся у них оружие, но и подобрали на полях и передали советским властям все оставшиеся от боев патроны и даже пустые цинковые коробки.

Так окончилась «Вторая повстанческая волна юга России».

Что же касается Ухтомского и его сообщников, то их судил Верховный трибунал под председательством Ульриха. На скамье подсудимых сидели бывший князь Ухтомский, бывшие белые офицеры Назаров и Беленьков и бывший настоятель кафедрального собора в Ростове-на-Дону Верховский.

На процессе вскрылись такие факты.

Князь Ухтомский, окончивший академию генерального штаба в 1897-м, участвовал в русско-японской войне. В первую мировую войну был на фронте. С 1916 по 1919 год находился на излечении в Киеве, а перед оккупацией города немцами Ухтомского перевели в Ростов-на-Дону. Он лежал в 14-м военном госпитале. В начале 1920 года Красная Армия освободила Ростов-на-Дону от белогвардейских войск. Администрация госпиталя скрыла настоящую его фамилию и социальное положение, и таким образом бывший князь и генерал-лейтенант белой армии Ухтомский остался незамеченным представителями Красной Армии, проверявшими после занятия Ростова состав больных из числа белых солдат и офицеров. Вылечившись, Ухтомский перешел на нелегальное положение. Он подчинил себе банду полковника царской армии Назарова в две тысячи человек, а самого Назарова назначил командующим «Южной группой войск». Потом установил связь с другими офицерами, одни из которых были на легальном, а другие на нелегальном положении, а также связался с настоятелем кафедрального собора в Ростове-на-Дону Верховским. Через бывшего офицера Черепова, руководившего офицерами-нелегалами, а также князя Долгорукова, который пристроился к церковнослужителям и ведал их денежными средствами, и с помощью бывшего полковника фон Фогеля Ухтомский систематически получал и посылал информацию белогвардейцам о политическом, военном и экономическом положении краев и областей, которые охватывал Северо-Кавказский фронт, а потом военный округ.

Ухтомского информировали, что в Донской области белыми оставлены для подпольной работы 212 офицеров, что в прилегающих к Ростову станицах имеются значительные контрреволюционные партизанские отряды, что подпольная военная организация белых собирает силы для восстания, направленного к свержению Советской власти на Дону и Кубани. На одном из совещаний белых офицеров ему было предложено возглавить

местное восстание. Контрреволюционная организация, между прочим, имела в своем составе особую группу, производившую учет членов РКП(б) и беспартийных ответственных советских работников, с тем чтобы при перевороте ликвидировать их. Списки этих работников были известны и Ухтомскому.

В мае 1921 года на Дону возникли банды Лапутина-Назарова и Говорухина. Лапутин-Назаров имел свидание с Ухтомским, организация которого к этому периоду получила название «Армия спасения России». Было решено, что Лапутин-Назаров целиком подчинится Ухтомскому.

23 июня 1921 года Ухтомский подписал приказ о формировании частей «Армии спасения России», о порядке выступления отрядов.

Деятельным членом этой контрреволюционной организации являлся и подсудимый Беленьков, связанный с самим Ухтомским. В портфеле Беленькова было обнаружено значительное количество бланков различных учреждений с печатями. Впоследствии выяснилось, что эти бланки служили для снабжения фиктивными документами скрывавшихся на Дону белых офицеров и представителей буржуазии. Беленьков являлся представителем информационного отдела белой контрразведки и был оставлен в Ростове для подпольной работы. Он имел агентов во многих советских военных учреждениях, получал копии секретной переписки Кавказского фронта. При активнейшем участии Беленькова в Ростове была организована материальная помощь скрывавшимся офицерам и другим контрреволюционным элементам, в том числе тринадцати священникам во главе с епископом Филиппом, арестованным за враждебную деятельность.

Контрреволюционная организация, к которой принадлежали подсудимые, учитывала свое идейное родство с духовенством и стремилась использовать его влияние на отсталые элементы казачества против Советской власти. Ярким представителем контрреволюционного духовенства являлся третий обвиняемый по этому делу — настоятель Ростовского кафедрального собора Верховский, профессор церковного права при Варшавском, а впоследствии при Донском университете, красноречивый проповедник, пользовавшийся популярностью в религиозных кругах.

Деятели «Армии спасения России» в мечтах своих видели свержение Советской власти на Дону и уже заблаговременно наметили кандидатуру Верховского для служения молебна на Соборной площади после переворота. Верховский в беседах с Ухтомским доказывал, что «дальнейшее народное движение в России возможно при деятельном участии духовенства», и вы-

сказывал пожелание, «чтобы всякое воздействие на народ политических организаций производилось с помощью духовенства и на почве православия и национализма». Деятельность Верховского в организации главным образом сводилась к материальной помощи контрреволюционерам, гнездившимся в Ростове. По его инициативе при соборе, настоятелем которого он состоял, была устроена столовая «для притча и служащих» — столовая, в которой кормились тридцать белых офицеров. Верховский предназначал часть тарелочного сбора для оказания помощи тем же контрреволюционным элементам. Им была отпущена из собора парча для изготовления знамени организации...

Заговорщики были разоблачены и понесли суровое наказание.

На всех широтах молодой страны
Дымами труб, огнями новостроек
Писались от войны и до войны
Страницы величайшей из героик.
В те дни, когда рождался Ростсельмаш,
И поднимались первые колхозы,
Чекисты Дона, труд бессменный ваш
Предотвращал зловещие угрозы.
Но было, было... Пуля у виска...
Ночных пожаров дымные зарницы...
Хранили рубежи погранвойска,
Но были и незримые границы.
И влаивал обрез из-за плетня,
И пулемет косился срезом дульным,
И на исходе трудового дня
Встречали смерть Давыдов и Нагульников...
Вредитель норовил исподтишка
Посеять смуту, дать подножку планам...
Была работа ваша нелегка,
Был поиск непростым и неустанным.

ВСЕГДА НАЧЕКУ

В городе Кирсанове на Рязано-Уральской железной дороге появился новый разнорабочий — шестнадцатилетний подросток Александр Емельянов. Это был расторопный, общительный и любознательный паренек. Вскоре он стал посещать нелегальный просветительный кружок, организованный для рабочих железной дороги. Одновременно Александр самостоятельно готовился и сдал экзамены за четыре класса Кирсановского городского училища. Теперь в кружке он сам помогает молодым рабочим овладевать необходимыми знаниями.

Во время службы в армии он окончательно становится на путь революционной борьбы с царизмом. В 1905 году Александра Александровича арестовали за организацию выступления солдат против издевательств над ними офицеров, держали его в крепости Зергеж (Польша) до 1906 года. Затем А. А. Емельянов возвращается в Кирсанов и работает на железной дороге, а потом переезжает в Курск и устраивается рабочим на одну из фабрик. Все это время, по заданию партийной организации, он ведет разъяснительную работу среди рабочих, призывает их к борьбе против заводчиков и фабрикантов, за экономические и политические права.

Грянула империалистическая война в 1914 году. Емельянов вновь на фронте. Там он с помощью и под руководством большевиков активно включается в революционную подпольную работу среди солдат, помогает им понять, кому нужна эта война.

В ноябре 1917 года Емельянов был принят в партию большевиков. Его направляют членом Военного совета Курского укрепрайона и чрезвычайным уполномоченным 7-й армии. Здесь Александр Александрович показал незаурядные организаторские способности. Эти качества, сочетаемые с общей образованностью, принципиальностью, выдержкой и беспредельной честностью, сыграли свою роль, когда в марте 1919 года принимается решение о направлении его на работу в органы ВЧК. Сначала А. А. Емельянов назначается председателем Курской губЧК, а в декабре 1920 года — в ДонЧК.

А. А. Емельянов

Работал А. А. Емельянов в ДонЧК первое время заместителем председателя, а затем и председателем. Александр Александрович много времени уделял воспитанию сотрудников, учил их быть принципиальными, смелыми, честными и беспредельно преданными партии и трудовому народу. Все это происходило одновременно с активной борьбой против политического и уголовного бандитизма. Борьба эта в условиях разрухи и голода была невероятно трудной.

В мае 1921 года на территории Кубани отрядами чекистов совместно с войсками Красной Армии была проведена боевая операция по разгрому бело-зеленых банд, возглавляемых полковником Жуковым, который прибыл на Кубань по личному поручению Врангеля

с целью объединить все бандитские группы и подчинить их общему командованию. Жукову удалось объединить до десятка банд. Свой штаб он расположил в станицах Уманской и Новоминской.

ДонЧК от имени Советской власти неоднократно обращалась к бело-зеленым бандам с призывом сложить оружие, обещала полное помилование. Но призывы не имели успеха. Банды продолжали терроризировать мирное население. Тогда ДонЧК и войсковые части провели свою операцию, в результате чего четверто главарей банд были убиты, в их числе и Жуков, остальные взяты в плен. Пленены были и многие рядовые бандиты. Некоторым из них удалось уйти в камыши. После поимки главарей в стансоветы начался приток групп и отдельных лиц с повинной.

Однако положение в Донской области все ухудшалось. Неурожай в Поволжье, на Дону и в других местах к осени 1921 года вызвал жесточайший голод. Зарубежные капиталисты и внутренняя контрреволюция пытались использовать тяжелейшее

положение молодой Советской Республики и вновь поднять вооруженный поход против народной власти.

Партия призывала всех тружеников стоять на страже революции и помнить, что лишний оторванный пуд хлеба от государственных запасов усиливает разруху и несет голодную смерть трудящимся. Несмотря на это, хищение государственных запасов приняло массовый характер. Ежедневно растаскивались сотни и тысячи пудов продовольствия. Органам государственной безопасности приходилось усиливать меры борьбы с хищением, взяточничеством и бесхозяйственностью, карая преступников наравне с контрреволюционерами.

Вся работа по борьбе с уголовным бандитизмом проводилась только под руководством ДонЧК, а судебное разбирательство этих дел возлагалось на специально созданную в декабре 1921 года чрезвычайную сессию реввоен трибунала СКВО и 1-й Конной армии, куда вошел один из членов коллегии ДонЧК.

Аппаратом ДонЧК была раскрыта организация расхитителей на 1-й государственной заготовительной фабрике в городе Ростове-на-Дону, где под руководством предфабкома Тересфельда Муз, Данишевский, Кузнецов, Гольдман и другие расхищали товары и продукты. Каждый член организации за вынос продукции с фабрики должен был дать секретарю фабкома 10 тысяч рублей, а контролеру-обыщику — 5—10 тысяч рублей. Заготовщики сами присваивали товар, за что платили секретарю фабкома 25 тысяч рублей. Материалы этого дела также были направлены на рассмотрение чрезвычайной сессии ревтрибунала СКВО и 1-й Конной армии.

Большую работу ДонЧК провела по спасению детей от голода. А. А. Емельянов был одним из первых, кто принял самые решительные меры по борьбе с детской беспризорностью. Еще на 1-м съезде военкомов войск ВЧК Северо-Кавказского военного округа в октябре 1921 года был поставлен вопрос о шефстве войск ВЧК СКВО над голодающими детьми. В решении съезда говорилось о создании детских домов при воинских частях. Шефство над голодающими детьми осуществляли также гражданские предприятия и учреждения. Количество детских домов в Донской области к маю 1922 года увеличилось с 17 до 83. Одновременно были созданы «группы помощи детям», которые засеяли за Доном десятки десятин земли разными культурами для оказания помощи в питании голодающим детям.

К декабрю 1921 года политический бандитизм в Донской области был сведен на нет. Теперь серьезное внимание обращалось на борьбу с уголовным бандитизмом. Для его искоренения принимались самые решительные меры.

По Ростову и Нахичевани было раскрыто несколько крупных преступлений, в связи с которыми задержано и выловлено немало воров-рецидивистов и известных главарей банд грабителей. Из них до полутора десятков убиты на месте преступления во время перестрелки с сотрудниками ЧК, уголовного розыска и милиции. Материалы на преступников, захваченных во время операций, передавались на рассмотрение чрезвычайной сессии ревтрибунала СКВО и 1-й Конной армии.

1922 год был не менее трудным, чем предыдущий. Голод, разруха, вредительство, отдельные вылазки контрреволюции все еще имели место. В марте ДонЧК разоблачила контрреволюционную повстанческую организацию в станице Морозовской, которая насчитывала в своих рядах более тридцати человек. Возглавлял ее бывший белый офицер Щербаков. Им было задумано свержение Советской власти в Морозовском округе. С этой целью он собрал вокруг себя шайку бандитов из бывших на службе у белых казаков. Организация охватила станицы Морозовскую, Милютинскую, Обливскую и ряд хуторов вокруг них. Бандиты совершали грабежи и убийства.

Недалеко от хутора Полякова они расстреляли четырех коммунистов, забрали продовольствие и 17 лошадей и выехали в хутор Терновой. По дороге встретили и расстреляли председателя станисполкома Милютинской и, ворвавшись в эту станицу, разгромили исполком, нарсуд, телеграф, сожгли все бумаги и дела.

Вскоре после этого зверства чекистами Дона совместно с частями Красной Армии была проведена боевая операция, в результате которой Щербакова и еще нескольких бандитов убили во время перестрелки, а остальные 29 человек предстали перед судом Донревтрибунала.

В октябре 1922 года Александр Александрович Емельянов из ДонГПУ был переведен на работу в Горский отдел ОГПУ, в город Владикавказ (ныне Орджоникидзе), где еще активно действовали уголовно-политические банды. Чекисты Дона в знак уважения и признательности за совместную службу вручили Александру Александровичу Емельянову памятный сувенир и приветственный адрес, в котором писали: «...Ваша абсолютная честность и беспристрастность выявили в Вас незаменимого работника и верного защитника рабоче-крестьянской власти и Коммунистической партии. Ваша фамилия «Емельянов» звучала революционной грозой для преступников и контрреволюционеров во всех уголках Донской области, а среди рабочих и крестьян была символом защиты и товарищеского воздействия...»

В. Н. Шапошник,

*кандидат исторических наук,
подполковник в отставке*

«ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО»

В апреле 1928 года объединенный Пленум Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) заслушал доклад комиссии Политбюро ЦК о практических мероприятиях по ликвидации недостатков, обнаруженных в связи с так называемым «шахтинским делом». В специально принятой по этому вопросу резолюции определялось, что «шахтинское дело привело к раскрытию контрреволюционной вредительской организации в Донбассе. Это дело приобрело явно общесоюзное значение, так как вскрыло *новые формы и новые методы борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государства, против социалистической индустриализации*»¹.

Как была раскрыта контрреволюционная организация? Какова роль в этой работе ОГПУ края и страны? Какая конкретная практическая преступная работа велась участниками организации и что именно удалось узнать о зарубежных контрреволюционных центрах и разведорганах иностранных государств?

Ответы на эти вопросы мы находим в архивных фондах. Они исходят от лиц, возглавлявших работу по раскрытию и расследованию «шахтинского дела». Подробности дела отражены в стенограммах II пленума Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 30 марта 1928 года, обсуждавшего на утреннем и вечернем заседаниях доклад полномочного представителя ОГПУ на Северном Кавказе Е. Г. Евдокимова².

Ефим Георгиевич Евдокимов сыграл большую роль в раскрытии этого дела. В органах государственной безопасности он начал работать с июня 1919 года, когда получил назначение начальником особого отдела Московской ЧК. Работая под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского, Евдокимов вместе с подчиненным ему аппаратом принимал активное участие в выявлении и ликвидации контрреволюционного «Национального центра», в аресте участников монархического подполья и других антисветских организаций.

Через полгода он был направлен на Юго-Западный фронт заместителем

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, т. 4. Политиздат, 1970, с. 84.

² Партийный архив Ростовской области (ПАРО), ф. 7, оп. 1, д. 626.

начальника особого отдела фронта. С января 1921 и до середины 1923 года находился на руководящей работе в Укр ЧК и ГПУ Украины.

Летом 1923 года Е. Г. Евдокимов был назначен полномочным представителем ОГПУ на Юго-Востоке России. Он прибыл в Ростов-на-Дону, где возглавлял органы ОГПУ около десяти лет с небольшими перерывами. С именем Евдокимова здесь связаны серьезные успехи органов госбезопасности по выявлению и ликвидации белогвардейских организаций и шпионско-диверсионных центров, возникших уже после окончания гражданской войны.

В начале 1928 года органами ОГПУ была раскрыта и предана суду крупная вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинско-Донецком округе Северо-Кавказского края. О результатах расследования «шахтинского дела» полномочный представитель ОГПУ Е. Г. Евдокимов доложил на II пленуме Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в конце марта 1928 года.

Е. Г. Евдокимов

В органы госбезопасности еще в 1926 году начали поступать сведения о том, что на шахтах Донецко-Грушевского рудоуправления часть бывших старых специалистов ведет антисоветскую работу. А 1927 год принес разрыв дипломатических отношений с Англией. Появляется угроза нападения империалистов на СССР. Заграницей развязываются одна за другой антисоветские кампании. На ряде шахт Шахтинско-Донецкого округа в это время резко увеличивается количество аварий, пожаров, завалов, часто с человеческими жертвами. Сотрудники ОГПУ стали подбирать, суммировать и анализировать эти факты, интересоваться лицами, виновными в наиболее крупных авариях, пожарах и других преступных действиях. Анализ дал убедительные результаты: виновниками наиболее серьезных преступных актов оказались бывшие буржуазные специалисты, группировавшие вокруг себя враждебно настроенных к Советской власти лиц.

Полученные сведения заставили органы ОГПУ заняться проверкой этих «специалистов», выясняя, где они находились и чем занимались в период гражданской войны. Нужно было как можно обстоятельнее узнать, не являются ли действия бывших буржуазных специалистов злостной подрывной работой против

Советской власти. Чекистские органы обратились к рабочим, знавшим этих специалистов еще до Великой Октябрьской социалистической революции, а затем в период гражданской войны и после ее окончания. За два месяца было опрошено около 600 рабочих, которые с большой ответственностью отнеслись к сообщаемым органам безопасности сведениям. Они показали, что подавляющее большинство специалистов Донецко-Грушевского рудоуправления лояльно относится к Советской власти и добросовестно работает на шахтах. Вместе с тем рабочие рассказали о многочисленных фактах преступного отношения к своим обязанностям со стороны ряда лиц, занимавших положение начальников шахт или участков, на которых оказалось особенно много аварий. При этом это были как раз те специалисты, которые проявляли враждебное отношение к власти Советов.

Поскольку теперь не было сомнения, что преступления на шахтах носили умышленный характер, в августе 1927 года органы ОГПУ произвели первые аресты. Одновременно по наиболее крупным авариям, взрывам и затоплениям на шахтах были проведены технические экспертизы. Допросы арестованных и заключения экспертных комиссий подтвердили злонамеренный, вредительский характер деятельности привлеченных к следствию преступников. Оказалось, что часть арестованных старых спецов имела тесные связи с белогвардейской контрразведкой еще в годы гражданской войны.

Дальнейшее следствие и оперативные мероприятия ОГПУ привели к тому, что антисоветские вредительские группы были выявлены на Власовском и Несветайском рудниках, на бывших шахтах Парамонова и Автопром. При этом большинство из первоначально привлеченных к уголовной ответственности лиц (23 человека) ранее являлись руководящими деятелями Донецко-Грушевского антрацитового акционерного общества или его акционерами, получившими затем назначение на должности инженерно-технического персонала в Шахтинско-Донецком округе Северо-Кавказского края.

В январе 1928 года ряд арестованных, будучи уличенными неопровержимыми доказательствами, признались в принадлежности к антисоветской организации буржуазных специалистов, которая по заданию бывших собственников угольных предприятий Дона и Донецкого бассейна из-за рубежа тайно вела подрывную работу на углепромышленных предприятиях Юга Советского Союза. ОГПУ Северо-Кавказского края в этом же месяце доложило о «шахтинском деле» в ОГПУ Центра и ЦК ВКП(б). С начала 1928 года руководство всеми мероприятиями

ми по раскрытию заговора буржуазных специалистов осуществлял видный деятель партии и Советского государства, преемник Феликса Эдмундовича Дзержинского на посту председателя ОГПУ СССР — Вячеслав Рудольфович Менжинский¹. Для оказания помощи в расследовании «шахтинского дела» из Москвы был направлен в Ростов-на-Дону известный организатор и практический деятель советской юстиции, прокурор Верховного Суда СССР Николай Васильевич Крыленко, который выступал затем государственным обвинителем по делу «шахтинцев»².

Нити от «шахтинского дела» шли за рубеж. Еще в 1921 году эмигрантская часть торгово-промышленных кругов России, успевшая заранее перевести свои капиталы в западные страны, на созванном в Париже съезде образовала Российский торгово-промышленный и финансовый союз (Торгпром). Союз объединил около четырехсот наиболее богатых и контрреволюционно настроенных представителей русской буржуазии. Аналогичные союзы были созданы в ряде других стран и крупных городов Западной Европы, но парижское объединение признавалось центральным.

К моменту возникновения «шахтинского дела» органы ОГПУ сумели получить из-за границы подробную информацию о Торгпроме и его деятельности. Из декларации этого союза, опубликованной при его создании, видно, что своей главной задачей он ставит «участие в освобождении России от Советской власти». Торгпром имел много единомышленников на территории нашей страны, главным образом среди спецов, в прошлом близко стоявших к своим патронам.

Полученные из-за рубежа сведения подтверждали материалы следствия по делу «шахтинцев». Полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е. Г. Евдокимов предоставил участникам пленума крайкома партии для ознакомления показания ряда арестованных, которые занимали в антисоветской организации руководящее положение. Суть их сводилась к тому, что заговорщики скрывали богатые месторождения угля от Советской власти, задерживали их разработку. В этих целях применяли разные методы, завалы, затопления, поджоги на действующих шахтах. Вместе с тем закладывали разработки в новых местах, хотя они заведомо были нерентабельными, убыточными.

В 1925—1927 годах главари шахтинской организации — быв-

¹ Гладков Т., Смирнов М. Менжинский. «Жизнь замечательных людей». «Молодая гвардия», 1969, с. 318—321, 346.

² ПАРО, ф. 7, оп. 1, д. 626, с. 81—84; Крыленко Н. В. Судебные речи. Изд-во «Юридическая литература», 1964, с. 18—19.

ший управляющий Донецко-Грушевским акционерным обществом Горлецкий, инженеры Матов, Сущевский, Братановский — сумели пробраться на руководящие должности в управления «Новое строительство», Донугля, Главгортопа и там проводили свою преступную работу¹. А один из руководителей Донецко-Грушевского акционерного общества Рабинович после Шахт работал в Москве, в ВСНХ, затем в Госплане, имея отношение к планированию добычи каменного угля на Юге страны.

Когда к концу восстановительного периода торговые связи с зарубежными фирмами сделались более регулярными, участники контрреволюционной организации установили контакты с парижским центром Торгпрома и входившим в его состав «Объединением бывших горнопромышленников Юга России», «Польским объединением бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе», «Обществом кредиторов бывшей старой России», другими белогвардейцами, а также владельцами крупных иностранных фирм, используя эти связи в преступных целях. От парижского центра вредители получали руководящие директивы и денежные средства для борьбы с Советской властью.

Арестованный Горлецкий объяснял на следствии, что в последнее время участники организации настолько были уверены в нападении империалистов на СССР, что решили вести себя более активно по подготовке свержения Советской власти. Они не только вели вредительскую работу на шахтах, но и закупали за границей дорогостоящее оборудование и, не используя его, припрятывали для своих хозяев на случай их возвращения. Участники организации, кроме того, всякими способами ухудшали положение рабочих, портили вентиляцию, тормозили выдачу спецодежды, срывали снабжение продовольствием и промышленными товарами, проводили контрреволюционную агитацию. Всеми этими преступлениями вредители пытались вызвать недовольство рабочих властью Советов.

Обсуждение доклада Е. Г. Евдокимова на пленуме Северо-Кавказского крайкома партии происходило почти в течение всего дня 30 марта 1928 года. Выступали в прениях члены и кандидаты в члены крайкома, работники крайкома ВКП(б) и исполкома крайсовета, руководящие работники хозяйственных органов. Все они с пониманием отнеслись к сообщениям полномочного представителя ОГПУ. В выступлении Н. В. Крыленко были названы факты грубых нарушений в работе ряда хозяйственных, профсоюзных органов, партийных организаций, по которым

¹ Партия большевиков у власти, ч. 1. М., Политиздат, 1950, . 643.

же принималось соответствующих мер. Вредители воспользовались этой бесконтрольностью и бесхозяйственностью.

Руководил работой пленума крайкома партии кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, который с января 1928 года был первым секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б)¹. В своем заключении по прениям А. А. Андреев подвел итоги обсуждения доклада о «шахтинском деле».

В резолюции пленума отмечалось исключительное значение раскрытия органами ОГПУ края «контрреволюционного заговора группы буржуазных спецов, ставивших своей целью разрушение хозяйств Донугля и южных районов каменноугольной промышленности в интересах старых хозяев-капиталистов и их планов содействия интервенции в районе против СССР» и подчеркивалось, что «обнаруженный заговор вскрывает с достаточной полнотой новые формы и методы борьбы контрреволюции в области нашего экономического строительства в связи с действиями зарубежных групп и заграничной военной разведки»².

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в резолюции от 11 апреля 1928 года, отметив политическое значение «шахтинского дела», подчеркнул, что вредительская организация в Донбассе, «созданная бывшими шахтовладельцами и группой особо привилегированных в прошлом специалистов, была связана с бывшими русскими и иностранными собственниками, а также с иностранной разведкой и, помимо других задач, ставила своей целью срыв обороны Советского Союза и прямую подготовку к интервенции и к войне с СССР»³. Разоблачение этой организации было большой победой советских органов государственной безопасности.

¹ ПАРО, ф. 7, оп. 1, д. 621, с. 4—5.

² История индустриализации Северного Кавказа (1926—1932). Документы и материалы. Издание Главного архивного управления при Совете Министров СССР. Грозный, 1971, с. 203.

³ КПСС в резолюциях... т. 4, с. 84.

Страну родную заслонив собой,
Перед восходом, от обстрела мгlistым,
В неравный бой — в тот самый первый бой
Вступили пограничники-чекисты.
Еще так тихо было на Дону,
Еще в Ростове мирно спали люди...
Вы первыми попали на войну,
Солдаты без окопов и орудий.
Потом запомнят ваши имена
Вокзал, аэропорт, Зеленый остров...
На фронте и в тылах от вас война
Потребовала трудного геройства.
Вошла в легенды вашей воли твердь:
Мечом, щитом служили вы Отчизне.
Шпионам — гарантировали смерть.
Себе — не гарантировали жизни.
Долг до конца! Он вашей стал судьбой.
Недосчитались на поверке многих...
И в День Победы не звучал отбой
Для вас, усталых, сдержанных и строгих.

В. П. Березин,

журналист

БОЙ У ВОКЗАЛА

На здании железнодорожного вокзала станции Ростов-Главный укреплена мемориальная доска с надписью:

«В ноябре 1941 года в районе железнодорожного вокзала, защищая город, в бою с немецко-фашистским десантом героически погибли чекисты Кулаев Федор Афанасьевич, Башмахчиев Арам Аршакович, Семькин Николай Иванович, Чернявцев Антон Никитич, Синельников Николай Мефодьевич».

Кто же они, эти герои, и какой подвиг совершили они, заслужив себе славу и вечную память?

Случилось это 20 ноября 1941 года. Фашисты, создав большое превосходство в живой силе и технике, стремились во что бы то ни стало завладеть «воротами» Кавказа — Ростовом. Враг уже ворвался на окраины, развернулись жаркие уличные бои. Фашисты все ближе подбирались к центру города, к железнодорожному вокзалу, к мосту через Дон. При этом они не брезговали применением самых грязных и коварных приемов. Фашистская военная разведка (абвер) засылала в город шпионов и целые группы диверсантов, переодетых в форму воинов Красной Армии, провокаторов и распространителей панических слухов, надеялась дезорганизовать нашу оборону. Диверсанты подожгли РИИЖТ, рыбный магазин, завод шампанских вин, совершали убийства советских людей.

18 ноября чекистами Кулаевым, Башмахчиевым и Саркисовым в районе Ростсельмаша был задержан неизвестный в форме командира Красной Армии, оказавшийся гитлеровским офицером-шпионом.

20 ноября около трех часов дня в горком партии заехал начальник управления Северо-Кавказской железной дороги Алексей Игнатьевич Нецветай и доложил, что на станции скопилось много эшелонов, в том числе с ранеными воинами и эвакуированными гражданами. По телефону связались с вокзалом. Вести были тревожные. Начальник станции Демин сообщал:

— Сейчас стою в простенке между окнами, а вокруг свистят

Ф. А. Кулаев

пули. Стреляют в нас люди, одетые в форму Красной Армии. Они обливают керосином вагоны и поджигают их.

Алексей Игнатьевич решил срочно выехать на станцию, чтобы навести порядок и ускорить эвакуацию. Чекистам было поручено выяснить, кто же стреляет в наших.

Начальник ростовского Управления НКВД Сергей Викторович Покотило приказал выполнить эту задачу оперативной группе во главе с лейтенантом госбезопасности Федором Афанасьевичем Кулаевым, смелым и решительным офицером. Совсем недавно Покотило писал в характеристике на коменданта Управления Ф. А. Кулаева: «За время службы в органах

НКВД Ростовской области, с 1932 года по настоящее время, тов. Кулаев проявил себя энергичным и добросовестным работником, хорошо знающим порученное ему дело. Являясь членом ВКП(б) с 1930 года, активно участвовал в партийной жизни, в чекистском коллективе пользовался заслуженным авторитетом и любовью, был настоящим товарищем».

Очень рано началась боевая юность Кулаева. Семнадцатилетним юношей он ушел вместе с отцом — рабочим Грозненских нефтяных промыслов — Афанасием Кулаевым в партизанский отряд, в составе которого они били белогвардейцев на Северном Кавказе. В 1918 году в бою погиб отец, а Федор Кулаев вступил в ряды Красной Армии и героически сражался с белыми на Кавказе.

В 1924 году Федор Афанасьевич демобилизовался и работал в милиции, советских хозяйственных организациях. Строгим и требовательным к подчиненным был Ф. А. Кулаев, но в то же время справедливым и заботливым.

С 1932 года Федор Афанасьевич работает в Ростове, в органах НКВД. Крепко полюбил Федор Афанасьевич этот город, но часто вспоминал и родной Орджоникидзе.

О селе Ардон, где родился Федор Афанасьевич, и городе

Орджоникидзе он чаще всех вел разговор с Николаем Ивановичем Семыкиным, своим помощником по комендатуре.

Родился Н. И. Семыкин в селе Роговом Мантуровского района Курской области, с пятнадцати лет работал в сельском хозяйстве, а в 1932 году приехал в город Орджоникидзе и поступил молотобойцем на металлургический завод.

— Красивый ваш город, товарищ командир, — поддерживал Семыкин разговор с Кулаевым. — И народ там честный, смелый, приветливый, открытый. Много друзей среди осетин осталось у меня на заводе.

До самого призыва в Красную Армию жил и работал Семыкин в Орджоникидзе, а после увольнения, в 1938 году, поступил на службу в Управление НКВД Ростовской области.

«За время службы в Красной Армии и в органах НКВД, — говорится в служебной характеристике на Семыкина, — проявил себя знающим специалистом, добросовестным и аккуратным в работе, скромным и отзывчивым человеком. В 1936 году, будучи в Красной Армии, вступил в ВЛКСМ, в 1940 году принят в ВКП(б). Принимал активное участие в общественной жизни».

Ростовские комсомольцы 20-х годов знают и нередко вспоминают своего товарища, члена ВЛКСМ с 1923 года Арама Аршаковича Башмахчиева. В девятилетнем возрасте приехал он вместе с родителями из Армении в город Ростов-на-Дону и по окончании школы работал маляром, жестянщиком, кровельщиком, слесарем.

В 1931 году был принят на работу в Управление НКВД Ростовской области и в том же году вступил в члены партии. В его служебной характеристике записано: «За время службы в органах НКВД тов. Башмахчиев являлся примером дисциплинированности и честного отношения к работе. Добросовестно выполнял свои обязанности, не имел ни одного взыскания. В партийной организации принимал активное участие, был секретарем первичной партийной организации».

Арам Аршакович умел правдивым, доходчивым словом разъяснить сложную политическую обстановку в стране и за рубежом, на примере своих товарищей по оперативной группе убедительно показывал нерушимую крепость дружбы народов нашей страны.

В оперативную группу были включены Н. М. Синельников и А. Н. Чернявцев. В органах НКВД они служили два года. А до этого оба после окончания семилетки работали в колхозе: Николай Синельников — трактористом на хуторе Куцая Балка Куцевского района Краснодарского края, Антон Чернявцев — возчиком в сельхозартели имени Сталина станицы Семикара-

Н. И. Семькин

А. А. Башмахчиев

корской Ростовской области. Потом служили в Красной Армии. У обоих одинаковая служебная характеристика: за время службы в органах НКВД проявили себя честными, добросовестными, исполнительными и дисциплинированными работниками, активными общественниками...

— Башмахчиев, Семькин, Синельников, Чернявцев идут со мной. Кроме личных автоматов, взять с собой три ручных пулемета. Саркисов остается дежурным по обкому партии.

Спускаясь по улице Энгельса, около бумажной фабрики имени Калинина чекисты увидели изрешеченную пулями автомашину начальника управления дороги и в ней — убитого Алексея Игнатьевича Нецветая. А через несколько шагов на мосту через речку Темерник по группе Кулаева враг открыл огонь.

Чекисты оказались в затруднительном положении: они видели только солдат и командиров в форме Красной Армии, которые стреляли по советским же воинам и гражданским лицам. Подбежавший красноармеец сообщил Кулаеву, что огонь в районе железнодорожного моста и вокзала ведут фашистские диверсанты, одетые в нашу форму. Понимая, какую опасность представляют в центре города диверсанты, лейтенант Кулаев направил красноармейца с донесением командованию, а возглавляе-

Н. М. Синельников

А. Н. Чернявцев

мая им группа вступила в неравный бой с фашистами. Стреляли выборочно: лишь в тех, кто открывал огонь по ним.

Благодаря смелым и решительным действиям, чекисты оттеснили фашистских диверсантов в сторону большого каменного моста, а затем проникли в здание вокзала. Успеху боя во многом способствовало правильное руководство подчиненными со стороны командира группы — Кулаева, имевшего боевой опыт в гражданской войне, в разгроме белогвардейских банд на Северном Кавказе. Отважно бился секретарь парторганизации Башмахчиев. Командир отделения Семькин и бойцы Синельников и Чернявцев прошли хорошую школу подготовки во время службы в Красной Армии, и теперь они косили из ручных пулеметов фашистскую нечисть.

К этому времени в горком партии поступили сведения о том, что одна группа диверсантов продвинулась от вокзала вверх по Красноармейской улице. Возле школы № 46, в здании которой размещался в то время облвоенкомат, убиты в автомашине всенный комиссар Ростовской области полковник Денис Денисович Малиевский и водитель его автомашины рядовой Дьяченко. Встреча их с гитлеровскими диверсантами в форме военнослужащих Красной Армии была также неожиданной. Лишь си-

девший сзади интендант третьего ранга Саблев сумел выскочить из машины и уложить одного диверсанта, а затем и сам был убит.

Обстановка для чекистов осложнялась, но они продолжали стойко сражаться с врагом. Даже оказавшись в окружении врага — в здании вокзала, — будучи ранеными, при недостатке патронов, отважные чекисты продолжительное время сдерживали натиск около сотни гитлеровцев и дали возможность отправить со станции несколько эшелонов. В неравном бою герои-чекисты погибли.

Заняв на другой день город Ростов-на-Дону, гитлеровцы надругались над их трупами. Сняли с советских патриотов обувь, одежду, а затем уложили их прямо на привокзальной площади и стреляли по каждому, кто пытался приблизиться к ним. Не понимали фашисты, что стойкость, мужество чекистов, даже их смерть, придавали силы советским людям в борьбе с ненавистным врагом.

Прошли годы. В 1965 году за проявленные мужество и героизм при обороне города Ростова-на-Дону Ф. А. Кулаев, А. А. Башмахчиев, Н. И. Семькин, Н. М. Синельников и А. Н. Чернявцев Президиумом Верховного Совета Союза ССР посмертно награждены орденами Отечественной войны II степени.

Ростовчане свято чтут память о чекистах группы Кулаева. У подножия братской могилы героев всегда свежие цветы. В школе № 35 оборудован стенд, посвященный героям-чекистам. Имя их носит лучший в учебном году шестой класс. Частые гости школьников — сотрудники госбезопасности, которые рассказывают о подвиге чекистов, призывают молодое поколение быть честным, бдительным и всегда готовым к защите любимой Родины.

В. П. Беляев,

*подполковник в отставке,
почетный сотрудник
госбезопасности*

ЧЕРЕЗ ГОДЫ СТАЛО ИЗВЕСТНО

За день до вступления фашистов в Ростов-на-Дону Нина Золотко под досками на чердаке сарая спрятала самое ценное: комсомольские билеты (свой и сестры Ани), письма, которые присылал с фронта муж-политработник.

Перед тем как занять город в июле 1942 года, гитлеровцы подвергли его жестокой бомбежке и артиллерийскому обстрелу. Остаться в щели, вырытой около дома, было уже опасно. Подруга и ровесница Ани восемнадцатилетняя Вера Пивоварчук предложила им более надежное место — глубокий и просторный погреб, внутри обложенный кирпичом, а сверху накрытый бревнами. Схватив пятилетнюю дочурку Аллочку, Нина бросилась вслед за Аней.

Домой вернулись только на третий день — 26 июля. Фашистские самолеты, пролетая над Ростовом, сбрасывали свой смертоносный груз за Батайском — там гремел бой. На улице было тихо. Но в их дворе оказались какие-то странные люди. Молчаливые солдаты в красноармейской форме убирали со двора и из комнат битое стекло, осыпавшуюся от бомбежки штукатурку; зачем-то вносили в дом школьные парты. Распоряжения им отдавал на русском языке худой, высокий, строгий старшина.

Хозяйкам дома дозволили жить во флигеле, но больше никуда не входить. Не разрешили Ане взять даже учебники из кладовки.

На другой день появился «пан Валерий». Он и еще долговязый парень заняли одну из комнат. В раскрытое окно было видно, что оба что-то писали. К вечеру того же дня пришел немецкий офицер. К нему вызвали двух красноармейцев. Когда стемнело, немец увел их с собой. «Наверное, на расстрел», — подумала Аня.

И так повторялось каждый день: двух-трех русских немцы после вызова куда-то увозили.

— Сначала допрашивают наших военнопленных, а потом убивают, — с горечью рассказывала Аня пришедшей к ней Вере. — А один русский вызывает их к немцам, в доверии у них.

— Какой он русский — выродок, продажная шкура! — горячилась Вера. — Но в наш дом и он не посмеет войти, там только немцы — фельдфебель Аппельт. Нас с мамой выгнали из погреба. Устроились мы в землянке, в дальнем углу сада. Если захочешь к нам, то иди через дворы и сады соседей.

— Чем бы помочь красноармейцам? — сочувственно спрашивала Аня подругу. — Один из них, которого почему-то кличут Кадыр, попросил походить по городу, записать, сколько встретится автомашин, орудий, немецких солдат, и передать ему. Ты согласна, Вера?

— Конечно, Аня. Но почему его так странно называют — Кадыр?

— Не знаю. Все военнопленные называют друг друга просто по именам, а с немецкими офицерами здороваются по-красноармейски и почему-то обращаются к ним со словом «товарищ»...

— А мое имя тоже простое — Петр. — Долговязый вышел из беседки, увитой виноградом, около которой подруги и вели свой разговор. Он их, конечно, слышал.

Вера бросила на него злобный взгляд, встретила с глубоко посаженными серыми глазами, рассматривавшими ее, отвернулась. Аня стояла, понурив голову, ожидая, что теперь сделает этот немецкий холуй.

— Иди возьми свои учебники, — сказал Петр изумленной девушке.

В доме никого не было. Впрочем, ничего секретного или необычного она все равно не смогла бы увидеть, переступив порог, — разве что школьные парты. Она и не подозревала, что здесь, в их доме по 1-й Баррикадной, разместилась школа, а в доме, где жила Вера, — канцелярия разведывательного органа вражеской 17-й армии — абвергруппа-102, готовящая шпионов для заброски в тыл Красной Армии.

А их, опять же в форме солдат и командиров Красной Армии, прибыла новая партия. Наивное доверие Ани к «попавшим в лапы фашистов русским людям» потянуло к сближению и желанию чем-то помочь им. И однажды она едва не погубила себя. Аня показала «пленным» фотокарточки, а подошедшей Вере напомнила: «Это те самые, которые мы сделали для комсомольских билетов». Хотела сказать подруге и где хранит комсомольский билет, но тут ее прервал резкий окрик высунувшегося из окна Петра. Ему, видите ли, захотелось перца. Сию минуту. Немедленно.

Аня нехотя побрела исполнять прихоть ненавистного человека. Вскоре к ней присоединилась Нина. Испуганная и встре-

воженная, она зашептала сердито: «Перестань болтать. И с Кадыром не вступай в разговоры». Оказывается, ее позвал Петр, громко, для всех, распорядился принести помидоров, а в коридоре придержал за руку и тихо предупредил, чтобы ее сестра не говорила лишнего.

Так кто же он, этот Петр? Почему он на виду, особенно при немцах и своим начальнике Валерии, — суровый и строгий, а украдкой дает Аллочке хлеб и кусочки сахара?

Кстати, и Валерий куда-то исчез. Вместо него в той писарской комнате появился «товарищ Петровский» — так именовали его «красноармейцы».

Но вот настал черед и Петра. Здорово на него кричал Петровский. Девочки слышали, как он приказал Кадыру, переодетому почему-то в полицейскую форму:

— В карцер его, в карцер!

А Петр вовсе и не являлся тем, за кого его принимали. Это был советский разведчик. И чуть ли не за руку поймал его Петровский. Под этой фамилией был засекречен Петр Зотович Самутин — бывший царский офицер и петлюровский ротмистр. Он окончил академию генштаба буржуазной Польши, служил в их разведке и имел звание подполковника, а с приходом в Польшу гитлеровцев выкрал секретные документы и принес их своим новым хозяевам. Обо всем этом Петр узнал и сообщил через связного в Центр. В абвергруппе-102 Самутин — заместитель шефа, занимавшийся изготовлением документов, действующих в тылу Красной Армии. Он стал непосредственным начальником Петра, писарем...

А до этого начальником Петра был Валерий Шевченко. «Пан Валерий» следил за каждым его шагом.

Для себя же Петр отметил: Валерий Шевченко, он же Гартман, 28 лет. Бежал при освобождении Красной Армией Западной Украины в Братиславу. Ярый буржуазный националист. Служил у фашистов несколько лет, за что получил от них надел земли во Львовской области. Требует величать его «пан Валерий». В абвергруппе-102 выполняет работу по подготовке агентов, забрасываемых в расположение Красной Армии, изготовлению для них соответствующих документов: красноармейских книжек, командирских удостоверений, партийных и комсомольских билетов... Но есть и слабости у Шевченко: большой любитель выпить и погулять. Бывает, что допускает халатность в обращении с документами.

Нельзя ли использовать эти слабости для компрометации Шевченко, чтобы избавиться от него? Возможность вскоре представилась. Как-то Шевченко и Петр сидели за партами в ком-

нате. Петр заполнял документы на очередную группу шпионов. Фамилия, имя, отчество, год рождения, звание и место службы — в его руках, надо только запомнить. А еще бы узнать, когда и куда они будут заброшены, но эти данные в папке у Шевченко. На одного шпиона оказалась лишняя фотокарточка, вот бы изловить момент, чтобы сунуть ее в карман. Прикрыл листом бумаги.

И тут в комнату заглянул приятель Шевченко — немец Крюгер.

— Ком, ком, Валерий, — манил он пальцем Шевченко. — Айн момент.

Петр понял: зовет на очередную попойку. Сколько времени там, за дверью, Крюгер будет уговаривать Шевченко? Минуту, две? Петр быстро подошел к его столу, выбрал из папки три нужных листа и едва успел отойти, как вернулся Шевченко. К счастью, он торопился. Не проверяя содержимого папки, отнес ее в канцелярию.

Петр проследил из окна, как он хлопнул дверцей машины и уехал. Развернул листы. В правом верхнем углу — гриф, два красных треугольника: «Строго секретно». Как раз то, чего не доставало. Быстро переписал, и пока в карман, а потом — в тайник.

Ну а что делать с документами? Уничтожить? Нет, нельзя. Завтра Шевченко проанализирует, вспомнит, что, оставив папку, он выходил с Крюгером из комнаты, и что там был только писарь. Душу вытрясет.

Петр вышел на крыльцо. Млея от жары, за тенью дерева остановился часовой. Его путь лежал от канцелярии к дому, по той дорожке, по которой только что пробежал Шевченко. В один миг Петр бросил листки на дорогу и скрылся в своей комнате. Из окна видел: вот часовой пошел, остановился у белевших на земле бумаг, наклонился, поднял — и помчался в канцелярию.

... Нашли Шевченко через несколько часов в такой компании, какую разведчику надлежит обходить десятой дорогой. Он был пьян и объяснить ничего не смог. Протрезвел в СД — в отделении немецкой службы безопасности. А там разговор короткий: расстрел.

В тот раз все сошло для Петра благополучно. А теперь, когда ничто, казалось, не предвещало беды, он попался. Самутин за несколько дней впервые раскрыл заполненные Петром документы и вдруг насторожился: подпись командира войсковой части, которую копировал Петр, несколько разнилась от подписи на образце. Владелец такой книжки может вызвать подозрение

и подвергнуться более тщательной проверке. Этому и добивался Петр. Об этом догадался и Самутин. Побагровев, он процедил:

— Сволочь, в карцер!..

Кадыр привел Петра во двор Веры, втолкнул в погреб.

Что это — конец? Самутин отправит его, как и Шевченко, в СД? Доложит начальнику абвергруппы-102 Гопфу? Будет допрашивать сам? И что делать с записями, которые лежат во внутреннем кармане мундира? Убийственная улика...

Мысли одна тревожнее другой. Прильнул к стенке, в маленькое окошечко увидел сад, усеянные зрелыми плодами деревья...

Сад был такой же, как в родном селе Малые Каневцы. И воспоминания унесли Петра на Полтавщину. Он увидел меж деревьев себя, босоногого. Босым в школу ходил. А учился жадно. После семилетки окончил педтехникум в городе Золотоноше. Призвали в армию, но и там тоже учился в полковой школе младших командиров, на курсах среднего комсостава. По направлению ЦК ВЛКСМ работал комсоргом 141-й средней школы и одновременно учился на вечернем отделении Киевского пединститута. Особенно легко давался немецкий язык, мог свободно изъясняться на нем.

И все же стал военным, добровольно, с 20 января 1937 года. А на второй день войны техник-интендант первого ранга Петр Иванович Прядко вступил в должность начальника головного склада горючих материалов. В составе 5-й армии участвовал в боях, тяжело переживал отступление, вышел из окружения.

Все, что видел за линией фронта, Петр Иванович доложил командованию и работнику особого отдела 6-й армии Юго-Западного фронта Ф. Я. Меркулову, показал себя наблюдательным, способным анализировать факты. С разрешения командования Меркулов стал готовить Петра Ивановича для выполнения специального задания в тылу врага.

П. И. Прядко. Фото 1941 г.

5 декабря 1941 года с ним беседовал начальник особого отдела 6-й армии, капитан госбезопасности П. А. Рязанцев.

— Вы, Петр Иванович, — сказал он, — получаете очень сложное и важное задание: надо проникнуть в абвергруппу-102. Проникнуть и закрепиться. Скрывать не буду: личный риск для вас большой. Подумайте еще раз.

— Поверьте, выполнение любого задания во имя Родины считаю своим долгом.

— Спасибо, Петр Иванович, другого ответа от вас мы и не ожидали.

Линию фронта он перешел в ночь с 14 на 15 января 1942 года около села Татьяновка. Первый раз его допрашивали гитлеровцы в полевом штабе, потом отконвоировали в дивизию, а затем — в лагерь для советских военнопленных. Здесь Петр узнал, что находится неподалеку от города Славянска. А один бывший военнослужащий, назвавшийся Зубовым, сказал Петру, что он в плен попал в бою, расстреляв все патроны. Но и ему, как и гитлеровцам на допросах, Петр о себе рассказывал одно и то же: был судим за уголовщину, наказание отбывал на севере Карелии, освободили досрочно с направлением на фронт...

Зубов в этой беседе осудил Петра за дезертирство из Красной Армии, но на следующий день все же принес краюшку хлеба.

— На, перекуси, — сказал он, — помрешь ведь с голоду. Видел, сколько трупов вывезли утром из лагеря? Сотня за сутки. Не приспособишься — и ты за ними последуешь.

— Мне бы выжить, добраться до села, к матери, обзавестись хозяйством.

— Помогу, — к удивлению Петра, твердо сказал Зубов.

22 января его вызвали в канцелярию лагеря, к Крюгеру. Петр увидел белокурого офицера в роговых очках. Снова рассказал «биографию» и объяснил причину прихода к немцам. Твердил, что обижен, отвоевался... Что? Обратно идти на ту сторону? Это же ему нельзя — отправят в Сибирь.

«Колебания» на предложение сотрудничать с немецкой разведкой у Петра закончились лишь после предупреждения, что угрожает ему и матери, в одном случае, и намека на большое денежное вознаграждение — в другом...

Через три дня Крюгер подвез Петра к линии фронта, вручил пятьсот рублей, назвал сроки и пароль для возвращения.

— Вообще-то такой вариант мы предвидели, — успокаивал Рязанцев Петра, разочарованного тем, что ему не удалось остаться в фашистском разведоргане, — но чтобы через десять дней после появления у них направлять к нам... Что же полу-

чается? Фашисты забрасывают агентуру в массовом порядке, не тратя особых сил на ее подготовку. Расчет простой: хоть часть шпионов, да выполнит задание. Спасибо вам, Петр Иванович, за сведения для командования армии, за подробные данные о восьми гитлеровских агентах. Что же касается задания абвера, то мы поможем вам его выполнить...

В абвергруппе-102 на этот раз Петр оказался быстро — пароль помог. Но шесть суток его непрерывно допрашивали, сличая протоколы допросов, чтобы поймать хоть на малейшей неточности. Наконец он предстал перед Гопфом.

Строг, внешне спокоен шеф разведывательного органа 17-й немецкой армии. На мундире — Железный крест. Слушает Петра внимательно, не перебивая.

— Но я бы мог сделать для вас больше, если бы имел надежные документы, — посетовал Петр в конце доклада.

— Ты хорошо всех там провел и принес хорошие сведения! — заключил беседу Гопф. Встав из-за стола и приподнявшись на цыпочки, чтобы дотянуться рукой до плеча рослого Петра, Гопф похвалил: — Ты настоящий молодец, твой случай надо рассказать всем нашим агентам, и это для них будет очень поучительно! Если бы все были такие, как ты! Я прикажу, чтобы тебе дали денег, папирос, водки.

Петр вытянулся в струнку.

— Но во всем знай меру, никаких посторонних связей, особенно с фрау. Ты теперь нам нужен.

Спустя две недели Петр и еще четверо гитлеровских агентов получали инструктаж по новому заданию.

Петра Прядко снабдили документами на имя лейтенанта Красной Армии Василия Ругаева. В городе Ворошиловграде он должен был собрать данные о вновь формируемой 37-й армии. Остальные шли по своим маршрутам. Но, благодаря Петру Ивановичу, все оказались в особом отделе.

В ходе следствия выяснилось, как много рассчитывал получить Гопф при заброске этой группы агентов: она должна была собрать для фашистского командования сведения о 6, 9 и 37-й армиях Юго-Западного фронта и доставить их за 10—15 дней до начала весеннего наступления.

17 мая 1942 года гитлеровские полчища стали вгрызаться бронированными клиньями со стороны Славянска и Барвенкова в основание выступа войск Юго-Западного фронта. Штаб 6-й армии и его особый отдел оказались в окружении. 25 мая погиб Рязанцев. Петра Ивановича напутствовал Меркулов:

— Останетесь здесь, сдадитесь в плен и требуйте направления к Гопфу.

— Что же я скажу ему теперь?

— Советую придерживаться в какой-то степени правды: были задержаны военными, допрашивались командирами, но произошел налет немецкой авиации, около сарая упала бомба, воспользовавшись общей паникой, вы и совершили побег. Остальное продумай сам. До свидания, друг!

— До скорого, — пожелал Петр Иванович.

Гопф делал вид, что слушает Петра с интересом. Сидевшие рядом переводчик и Крюгер подробно записывали сведения о противостоящих частях Красной Армии, местах скопления танков, артиллерии, «катюш», фамилии командиров, другие сведения, чрезвычайной важности. Но такими они были дней двадцать назад, до начала наступления немецкой армии. А сейчас трофейные команды все подсчитали, в штабах увеличили эти цифры для убедительного доклада Гитлеру об успешной операции по окружению русских под Харьковом. Агента об этом можно было бы и не слушать, но Гопф терпелив — завтра сверят и эти показания Петра. Характер беседы резко изменился, как только Петр объяснил, что был задержан вместе с другими агентами, но ему удалось бежать и еще собрать то, за чем послали.

— К Самутину его, — сухо распорядился Гопф.

Так делалось, когда для агента, вернувшегося с задания, была необходима специальная проверка. Самутин считался в этом деле мастером.

Дотошно допытывается он от Петра: когда и где группа агентов была задержана, где они сражались, кем допрашивались? А в какой день и час был налет немецких самолетов?

Петр точно назвал дату и час бомбежки, на месте показал сарай, воронку от бомбы. Там же нашли и двух убитых агентов.

— Про остальных не знаю, может остались с красными, а я вам предан.

— Хочу верить, как земляку, — Самутин сказал, что он родом из той же Полтавской области, село Ташань.

2 июня 1942 года Петру объявили, что проверка закончена. От него приняли присягу, облачили в форму вермахта. Вначале он выполнял хозяйственные поручения, познакомился с Кузаловым — специалистом по изготовлению советских печатей и штампов. Время от времени Кузалов привлекал себе в помощь и Петра. Это сыграло большую роль при назначении его писарем в канцелярию абвергруппы-102. Отныне Петр мог знать данные почти обо всех агентах, которых готовили к переброске, и, что не менее важно, он теперь получил возможность изучить руководящий состав разведки 17-й армии.

И вот он попался. Карцер. Ожидание допроса.

Сквозь квадратик отдушины погреба Петр увидел за деревьями Веру. Окликнуть ее, довериться? В одной беседе она призналась, что ее брат — командир Красной Армии. И он решился, позвал ее. А она за яблоньку — и ни с места. Понять ее можно: в Ростове каждый день массовые расстрелы, аресты коммунистов и советских активистов, угон молодежи в Германию. Но зов-то шел из карцера! И Вера подошла.

— Слушай меня внимательно, — стал быстро и тихо говорить Петр. — Возьми, пожалуйста, вот эти документы, спрячь пока, а как придут наши — передай командиру из НКВД, только сразу, Вера!

Она протянула руку, взяла у Петра школьную тетрадь...

Позже она познакомится с содержанием тетради, больше из любопытства (что же мог передать через нее немецкий прислужник в НКВД?), разберет какие-то линии и поймет, что Петр указывал свое местонахождение на 10 августа 1942 года.

Вовремя отдал Петр документы: за ним пришли, привели к Самутину. Он приказал обыскать Петра, пригрозил:

— Песенка твоя спета, гад, сознавайся!

— За что вы, Петр Зотович, ко мне так? Из-за подписей? Так вы же сами, господин подполковник, приказали заполнить шесть красноармейских книжек как можно быстрее. Старался, чтобы к утру и другие документы были готовы, всю ночь не спал. Первую-то скопировал с образца, а остальные по ней заполнял. Как не получился кончик подписи, так уже и везде вышло... Каюсь, велика моя вина, но ведь от усталости...

Перевел дух и продолжал искательно:

— За что от вас такая немилость? Чай, не забыли, как обеспечил вас личной музыкой на свадьбе? Разве мало помогаю в хозяйстве вашей молодой жене? Превыше всего дорожу вашим доверием, Петр Зотович, для вас и за вас на все готов, только прикажите!..

Слабую струну характера Самутина задел Петр: он любил лесть и холопскую преданность. Петр не скупился на это. Самутину же Петр был нужен в разведгруппе как «свой». Он освободил Петра, поручив Кузалову негласно вести за ним наблюдение.

Думал ли он об опасности? Каждодневной, ежеминутной? Да, конечно, думал. Почувствовал, как она увеличилась после прекращения связи с Рязанцевым и Меркуловым. Это все равно что ходить по краю пропасти без баланса, без поддержки. Но Петр выработал уже в себе привычку держаться золотой середины: недооценивать опасность — смерти подобно, переоценивать ее постоянно — связать себя по рукам и ногам.

Этим, пожалуй можно объяснить, что буквально тут же он пошел на новое, не менее рискованное дело.

Абвергруппу-102 перебазировали в Краснодар, где она находилась более полугода. Фашисты усилили заброску агентов в тыл Красной Армии. Но обратно почти никто из них не возвратился. Как ни трудно было, а Петр находил способы уведомлять органы советской военной контрразведки. Новый заместитель начальника разведгруппы Бокк — специалист по вербовке женской агентуры — пытался оставить в Краснодаре четырех девиц. Но Петр вручил паспортные данные на них кладовщику типографии газеты «Кубань», а он с приходом Красной Армии — в особый отдел Северо-Кавказского фронта.

В конце января 1943 года абверовцы подготовили для диверсий и шпионажа в распоряжении Красной Армии «взвод красноармейцев», который, по их замыслам, должен одним из первых ворваться в оставляемый немцами город Краснодар. Как сорвать эту гитлеровскую провокацию и предотвратить такую большую опасность? И Петр искаженным печатным почерком пишет плакат: «Здесь живут шпионы во главе с Гессом и прочими бандитами. Вам не уйти от кары!» Ночью, с помощью русского шофера Василия Матвиенко, Петр прикрепляет плакат к зданию. Утром поднялся переполох. Еще бы, такая афиша на засекреченном объекте! Шпионов, за невозможностью использования по назначению, всем «взводом» — в лагерь, для проверки.

Спустя несколько дней Петр скомпрометировал и капитана Гесса — надменного нациста, прибывшего в конце сорок второго на место подполковника Гопфа.

В январе 1943 года, проходя по улице Седина, Петр заметил возле дома № 10 легковую машину Гесса. Бросил взгляд внутрь — пусто, открыл дверцу и на сиденье увидел кожаный портфель. Взял его, зашел в комнату-кухню, раскрыл. В нем лежал доклад начальника разведки 17-й армии на имя ее командующего генерал-полковника Руоффа. Быстро пробежал страницы глазами, закрыл портфель и вежливо постучал в дверь передней комнаты. В ответ — молчание. Толкнул дверь. Свесив с дивана руку, мертвецки пьяный, Гесс спал. Тлела сигарета в пепельнице на стуле, а на его спинке висел мундир...

Будить шефа, чтобы вручить ему портфель? Еще больше повысить акции? А если... Он положил документ на пепельницу, попятился к выходу, аккуратно закрыл за собой дверь... Гесс не отрезвел даже тогда, когда его вытащили из огня. Утром его вызвали в штаб армии, и больше он не появлялся в разведгруппе.

Абвергруппу-102 в спешном порядке перебросили в станицу

Крымскую, потом — в Курганинскую, оттуда вывезли самолетами в Евпаторию, а затем — под Винницу, в местечко Вороновицы, на переформирование и отдых. Не знал отдыха только советский разведчик. Петр не находил себе места — накопились необычайно ценные данные. Он ищет выход. «Помог» Самутин. Петр знал, что он награбил у советских граждан много ценных вещей, таскать с собой нелегко, а при бегстве с Северного Кавказа часть даже оставил...

— Петр Зотович, — обратился к нему Петр, — давайте я отвезу часть вещей вашим родственникам в Ташань на сохранение до победы.

Самутин добыл необходимые документы, а Петр выкроил в этой командировке время и для себя, заехал в родное село Малые Каневцы.

— Здравствуйте, мама, — ласково произнес он при входе в хату.

Не отвечая, держась за стенку, опустилась она на скамью.

— Ой, лишенько, что ж делается на белом свете? Рос пионером, комсомольцем, коммунистом, командиром Красной Армии, а получился чертополох в немецком обряде. Что завтра скажу людям, как им буду смотреть в глаза? — А Петр в это время приводил в порядок свои записи, потом сложил их в чугунок, вытащил из стояка печи два кирпича, вложил туда чугунок и замуровал его кирпичами.

— Мама, скоро сюда придет Красная Армия, так передай чугунок командиру, — попросил Петр.

— Сынку, родной, — мать бросилась к нему, повисла на шее, — а я то думала, что ты...

Петр оставил у матери данные на 86 агентов и на 33 из них — фотокарточки.

То, что сделал Петр, получило высокую оценку. Центр констатировал, что в период наступления советских войск на Северном Кавказе Петр Иванович Прядко парализовал деятельность разведки 17-й немецкой армии. За время своего пребывания в абвергруппе-102 П. И. Прядко сообщил подробные данные на 101 вражеского агента, 26 официальных работников разведгруппы, достаточно подробные сведения о методах ее работы, способах изготовления фиктивных документов и ряд других ценных разведывательных материалов.

За проявленное мужество и героизм в тылу врага Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1944 года П. И. Прядко был награжден орденом Красного Знамени.

В том чугунке, что оставил Петр у матери, для Центра лежало письмо, в котором есть такие строчки: «... Я уверяю вас,

что придет время, и вы будете иметь возможность узнать и сказать, что я недаром жил эти тяжелые часы... Если придется погибнуть — не думайте обо мне ничего плохого. Я был, есть и буду до последнего дыхания верным своему народу, своей партии, и ничто и никогда моих взглядов и убеждений не изменит... Верю, что скоро на весь мир мы будем праздновать победу!.. 12 апреля 1943 года».

На нашей стороне мы его увидели 25 сентября 1943 года. Через несколько дней Петр Иванович, имевший при себе много важных секретных документов и сведений о противнике, был доставлен в Москву. А в 1944 году он возвратился для продолжения службы в Советскую Армию. С боями капитан Прядко дошел до польского города Щецина, получил еще один орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды и ряд медалей, в том числе медаль польского правительства «За свободу и независимость». Уволен из Советской Армии в звании майора в 1960 году. И с тех пор на хозяйственной работе в спортивном клубе СКВО. Живет в Ростове-на-Дону.

«РАКЕТА» НАСТИГАЕТ ЦЕЛЬ

— Подполковник Морской!.. К нам приехал подполковник Морской!

Эта весть быстро разнеслась по всей округе. Ростовчанин Михаил Петрович Осипов по приглашению чешских товарищей

М. П. Осипов среди бывших участников словацкого восстания, товарищей по оружию

по борьбе приехал в Банску-Бистрицу, бывшую осенью сорок четвертого центром известного словацкого восстания. Встретиться с легендарным командиром партизанского отряда «Ракета» (его здесь называют бригадой) собрались сотни бывших товарищей по оружию.

Сколько встреч! Сколько бесед и воспоминаний! Другам было что вспомнить. Их дружба скреплена кровью, общностью целей, идеалов.

«Помнишь?.. А ты помнишь?..»

Давайте вместе с ними вспомним те далекие, но незабываемые годы.

«ОБРУБИТЬ ЩУПАЛЬЦА»

Это произошло в один день, почти в один час. Три мощных взрыва потрясли тоннели, по которым шли на фронт машины и боеприпасы. Штольни рухнули, придавив тоннами камня и земли эшелоны с грузом.

Фашисты подняли на ноги всю службу безопасности округа. Опытнейшие ее руководители еще и еще раз проверяли систему охраны и разводили руками: надежнее просто невозможно!

Действительно, территория на несколько километров вокруг завода, расположенного неподалеку от города Катовице, обнесена проволокой под током высокого напряжения; у входа в штольни — усиленная охрана и металлические козлы, которые надежно перекрывают рельсы. Ни один часовой не был снят! И все же... Где та лазейка, в которую проникли партизаны?

Пока гитлеровцы решали этот вопрос, рухнуло еще несколько штолен. Дело дошло до того, что из одной из них позвонили начальнику гестапо соседнего городка и звонкий юношеский голос доложил:

— Господин начальник! Прислушайтесь! Сейчас рухнет еще одна штольня!

Обещание осуществили через несколько минут.

Завод был парализован. Гитлеровцы недосчитались многих сотен машин, тысяч снарядов, патронов, панцерфаустов. Позднее, когда расчистили завалы, эксперты установили: мины были заложены под рельсы внутри тоннелей. Путь туда один: через вентиляционные отверстия, система которых была так тщательно разработана и замаскирована...

Все началось с того, что командир советских разведчиков подполковник Морской отдал приказ:

— Обрубить щупальца.

Завод и впрямь тоннелями и штольнями, как спрут щупальцами, впивался в словацкую землю. Тянул из нее людскую кровь, тянул уголь и металл, и, переварив все это в огнедышащей утробе, выпускал, как яд, смертоносное оружие. Но Морской сказал: «Обрубить щупальца», и Александр Олевский, Николай Светлов, Василий Хомутовский повели свои группы в пять-шесть человек на первое крупное задание.

Незаметно, одним им известными тропками, пробрались партизаны к вентиляционным колодцам, на веревках спустили това-

рищей с минами вниз и после окончания работы подняли наверх. Теперь — подальше от этих мест!..

Около двадцати партизан лежали в полутора километрах от колодцев и ждали. Взрыв! Взрыв! Взрыв! Партизанский отряд «Ракета» действует...

* * *

Сначала насчитывалось восемь разведчиков. 29 сентября 1944 года они были заброшены в леса Словакии, в район города Мартин.

Напутствуя их перед вылетом, представитель Центра говорил: — В Словакии сложная обстановка. Народное восстание разгорается. Но есть люди, которые хотят его задушить; они больше боятся своего народа, чем Гитлера.

Восстание уже идет, но тормозов на его пути много. Ваша задача: активизировать вооруженную борьбу против фашистов как немецких, так и местных, помочь словакам и чехам вести политическую работу в массах. Все это, конечно, в сотрудничестве с подпольными организациями Компартии Словакии и национальными комитетами. Есть у них такие организации, по-нашему — Советы...

Генерал долго рассказывал об обстановке, сложившейся по ту сторону Карпат.

...Леса Словакии, страны, взявшей оружие в руки, страны, не желающей жить на коленях. В отряде майора Величко, который принял десантников, группе разведчика Морского представили двадцать словацких студентов. Они хотели громить врага с «Ракетой». И первый удар «Ракеты» — по щупальцам завода-спрута — эхом отдался в окрестностях, вызвал к борьбе новые волны народного гнева.

НУЛЬ ПРОТИВ СТА

«Ракета» быстро росла. Вскоре в ней уже было несколько сотен партизан — словаков, русских, украинцев, чехов. Чекисты-десантники составили ядро отряда. Начальником штаба был майор Константин Бобров, начальником особого отдела — Александр Олевский, комиссаром — Григорий Ильин. Радисты Андрей Ковалюк и Василий Кушнерчук поддерживали постоянную связь с Центром. Николай Светлов и Василий Хомутовский возглавили крупные подразделения.

В один из дней, когда на востоке, за несколько сотен километров от Зазривы, советские и чешские воины вели битву за Дуклинский перевал, появилась необходимость срочно уточнить

силы 4-й немецкой горнострелковой дивизии СС, которая следовала через партизанские районы на фронт. Времени в обрез. Морской вызвал начальника штаба.

— Ну, что скажешь? Ответ нужен срочно. В нашем распоряжении двое суток.

Бобров пожал плечами.

— Поехали!

Так началась эта дерзкая операция, участники которой так оценивали свои шансы: нуль против ста.

Морской любил говорить:

— В нашем деле не бывает без риска. Но десять шансов на то, чтобы выжить и перехитрить врага, должны быть в самой рискованной операции.

Здесь же — и Морской и Бобров отлично понимали — не было и этих десяти шансов.

«Татра» с немецким номером по крутогорью, по партизанским дорогам за несколько часов донесла их от Зазривы до Сучан. При выезде из села «татру» остановила партизанская застава:

— Дальше немцы! — сказал молоденький словак, дулом автомата указывая в сторону врага.

— Их-то и надо нам, ребята! — без улыбки сказал Морской.

Словак-шофер решительно повел «татру» дальше. Они ехали по ничейной полосе. Морской и Бобров сбросили свои кители с погонами, остались в немецких белых рубашках, на которых красовались немецкие же подтяжки. Морской, сидевший рядом с шофером, оглянулся. Взгляды его и начштаба сошлись на сетке, укрепленной под верхом машины. В ней лежало полтора десятка немецких гранат. Это все. И для врага, и для себя.

А день выдался на редкость солнечный. Даже думать о неудаче, о смерти не хотелось. Да и думать было некогда.

Заметив у села Прьекопа приближающуюся немецкую колонну — шел пехотный полк СС, — Морской по-хозяйски откинулся на спинку сиденья и небрежным взмахом руки, скривив гримасу усталости и презрения, приказал уступить машине дорогу.

Расчет и риск сработали безошибочно: колонна посторонилась, пропуская «татру». Бобров лихорадочно работал на заднем сиденье: бисерным почерком в блокноте ложились точнейшие сведения о количестве проходящих солдат, об их вооружении.

Всю дивизию проехали так Морской и Бобров, и только когда увидели гитлеровских солдат, лежавших возле дороги, в кюветах, поняли: это передовая.

Морской резко повернулся, схватил гранаты.

— Давай! — крикнул он Боброву. — Я вправо, ты влево!..

И на залегших солдат из «татры» с немецким номером полетели гранаты. Когда немцы опомнились, машина уже мчалась к железнодорожному переезду. Еще! Еще минута! Но постовой солдат опускает шлагбаум. Как быстро идет вниз это бревно!

Шофер выжимает из машины все, что можно. Морской и Бобров из пистолетов стреляют в постового. Сюда же, вдогонку машине, летят пули немцев. Как обычно, они стреляют разрывными.

Чьи-то пули настигают солдата. Он падает у шлагбаума, не успев его опустить до конца. Машина проходит под планкой, чуть-чуть задев ее правой стороной.

Ну, еще, еще немного!

Гитлеровцы пускают в ход гранаты. Удар! На полной скорости у машины отлетает правое колесо. Еще несколько мгновений машина мчится по полю, потом заваливается набок. Подхватив кители, Морской и Бобров ползком, под перекрестным огнем — теперь по ним уже стреляют и партизаны — приближаются к их порядкам. Лежа в картофеле, натянули кители. Морской встает и громовым голосом кричит:

— Свои! Прекратить огонь!

Огонь стихает. Но когда Морской и Бобров опускаются в окопы, их арестовывают.

— Я подполковник Морской! Это мой начштаба. Мы были в разведке.

Смеются.

— Рассказывай сказки! Морской не такой дурак, чтобы лезть в пекло среди ясного дня.

— Ведите к начальству!..

«Шпионов» ведут к командиру. Распахивают двери домика. Сопровождающий только открыл рот:

— Товарищ майор, разрешите...

Командир поднимает глаза и шагает из-за стола навстречу:

— Миша! Какими судьбами?

Это был опять майор Величко! Тот самый, что принимал группу Морского на словацкой земле.

Через несколько часов радиogramма с данными разведки ушла в Центр...

И только глубокой ночью, неожиданно проснувшись, Морской почувствовал озноб. Перед глазами всплывали эпизоды дня. И сердце бешено колотилось.

Да, нет людей без страха. Есть люди, умеющие преодолеть страх, победить его.

Через один полицейский участок, тесно связанный с партизанами, поступило донесение: у группы офицеров «глинковой гарды» (так называли армию словацкого марионеточного государства, верой и правдой служившего Гитлеру) возникла мысль о переходе на сторону партизан.

Версия вполне правдоподобная. В словацком восстании участвовало много солдат из тисовской армии¹. Поэтому никто не удивился тому, что представители частей, расквартированных в городе Ружомбероке, решили вступить в переговоры с партизанами о переходе на сторону народа.

В неизменной «татре», только форма майора «глинковой гарды» (черная шинель, один погон), Морской отправляется в Ружомберок. Его сопровождает Александр Олевский, он в форме капитана «глинковой гарды». С ними переводчик в чине подпоручика и шофер.

Дневной пароль был известен партизанам, поэтому без особых приключений они прибыли на явочную квартиру. Располагалась она в центре города, в доме садовника. Как говорили связные, отсюда полномочных партизанских посланцев доставят к «глинковцам».

Морского встретил полковник. Он был чрезвычайно любезен. Поговорив о том о сем, он, извинившись, сказал:

— Мне необходимо отлучиться на десяток минут, чтобы уточнить дальнейший церемониал...

Морской и Олевский согласились. Полковник ушел.

Посланцы партизан сидели в беседке, довольно хорошо защищающей от непогоды, и тихо разговаривали. Внутреннее, шестое чувство разведчиков им подсказывало: что-то происходит не так, как надо. И чем больше проходило времени, тем тревожнее становилось на душе.

Неподалеку от них окапывал деревья хозяин явочной квартиры — садовник. Выпрямившись, он сказал, ни к кому не обращаясь:

— На всех дорогах из города — немцы. Они ищут бандита Морского, который сегодня прибыл в город...

Сказал, поднял лопату и пошел прочь...

Так вот что! Ловушка! Они думают так просто заполучить Морского? Нет уж, дудки! Но что делать? Что делать?

Это очень трудно — проследить ход мысли, даже самой

¹ Тисо — премьер словацкого марионеточного государства.

простой, незамысловатой. А попробуй определить законы, по которым работает мозг разведчика! Из суммы известного, казалось бы, из мелочей — из незначительных деталей и фактов, из чужих, брошенных вскользь слов — рождается единственно правильное решение.

Все дороги перерезаны. Попытать счастья на бездорожье? Нет, вокруг горы! Уйти в горы пешком? Нет. Без машины из центра города выбраться невозможно. Но через Ружомберок вот уже несколько дней не ходят поезда... Да-да... Когда ехали в город, видели заржавевшие рельсы. И часовых на переезде не было. Так-так... Через реку Ваг есть железнодорожный мост...

Итак — решено! «Татра» стремительно отъезжает от дома садовника (Спасибо тебе, неизвестный друг!), вихрем пронесится по улицам города, взлетает на железнодорожное полотно. Эх, если бы задний мост машины был хоть чуточку выше! Или рельсы стояли бы друг от друга шире, как у нас, в России...

«Татра» идет одним колесом посередине шпал, другое давит песок, гравий, укрепляющий полотно, машину бросает из стороны в сторону...

Вот и мост! Он свободен! Нет, постойте... Навстречу идут немецкие солдаты. Они провожают взглядами машину с офицерами «глинковской гарды» и завистливо подмигивают.

— Вот сволочи! Нализались до чертиков, дороги не видят...

Это сумасшедшее подпрыгивание длится полтора часа. И только в самом конце пути, уже при съезде с железнодорожного полотна, перед ними вырастает немецкий патруль. Короткая схватка, в которой шальная пуля ранит подпоручика. Но это не останавливает разведчиков. Они скрываются в лесу, наскоро перевязывая товарища.

Несколько дней гестаповцы бушевали.

— Искать! Морской в городе! Эти проклятые словаки скрывают его! Искать!

По городу разбрасывались листовки, в которых объяснялось, какая важная персона «бандит Морской», и предлагалось незамедлительно, за большое вознаграждение, передать его в руки властей.

— Уйти Морской не мог! — кричал начальник гестапо. — Уж не станете ли меня убеждать, что у него есть шапка-невидимка?! Искать!

Но все было бесполезно. Тогда гитлеровцы взяли заложников и нескольких из них расстреляли. Морской узнал об этом и поморщился, как от сильной боли. Страдают невинные.

«Ракета» напала на одно из ближайших сел, разгромила местный гарнизон, захватив в плен довольно большую группу немцев. Всех их расстреляли. Кроме двух, которых привели к Морскому.

Михаил Петрович сказал:

— Я дарю вам жизнь в обмен только на одно: вы пойдете к своим и расскажете, что видели меня.

Условие, как видно, было выполнено. Аресты в городе прекратились...

Правда, через некоторое время разговоры о «шапке-невидимке» Морского возникли снова.

...Отряд «Ракета» должен был как можно скорее перейти в район Банска-Бистрицы, поближе к центру восстания. Именно здесь находились его руководящие органы: Словацкий национальный центр, военный центр, партизанский штаб, ЦК КП Словакии и редакция его органа — газеты «Правда».

«Ракета» была в это время в районе Жилины. Значит, до пункта назначения — добрых 250 километров. В горных условиях это расстояние в четыре раза увеличивается. К тому же идти в район Банска-Бистрицы нужно было по территории врага...

Но приказ есть приказ. Штаб Морского принимает еще одно из многих парадоксальных решений: пусть доведут нас враги.

Разведчики установили, что через несколько часов через ближайший полустанок в район Банска-Бистрицы проследует товарный состав без груза.

Ведь это то что нужно! Ударная группа арестовывает на полустанке словацкого жандарма и весь обслуживающий персонал. На соседнюю станцию полетело сообщение: «Следует воинский эшелон. Не задерживать».

Забрав с собой арестованных (их потом отпустили в пункте прибытия), выставив в будке паровоза двух партизан в немецкой форме, отряд помчался к центру восстания. Немецкая охрана усердно зажигала на его пути зеленые огни.

Так «шапка-невидимка» помогла Морскому быстро прибыть в назначенный пункт и с ходу вступить в бой.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Отряд советского чекиста Морского наносил все более ощутимые удары по врагу. Гестапо уже назначило за голову «бандита Морского» баснословную цену — миллион словацких крон. Но предателей не находилось.

Гестапо засылало в «Ракету» своих агентов. Одним из них была Клава Украинка, как ее называли в соседнем партизанском отряде. Во время очередной операции она попала в руки гитлеровцев, рассказала о себе все, покаялась. Гестаповцы вскоре показали ей фотографию мужа, сказали, что он находится в одном из лагерей и от нее, только от нее зависит его дальнейшая судьба.

— Будешь работать с нами — останется жив, освободим его, встретитесь. Если же нет — конец вам обоим!

Тяжелые испытания закаляют твердый характер. Слабых людей они сгибают, а часто и ломают.

Клава согласилась на предложение гестаповцев. Ей вручили таблетки цианистого калия.

— Подсыпь незаметно в пищу Морского! Только и дела-то!

Добравшись до отряда, она явилась к Морскому и откровенно рассказала обо всем. Операция провалилась!

Позднее комиссар Григорьев опознал Зеленского, бывшего начальника полиции города Ромны Сумской области, которому поручили убить Морского.

Но был еще агент, которого партизаны не сумели раскрыть. Служил он в комендантском взводе. Все знали его как Василия, Ваську, веселого разбитного парня. Но об этом позднее...

Партизаны тогда не знали, что лично Гиммлером в Словакию был направлен известный авантюрист, опытнейший разведчик Отто Скорцени. Скорцени начал здесь с того, что организовал несколько так называемых «партизанских» отрядов из русских военнопленных. Опорочить перед словаками русских, опорочить идею партизанского движения — такую цель поставил перед собой этот опытнейший провокатор. Отряды носили громкие имена, разглагольствовали о коммунизме, а на самом деле занимались грабежами, мародерством, насилиями. Пожалуй, одним из самых крупных отрядов, которыми руководили ставленники Скорцени в Словакии, был отряд под командой Лебеда. Отряд носил имя Чапаева, а местное население трепетало при его появлении.

Когда Центр узнал об этой широко задуманной провакации гитлеровской разведки, Морской получил приказ:

— Ликвидировать Лебеда!

Теперь Олевский и Морской давали неизменное задание всем группам, уходящим за пределы лагеря:

— Все, что станет известно об отряде Лебеда, немедленно сообщать с помощью связных.

Начались поиски.

Как-то к Морскому, который спустился с гор в Зазриву, в «свой» полицейский участок, подбежал Николай Светлов:

— Товарищ подполковник, в корчме парень из отряда Лебеда!

Морской направился в корчму. Был он, как обычно, в форме советского подполковника, и парень в кожаной тужурке, вооруженный до зубов, почтительно встал: да, он из отряда Владимира Лебеда... Да, отряд имени Чапаева... Нет, недалеко, километров пятнадцать отсюда...

Раздумывать было некогда. Пока вернешься в отряд, поднимешь его по тревоге, пока двинешься на Лебеда, он уйдет. Как пить дать уйдет...

И Морской принимает решение:

— Нас сведешь к нему?

— Почему ж нет? Пошли!

— Зачем идти? Поехали!

Полицейские дали Морскому мощный мотоцикл БМВ с коляской и пулеметом. За руль сел Николай, сзади него — Морской, в люльке — парень из отряда Лебеда.

Вот теперь-то, когда дорога стремительно бросалась под колеса мотоцикла, Морской разрабатывал план операции. Мало, ох как мало для этого времени!

Михаил Петрович искал основное зерно операции.

«Ведь не все же там бандиты. По данным разведки, немцами завербован только Лебедь да еще два-три его прихлебателя. Остальные — из бежавших военнопленных. Человек бежит из лагеря не для того, чтобы мародерствовать...»

И начинается прямая, суровая беседа Михаила Петровича с парнем в люльке.

«Да, грабим. Не грабим, конечно, — берем. А как же без этого партизанам?..»

«Нет, помощи от Москвы не получаем — командир говорит, связи нет...»

«Комиссар? Комиссара у нас нет. Командир говорит, что нам главное воевать, а не разговорчики вести...»

И Морской кричит прямо в лицо парню:

— А знаешь ты, мил друг, ваш командир — предатель, агент гестапо!

Парень вздрогнул, бешено взглянул на Морского:

— Осторожнее на поворотах, товарищ подполковник!

— Чего там осторожней! Я — советский партизан. Я получаю снабжение из Москвы. Мои бойцы не мародерствуют, не грабят, не насилуют. Мы здесь, чтобы помочь словакам, а вы зачем? Вы позорите советских людей, сеете недоверие к ним...

Всю дорогу длилась эта беседа. Парень становился все тише и тише, задумался.

— Ты должен нам помочь, — говорит Морской. И парень соглашается.

Несколько раз мотоцикл останавливали патрули, требовали назвать пароль. Парень объяснялся с часовыми, и мотоцикл мчался дальше.

Наконец он выкатился на ровную площадку, окруженную со всех сторон лесом и горами. Подъехали к группе стоящих «партизан». Морской, Светлов и парень спрыгнули с мотоцикла. Морской, держа в руке гранату, вытянулся во весь рост и громко отчеканил:

— Подполковник Морской прибыл по поручению Центра арестовать вашего командира. Лебедь — предатель. Он агент гестапо.

Стоявшие загудели. Тогда парень сказал:

— Не бузите, ребята! Подполковник говорит правду! Это такое, такое!..

У него не хватало слов. Но на лицах стоявших зажглось какое-то подобие любопытства.

Всей гурьбой направились к домику в глубине. Как сказали «партизаны», там Лебедь бражничал с дружками. Распахнув двери, Морской шагнул вглубь и, занеся над головой гранату, крикнул:

— Именем Родины предатель Лебедь арестован!

Лебедь вскочил, выхватил пистолет и выстрелил в Морского. Николай Светлов успел вовремя толкнуть его под локоть, а в следующее мгновение вырвал пистолет и заломил руки.

Вскоре отряд был построен. Морской рассказал о Лебеде, о том вреде, который принес партизанскому движению их отряд. И предложил желающим вступить в свою «Ракету». Никто не отказался. Большинство искренне радовались, что теперь-то они будут в настоящем отряде. Правда, позднее партизаны разоблачили нескольких затаившихся врагов, но основная масса из примкнувших к бригаде дралась честно, ценой крови, а иногда и жизни смывая позор службы в отряде Лебеда.

...Когда Советская Армия подходила к городу Брезно, партизан бригады Морского взволновала необычная весть: из комендантского взвода дезертировал Васька, веселый, разбитной Васька...

Никто ничего не понимал. Почему сбежал? Куда?

Выяснилось это позже, когда Морской встретился с ним в

особом отделе армии, освободившей город. Подполковник Короленко вел допрос, и «Васька» рассказывал:

— Да, меня послали убить Морского. Я сделал все, чтобы выполнить приказ, но не смог довести до конца. Я уважаю мужественных командиров. Я не могу убить человека, который делится с товарищами последним куском хлеба, который так правдив и человечен. Мне не оставалось ничего, как бежать из взвода.

Видимо, он еще не совсем был оболванен фашистами. А победоносное наступление Советской Армии просто помешало ему выполнить приказ шефа.

* * *

С тех пор прошло более тридцати пяти лет. Но незабвенны люди и дела их.

Вместе со словацкими друзьями прошел Михаил Петрович Осипов по местам боев. Как когда-то, пекли картошку и мясо в костре, были в землянках, в которых теперь укреплены мемориальные доски. Вспомнили товарищей — живых и мертвых. До победы дожили начальник штаба Кузьма Захарович Бабич (в отряде — Константин Бобров), Алексей Фомич Белый (Александр Олевский), многие годы служил в Советской Армии Николай Светлов.

Рассказал словацким друзьям Михаил Петрович о нынешней своей жизни. Работает он начальником Ростовской областной экспедиции по защите хлебопродуктов. Активно участвует в работе общества «СССР — Чехословакия», часто встречается с молодежью. Его выступления на заводах, в школах и профтехучилищах в Ростове и области, и прежде всего на родине — в Азове, вызывают у слушателей большой интерес, несут впечатляющий заряд патриотизма и интернационализма...

В музее Банска-Бистрицы и Калиште бригаде Морского посвящен специальный стенд. Грудь Михаила Петровича украшают ордена и медали Советской страны и братской Чехословакии. В связи с 20-летием Победы Осипов был награжден орденом Ленина. Чехословацкие товарищи удостоили его Золотой медали борца против фашизма, он избран почетным гражданином Банска-Бистрицы. Чехословацкое телевидение сняло трехсерийный художественный фильм о подвигах бригады Морского.

Помнят в Словакии ростовчанина Михаила Петровича Осипова, командира легендарной «Ракеты».

Все тридцать пять послевоенных лет,
За безопасность Родины в ответе,
Чекисты начеку: покоя нет,
Пока враги живут на белом свете!
Куда б ни уводил кровавый след
Карателя, изменника, убийцы —
Его найдут, ему спасенья нет,
Народный гнев грозою разразится.
А сколько дел, забот у вас других,
Недремлющие воины закона!
Закидывают удочки враги:
Там доллар им приманкой, там — икона...
Используют ловцы беспечных душ
Все средства — от эфира до туризма,
Их службы отвалить готовы куш
Любому на подрыв социализма.
О, как хотели б эти господа
Замылить очи бдительности нашей!
Не выйдет! Ради мира и труда
Наследники Дзержинского — на марше.

А. П. Щеблыкин,
*подполковник,
почетный сотрудник
госбезопасности*

ВОЗМЕЗДИЕ

В июле 1959 года в Ростове-на-Дону состоялся судебный процесс над изменниками Родины карателями Семизоровым И. А., Бондаревым И. П., Денисовым М. Д., Гордиенко Ф. П., Меренковым А. В., арестованными Управлением КГБ при Совете Министров СССР по Ростовской области. Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа приговорил Семизорова и Бондарева к высшей мере наказания — расстрелу, Денисова и Меренкова — к лишению свободы в исправительно-трудовой колонии сроком на 15 лет, а Гордиенко — к 10 годам. Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР 6 октября 1959 года, рассмотрев кассационные жалобы, осужденным Бондареву и Семизорову заменила смертную казнь лишением свободы сроком на 15 лет каждому.

Предварительное следствие по делу пяти карателей велось с 18 декабря 1958 года по 17 апреля 1959 года. Но активный розыск их начался, конечно, значительно раньше. Сотрудники госбезопасности Дона многое сделали, чтобы сорвать покров тайны с их преступлений.

Как было установлено следствием, в период Великой Отечественной войны с августа 1942 по февраль 1943 года в городе Шахты Ростовской области действовала оперативная команда гитлеровского карательного органа СД-Цб. Из числа изменников Родины оккупанты сформировали вспомогательный отряд полиции, возглавляемый Гуровым. В прошлом богатый казак, Гуров в годы коллективизации подвергался раскулачиванию и поэтому люто ненавидел Советскую власть. Во вспомогательный отряд СД в числе других лиц, враждебно относившихся к советскому строю, поступили служить Денисов, Бондарев, Гордиенко, Семизоров и Меренков. Из них двое — Семизоров и Гордиенко — ранее привлекались к уголовной ответственности за преступления.

При непосредственном участии Денисова, Бондарева, Гордиенко, Семизорова, Меренкова командой СД в городе Шахты с ноября 1942 по январь 1943 года зверски замучено, расстре-

ляно и сброшено в ствол шахты имени Красина около 3,5 тысячи человек, в числе которых были коммунисты, комсомольцы и советские активисты.

В августе и сентябре 1942 года, когда оккупационные власти предпринимали первые шаги по наведению «нового порядка» в городе, советских людей расстреливали у противотанкового рва, а затем начальник караула тюрьмы СД Пискунов предложил вывозить арестованных на шахту имени Красина. У шахтного ствола из автомашин, крытых брезентом, выводили измученных пытками людей. Каратели раздевали их, затем по одному подводили к краю ствола и расстреливали. Трупы сбрасывали в шурф шахты. Тех, кто оказывал сопротивление, сбрасывали живыми.

Какие только изуверства не творили гитлеровцы и их подручные! Однажды на шахту доставили мать с грудным ребенком. Палач выхватил из рук матери ребенка и несколько минут на глазах обезумевшей женщины держал его за ножку вниз головой над стволом, затем ребенка и мать сбросили в шурф. Ценности, одежду и обувь, снятые с расстрелянных людей, каратели забирали себе. За участие в расстреле они получали от своих хозяев улучшенный обед со шнапсом.

В период фашистской оккупации в городе Шахты и прилегающих к нему районах действовали подпольные группы. Они вели посильную борьбу с захватчиками, распространяли среди населения антифашистские листовки, совершали отдельные диверсионные акты, собирали сведения о расположении войск противника, огневых точек и передавали эти данные советским разведчикам, появившимся в донских станицах. Особенно проявили себя коммунисты — организаторы антифашистского подполья в городе Шахты Тимофей Семенович Холодов, Иван Тимофеевич Клименко, Ольга Андреевна Мешкова, Василий Михайлович Евлахов и комсомолец из станицы Раздорской Дмитрий Чекунов.

До оккупации города Шахты Т. С. Холодов работал парторгом ЦК ВКП(б) на шахте имени Воровского. В 1942 году при отступлении частей Советской Армии его оставили в тылу врага в качестве секретаря подпольного райкома партии. Вместе с ним для борьбы с оккупантами остались коммунисты Н. И. Гудков, Н. А. Фисунов и другие, которые вывели из строя шахту. В июле 1942 года Холодов ушел за Дон и организовал партизанскую группу. Выслеженный предателем Табунщиковым, Холодов в сентябре 1942 года был схвачен в хуторе Кузнецовском и доставлен в город Шахты, где в застенках гестапо подвергся пыткам и истязаниям. Измученный и избитый подпольщик был

вывезен к противотанковому рву и там расстрелян.

Член КПСС с 1915 года И. Т. Клименко в годы гражданской войны находился на ответственных постах в Красной Армии — являлся комиссаром управления военных сообщений 10-й армии. За энергичные действия в боях на Царицынском фронте получил благодарность лично от В. И. Ленина. Оставшись по состоянию здоровья в оккупированном гитлеровцами городе Шахты, он организовал подпольную группу, которая вела борьбу против захватчиков, распространяла антифашистские листовки. Будучи арестованным в октябре 1942 года, Клименко подвергся страшным пыткам, но воля его не была сломлена. Перед расстрелом, находясь у края шахтного ствола, Клименко бросил палачам гневные слова проклятия и презрения, а затем схватил стоявшего неподалеку карателя и опрокинул его вместе с собой в пропасть, не ожидая выстрела.

Ольга Мешкова работала на шахте имени Октябрьской революции откатчицей. Своим активным участием в общественной работе заслужила авторитет и уважение рабочего коллектива. В 1932 году вступила в КПСС. Оставшись в оккупированном гитлеровцами городе Шахты, она приняла активное участие в подпольной борьбе против врага. В декабре 1942 года гестаповцы бросили ее в тюрьму. В январский день 1943 года Мешкова была вывезена на шахту имени Красина. Один из палачей пытался снять с нее пуховый платок, но Ольга Андреевна платком обвила шею подлого убийцы и резким движением рванула его, увлекая за собой в жерло шахты.

Коммунист В. М. Евлахов длительное время работал на шахте «Ново-Азовка», избирался там профоргом. В период оккупации, скрываясь от преследований гитлеровских палачей, он выехал в хутор Бородинский Раздорского района, где организовал партизанскую группу, но был выявлен и схвачен карателями СД. Мужество и стойкость Евлахова приводили палачей в ярость. Принимавший участие в пытках гестаповец Зыков, работавший ранее на шахте «Ново-Азовка» вместе с Евлаховым, выдавил ему глаза расставленными наподобие рогатины пальцами. Лишенный зрения, испытывая мучительную боль, советский патриот продолжал держаться стойко. Вместе с другими арестованными он был вывезен на шахту имени Красина и сброшен в шурф.

Скромный труженик И. П. Ткаченко скрывал в своем доме советских военнопленных, которые тайком уходили из находившегося вблизи лагеря. Игнат Павлович переодевал их в гражданскую одежду и помогал скрытно покидать город. Зимой 1943 года Ткаченко собрал листовки, сброшенные советским самолетом, и расклеил их по городу. Незадолго до отступления

гестаповцы арестовали Ткаченко и его жену, подвергли пыткам, а затем вывезли на шахту имени Красина и бросили в шурф.

Беспартийный И. С. Волокитин — участник гражданской войны. В мирное время трудился в народном хозяйстве, избирался депутатом Шахтинского городского Совета. В период Великой Отечественной войны при подходе к городу фашистских войск по заданию советских органов выводил из строя угольные предприятия. Оказавшись на захваченной противником территории, Волокитин проводил среди горожан антифашистскую агитацию. В сентябре 1942 года его арестовали гестаповцы. Прощаясь с родственниками и близкими, Волокитин сказал:

— Обо мне не плачьте. Я сделал все, что мог, а ваша жизнь впереди, не посрамите отца своего.

Как и многие другие патриоты, он был расстрелян на шахте имени Красина.

Список арестованных, замученных в гестаповском застенке, расстрелянных в противотанковом рву и на шахте имени Красина, велик, в нем значатся имена коммунистов и беспартийных, шахтинцев-горняков и жителей близлежащих районов. В черную годину фашистской оккупации они боролись с захватчиками и своими патриотическими действиями приближали час победы советского народа. Тем омерзительнее вырисовывается облик их палачей, отступников и предателей Родины.

В феврале 1943 года в результате крупного поражения фашистских войск на Волге и в излучине Дона карательные органы, дислоцировавшиеся в тылу отступавших войск противника, поспешно эвакуировались на Украину. Шахтинская команда СД выехала в Мариуполь (Жданов), где в марте была расформирована. Отряд Гурова, который состоял в основном из казаков, в полном составе влился в новое карательное формирование СД, в зондеркоманду, предназначенную для борьбы с партизанами на территории Украины. С апреля 1943 по май 1944 года Денисов, Бондарев, Гордиенко, Семизоров, Меренков в составе зондеркоманды на территории Житомирской, Хмельницкой, Тернопольской, Волынской областей продолжали совершать злодеяния — арестовывали, истязали и убивали людей, грабили мирных жителей, сжигали их дома, рыскали по лесам в поисках партизан.

В мае 1943 года в городе Олевске Житомирской области каратели в закрытой автомашине повезли на расстрел одиннадцать местных жителей, арестованных за связь с партизанами. Один из узников — Александр Белый — на ходу вскрыл пол кузова, через образовавшийся проем все патриоты выпрыгнули из автомашины. Троим из них удалось добежать до ближайшего леса

и уйти к партизанам, а остальных спохватившиеся каратели выловили на дороге и расстреляли.

В июне 1943 года зондеркоманда СД при поддержке войск вермахта провела карательную акцию в селе Зольня Олевского района, жители которого поддерживали и укрывали партизан. В Зольне замаскированная под партизан группа карателей, в числе которых были Меренков и переводчик Галлеман, усыпив бдительность находившихся на ночлеге в селе партизан, открыла по ним огонь. В короткой огневой схватке были убиты трое партизан, в том числе командир отряда Морозов. Во время этой операции никому из местных жителей не удалось спастись. Село на рассвете оцепили каратели. Старики, женщины и дети (мужчины ушли в партизанские отряды) были согнаны на площадь и подвергнуты истязаниям, село разграблено и сожжено. Жителей, которые пытались бежать и скрыться в лесу, расстреливал вооруженный пулеметом Семизоров. Трупы троих убитых партизан каратели занесли в здание клуба и сожгли. В горящий дом партизана Вербельчука бросили его грудного сына. В качестве заложников арестовали и увели жителей, связанных с партизанами, в том числе трех женщин, чьи мужья были партизанами. Они домой не вернулись. В исступленной ярости Бондарев, Денисов, Гордиенко бегали по селу с факелами и поджигали дома, крытые соломой, забирали имущество, тащили на повозки свиней, кур и прочую попавшуюся под руки живность.

В августе 1943 года каратели команды СД выявили группу подпольщиков, совершавших диверсии на железнодорожной станции Шепетовка.

Трое подпольщиков Сергей Хлопов (в организации известен под фамилией Степан Бутенко), Шматько и Разумик были выданы провокатором и арестованы. На привокзальной площади Шепетовки каратели установили три виселицы и публично казнили советских патриотов. Палач Гостман, отличавшийся своей жестокостью еще в городе Шахты, поочередно выбил подставки из-под ног Хлопова, Шматько и Разумика, трупы которых несколько дней висели для устрашения местного населения. На груди повешенных висели дощечки с крупной надписью: «Партизан».

В период дислокации зондеркоманды в городах Шепетовке Хмельницкой области и Кременце Тернопольской Денисов, Бондарев, Меренков, Семизоров, Гордиенко участвовали в карательных походах с целью подавления партизан соединения Ковпака, за голову которого германское командование обещало крупное вознаграждение.

Убивая и грабя, насилуя и сжигая, палачи бежали все даль-

ше на запад. И чем дальше они бежали, тем ближе становился день их полного краха, день возмездия за совершенные злодеяния на советской земле. И вот он наступил!

Следователи и оперативные работники УКГБ, имевшие отношение к расследованию дела на карателей, провели большую и сложную работу по выявлению лиц, причастных к преступлению, по сбору доказательств и раскрытию преступной деятельности обвиняемых. В работе по розыску карателей проявил большую энергию и настойчивость оперативный работник Шахтинского аппарата УКГБ капитан В. Д. Еремин, который за результативный розыск карателей в августе 1959 года удостоен звания «Почетный сотрудник госбезопасности».

Эффективно использовали имевшиеся в их распоряжении возможности по розыску притаившихся в разных местах Советского Союза предателей начальники подразделений подполковник В. А. Сысоев и капитан Н. И. Стукалов. Заметный вклад в оперативную работу во время следствия по делу карателей внес оперуполномоченный УКГБ капитан К. А. Щеголев. Расследование уголовного дела вела бригада следователей, в которую входили К. Д. Логвиненко, Н. И. Бирюков.

У автора этих строк, принимавшего участие в расследовании, остались в памяти решительные действия, проявленные при обеспечении розыскных и следственных мероприятий начальником УКГБ того времени полковником А. А. Козыревым.

Как же были разысканы и разоблачены особо опасные государственные преступники Денисов, Бондарев, Семизоров, Гордиенко, Меренков?

В 1951—1952 годах ростовским Управлением КГБ были разысканы и арестованы изменники Родины, служившие в команде СД в городе Шахты, — Пискунов И. И., Козловцев П. И., Зыков Ф. П., Калинин В. А. которые на следствии показали об обстоятельствах расстрела советских граждан на шахте имени Красина. В числе участников этого злодеяния арестованные называли Николаева, Денисова, Бондарева, Семизорова, Гордиенко, Меренкова.

В 1958 году было установлено, что Николаев проживает на Украине. Его арестовали. На предварительном следствии и в суде Николаев, изобличенный свидетелями, дал показания о своей преступной деятельности, совершенной вместе с сослуживцами по команде СД, а также о Денисове, Семизорове, Бондареве, Гордиенко. Место нахождения их не было известно, но предполагалось, что они скрываются где-то на советской территории. Так, Козловцев показал на следствии, что незадолго до

своего ареста видел на рынке в Харькове Денисова, который будто бы собирался выехать в Белгород.

Н. И. Стукалов, взявшийся за розыск Денисова, провел ряд мероприятий по Харькову и Белгороду, но безрезультатно. Дальнейшие поиски привели его в Велико-Бурлакский район Харьковской области, где были получены данные о том, что некий Денисов работал в этом районе бухгалтером и выбыл в город Луганск (ныне Ворошиловград). Дальнейшей проверкой по Луганской области было установлено, что в Сватовском районе в конторе свеклобазы работает бухгалтер М. Д. Денисов, который ведет замкнутый образ жизни, старается поменьше бывать на людях. В обличье тихого, скромного бухгалтера, как затем выяснилось, и скрывался матерый каратель.

Работник УКГБ В. А. Сысоев, имея разноречивые сведения в отношении Семизорова, длительное время продвигался по едва наметившемуся следу, который в конце концов привел в село Заречаны, под Житомиром. Оказалось, что в этом селе с послевоенных лет живет и работает асфальтировщиком в дорожно-строительной конторе И. А. Семизоров. При сопоставлении биографических данных Семизорова с карателем Семизоровым просматривались различия в возрасте (на 5 лет), не сходилось место рождения, да и в написанной Семизоровым биографии указывалось, что весь период Великой Отечественной войны он находился в плену, ни слова не говорилось о пребывании в городе Шахты. Сысоев выехал в Заречаны, там добыл фотокарточку Семизорова и, возвратясь в Ростовскую область, предъявил ее жителям города Шахты, хорошо знавшим Семизорова. С большой уверенностью они опознали разыскиваемого. При предъявлении ордера на арест Семизоров некоторое время изображал недоумение, выдавая себя за другое лицо, но вопросы, которые задавали оперативный работник и следователь при выяснении личности арестованного, убедили его в бесполезности скрывать свое истинное лицо. На первом же допросе после ареста Семизоров признался, что он служил в команде СД в городе Шахты.

Гордиенко по липовым справкам устроился подсобным рабочим в Добропольскую геологоразведочную партию, которая занималась изысканиями на территории Донецкой области. Скрывавшегося карателя вполне удовлетворяли малолюдные места, и он почти успокоился, полагая, что спрятался надежно. Но по ночам его все же одолевали страхи. И не напрасно: по его следам незримо шел оперативный работник Шахтинского аппарата УКГБ капитан В. Д. Еремин. По отрывочным сведениям, полученным из Донецкой области, у Еремина возникло предположение, что Гордиенко скрывается на территории этой области,

хотя официальные справки кустовых адресных бюро утверждали, что Гордиенко проживающим в городах и поселках Донбасса не значится. При выезде в город Доброполье Еремин нашел женщину, которая жила с прибывшим неизвестно откуда гражданином по фамилии Гордиенко. Он работал каменщиком в местной геологоразведочной партии. Выяснение личности этого человека дало обнадеживающий результат, а встреча с ним оперативного работника окончательно подтвердила предположение, что это был интересующий органы государственной безопасности Гордиенко.

Но, пожалуй, хитрее всех спрятался Бондарев. Через свою родственницу бывший каратель пустил слух, будто он умер. Выяснением судьбы Бондарева занялся также капитан Еремин. Добытые разноречивые сведения о разыскиваемом не укладывались в цепь и не приводили к определенному выводу. Но настойчивость оперативного работника, сопряженная с ранее приобретенным опытом по розыску преступников, дала положительный результат. Как оказалось, Бондарев пребывал в полном здравии и не так уж далеко от своих родных мест. Он забился в глубинный кормосовхоз бывшего Киевского района Ростовской области и пристроился там работать кузнецом. При аресте Бондарев сделал удивленное лицо и на вопрос, был ли он когда-либо в городе Шахты, отвечал невнятно и путанно. Когда Бондарева спросили, знает ли он шефа шахтинской команды СД Гольфсгота, тот нервно прикусил губу и растерянно промямлил: «Знаю, начальник гестапо». Немного помолчав, уточнил: «Мой бывший начальник».

И лишь один из пятерых — Андрей Меренков — не предпринимал никаких попыток скрыться. Ко времени ареста, в марте 1959 года, Меренков жил в городе Новошахтинске Ростовской области, где работал шофером автобазы. Жил, не скрываясь, полагая, что с государством и народом за содеянные преступления он уже рассчитался (вскоре после Великой Отечественной войны он был судим за службу у фашистов). Но тогда на предварительном следствии и в суде он скрыл свои злодеяния, совершенные в городе Шахты и в Житомирской области. И вот за эти-то злодеяния следовало еще рассчитаться. А это означало, что прежний приговор в отношении Меренкова необходимо было отменить, с учетом открывшихся обстоятельств расследовать дело и осудить заново. Это и было осуществлено в 1959 году.

Как появились вновь открывшиеся обстоятельства применительно к Меренкову? На это дает ответ ход следствия по делу Денисова, Бондарева, Гордиенко и Семизорова.

Фашистские палачи первое время на следствии упорно твердили, что в команде СД в городе Шахты они занимались только охраной и к расстрелам советских людей отношения не имели. Потом им пришлось рассказать, как они арестовывали и доставляли в тюрьму гестапо захваченных партизан, подпольщиков, коммунистов и советских активистов. Изобличенные доказательствами злодеи вынуждены были «вспомнить», что они в составе конвоя выезжали на шахту имени Красина для участия в расстрелах арестованных советских патриотов.

Обвиняемые Денисов, Бондарев, Семизоров, Гордиенко показали также, кто из сослуживцев и что конкретно делал на месте казни на шахте имени Красина, а также во время карательных походов против партизан на Украине.

Бондарев долго не мог собраться с духом правдиво рассказать о своем участии в расстрелах. Следователю казалось, что все тактические приемы, могущие вывести обвиняемого на путь истины, исчерпаны. И вот на одном из допросов Бондареву были оглашены показания одной из жительниц поселка шахты имени Красина о том, что представляла собой загородка, устроенная карателями над стволом шахты: «Высокие доски были прибиты вертикально, к стволу вел узкий проход...»

— Опять вранье, выдумывает она все, — сказал Бондарев.

— Что же неправильно, объясните, — предложил следователь обвиняемому.

— Да ведь доски-то были прибиты поперек! — в запальчивости выкрикнул Бондарев.

— Вот так, как на этой фотографии? — спросил следователь и предъявил обвиняемому снимок ограждения шахтного ствола.

— Да, так.

— Ну вот, видите, как вам хорошо знакомо это место. А говорили, что ни разу там не были.

Бондареву пришлось сознаться. Он рассказал о своем участии в расстрелах на шахте имени Красина, назвал соучастников преступления, в том числе Денисова и Меренкова.

В отношении Меренкова были получены показания о том, что он в качестве шофера вывозил арестованных на автомашине к месту расстрела в городе Шахты, а будучи на Украине и действуя в составе зондеркоманды, активно проявил себя в борьбе с партизанами.

В селе Зольня Олевского района при непосредственном участии Меренкова были вероломно убиты командир партизанского отряда Морозов и двое его товарищей. Свое участие в этих действиях Меренков длительное время отрицал, но тактически верно

использованные на допросах установленные факты побудили обвиняемого сознаться в совершенных злодеяниях.

Из опубликованных в центральной и местной печати очерков советские люди узнали о том, как Управлением Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Ростовской области были разысканы и разоблачены бывшие каратели. В газетах, пожалуй, впервые за многие годы с такой полнотой говорилось о той работе, которую провели сотрудники органов государственной безопасности по розыску и разоблачению скрывавшихся особо опасных государственных преступников.

В очерках были показаны характерные ситуации, встречавшиеся при расследовании уголовного дела, отдельные тактические приемы, которые применялись на следствии и которые побуждали упорствующих обвиняемых рассказать о своих преступных действиях.

Широкая общественность узнала о подвигах патриотов-горняков, коммунистов и беспартийных в оккупированном немецко-фашистскими войсками городе Шахты и ближайших к нему районах.

В адрес редакций газет «Советская Россия» и «Молот», в органы суда и прокуратуры, в Управление КГБ СССР по Ростовской области в 1959 году поступило большое количество писем граждан, которые выражали свое негодование по поводу совершенных немецко-фашистскими карателями злодеяний, одновременно высказывали восхищение мужеством и стойкостью патриотов Родины, погибших от рук кровавых палачей, требовали сурового наказания преступников. В письмах выражалась признательность и искренняя благодарность чекистам ростовского Управления КГБ, разыскавшим и разоблачившим изменников Родины.

На основе материалов, собранных в процессе следствия по делу карателей, воронежский писатель Валентин Ющенко в 1959—1961 годах написал роман «Вечный огонь», в котором рассказал о шахтинской трагедии и прославил героев-подпольщиков.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 года в знак признания заслуг перед Родиной награждены посмертно орденом Отечественной войны II степени активно проявившие себя в борьбе против гитлеровских поработителей подпольщики Т. С. Холодов, И. Т. Клименко, О. А. Мешкова, В. М. Евлахов. Именами Холодова и Клименко названы улицы в городе Шахты, а Дворец культуры в поселке шахты имени

Октябрьской революции стал носить имя Ольги Мешковой.

У подножия покрытого седым пеплом террикона шахты имени Красина сооружен мемориал в честь патриотов-шахтинцев. Застыли две бетонно-гранитные фигуры шахтеров со склоненным знаменем у каменной гробницы, и у ее изголовья полыхает Вечный огонь, как символ памяти о погибших. И каждый год 9 мая, в день великой Победы советского народа над фашистской Германией, к террикону шахты имени Красина, к памятнику героям-шахтинцам приходят ветераны войны и труда, приходят молодые, не знавшие лихолетья парни и девушки. Приходят, чтобы постоять в минутном молчании, поклониться героям-патриотам.

Чекистами Дона раскрыто и другое страшное злодеяние изменников Родины, которое они творили в оккупированном фашистами Ростове-на-Дону. Здесь с августа 1942 по февраль 1943 года дислоцировалась оперативная команда службы безопасности, имевшая сокращенное обозначение СД-Цб. В городе этот орган, как и везде на захваченной фашистами территории Ростовской области, занимался выявлением, арестами и истреблением партийных и советских работников, подпольщиков, партизан и всех советских граждан, замеченных в антифашистской деятельности.

Личный состав команды СД-Цб был сформирован из кадровых военнослужащих войск и органов СС фашистской Германии, а в сентябре 1942 года команда пополнилась большой группой изменников Родины, выходцев с Кавказа. В составе оперативной команды надежно служили фашистам бросившие оружие на фронте и сдавшиеся противнику бывшие советские военнослужащие Казарян Л. Г., Гагулов К. Г., Цогоев И. А., Гогуга Г. Д., Иванов-Иванидзе А. Г., Абасов А., Зейтуньян А. А., Джериев Д. Б., Сидаков К. Э., Минтуев А., Фарниев А. К., Кураян А. Л., Дулаев С. А., Ильясов Х. М., Авакян Г. С., Татаров М. Д., Керимов А. И., Алиев М. А. Магамадов А. М., Гаджиев К. М., которые были разысканы и привлечены к уголовной ответственности за совершение тяжких преступлений против своей Родины и народа.

По свидетельству оставшихся живыми узников фашизма, подвергавшиеся репрессиям советские граждане содержались в ростовской тюрьме (угол улицы М. Горького и Кировского проспекта) в антисанитарных и жутких условиях. В камере находилось по 50—60 человек. Заключенным приходилось стоять,

а изможденные падали на цементный пол. Их подвергали допросам с применением пыток, угроз и шантажа, лишали пищи и воды. Они были лишены самого необходимого для жизни — воздуха.

Когда арестованных в тюрьме накапливалось чрезмерно много и все камеры были забиты, их периодически разгружали. Для этой цели карателями применялись специальная автомашина — душегубка, приспособленная для умерщвления людей выхлопными газами. Арестованных, судьба которых была predetermined, под предлогом перевода в другое место загоняли в цельнометаллический кузов душегубки. Те, кто был наслышан о варварском способе истребления людей, предчувствуя недоброе, пытался вырваться из оцепления, но стоявшие там каратели Дулаев, Алиев, Ильясов, Татаров, Магамадов, Гаджиев, Гагулов, Джериев хватали обреченных и бросали в машину. Ее шофер Шмидт, рыжий, высокий немец, привычно садился за руль, заводил мотор и специально приспособленным рычагом открывал задвижку в системе труб, по которым отработанные газы поступали в кузов и отравляли людей. Времени для этого много не требовалось. Машина шла неспешно в степь, минуя завод Ростсельмаш. А там уже были готовы ямы, вырытые прислужниками фашистов. Они железными крючьями выволакивали из душегубки трупы и сбрасывали их в яму. Заполнив одну, переходили к другой. И так продолжалось не день и не два.

В феврале 1943 года в связи с крупными наступательными военными действиями Советской Армии на Дону и бегством войск вермахта на запад начальник команды СД-Ц6 оберштурмбанфюрер СС Бибирштейн принял решение об уничтожении всех арестованных советских граждан, содержащихся в ростовской тюрьме.

В течение двух дней (5 и 6 февраля 1943) года каратели команды СД-Ц6 во дворе тюрьмы расстреляли свыше 1500 заключенных, среди которых были старики, женщины и дети. Расстрел длился с рассвета до темна. Исполнители массовой казни предварительно были распределены по группам. Одна из них выводила заключенных из камер к выходу из тюремного корпуса, вторая — конвоировала к яме, заранее выкопанной во дворе тюрьмы, третья группа, из числа наиболее активных карателей, находилась у ямы и расстреливала там людей. При конвоировании к месту казни заключенные оказывали сопротивление, пытались бежать. Их били прикладами и сбрасывали в яму или расстреливали на месте при попытке к бегству.

На рассвете 6 февраля массовый расстрел возобновился. Действия карателей по уничтожению людей теперь были хорошо

отработаны. Каждый знал свое место и свои обязанности. Шеф команды Бибирштейн успевал быть всюду. Размахивал пистолетом, поторапливал замешкавшихся сослуживцев, подгонял их, покрикивая: «Шнель, шнель!» Фашисты явно спешили покончить с кровавой бойней: со дня на день в Ростов могли ворваться советские войска.

В условиях, где казалась бессмысленной всякая борьба, патриоты Советской Родины проявили героизм, оказав организованное сопротивление палачам. Узники, содержащиеся в камерах второго этажа, соорудили баррикаду. В карателей полетели камни, осколки стекла, обрушились проклятия.

Из-за баррикады навстречу карателям выскочил узник с окровавленным лицом и камнем в поднятой руке. Этот неизвестный герой в порыве благородной ярости в свой предсмертный час решил дать бой фашистским палачам. Он нанес удар одному из них, но шедший вслед Фарниев выстрелил в героя, и тот упал замертво на цементный пол. Ильясов и Татаров гранатами разрушили непрочную баррикаду, а Минтуев из автомата обстрелял сопротивлявшихся.

В коридоре и в камерах расстреливали непокоренных. День короток. Начинало смеркаться. Едкий дым застилал и без того темные камеры. Гагулов, Абасов, Алиев обошли камеры и проверили, не остался ли кто из узников живой. Тяжело раненные стонали. Их пристреливали. Чтобы обезопасить себя от неожиданного нападения заключенных, каратели перед заходом в камеры бросали гранаты...

Ранним утром 7 февраля 1943 года команда СД-Цб бежала на запад. Впереди лежал долгий путь, отмеченный кровавыми следами в Запорожской, Житомирской, Львовской областях Украины, в Польше, Югославии, Италии.

Служившие в команде СД-Цб каратели, которые до конца связали свою судьбу с фашистами, оставили следы также на землях Австрии и разгромленной фашистской Германии, куда они бежали в поисках пристанища. Иные из них маскировались под гражданских лиц, якобы насильно вывезенных за пределы Родины. А Магомед Алиев запасся справкой немецкого бауэра о том, что работал в его хозяйстве весь период войны.

Разгромленные и распавшиеся на неорганизованные мелкие группы немецко-фашистские карательные формирования в апреле — мае 1945 года прекратили свое существование. Изменники Родины, служившие в карательных командах, разбрелись по странам Западной Европы, а отдельным из них удалось бежать за океан — в США, Канаду, Южную Америку.

Сколько труда, энергии и смекалки пришлось приложить,

сколько времени затратить работникам органов госбезопасности СССР, в том числе и сотрудникам УКГБ по Ростовской области, чтобы разыскать, выявить скрывавшихся за рубежом и на территории Советского Союза государственных преступников! Им потребовалось немало профессионального мастерства, чтобы разоблачить изменников Родины, собрать доказательства преступных деяний, связанных с убийствами и истязаниями советских людей.

По выявлению карателей, сбору доказательств их преступной деятельности и расследованию возбужденных групповых дел работали М. А. Зотов, А. И. Косов, А. И. Рыбаков, Г. И. Кострюков, Е. П. Михайлов, Н. Г. Ермоленко, В. И. Несмеянов.

Так сложилось, что автору данного документального очерка пришлось участвовать в расследовании с названными коллегами и быть очевидцем их завидной работоспособности.

В 1968—1978 годах военным трибуналом Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа по обвинению в измене Родине были осуждены: в 1968 году — Казарян, Гагулов, Цогоев, Гогуга; в 1969 году — Иванов-Иванидзе, Зейтуньян, Абасов, Джериев; в 1976 году — Сидаков, Минтуев, Фарниев, Кураян; в 1978 году — Дулаев, Ильясов, Авакян, Татаров, Керимов, Алиев, Магамадов, Гаджиев. Все они в той или иной степени признали себя виновными в совершении тяжких преступлений и лишь двое — Казарян и Минтуев — на предварительном следствии и в суде отрицали свое участие в расстрелах советских людей. Казарян на предварительном следствии прибегал к попыткам опорочить следствие и должностных лиц, которые вели расследование. Когда это не удалось, он категорически отказался отвечать на вопросы, молчал на очных ставках, а к концу следствия симулировал психическое расстройство. Но никакие увертки не помогли ему.

Минтуев прикинулся темным человеком, якобы не владеющим русским языком. Но не помогло ему притворство.

Фарниев с Татаровым, будучи на свободе, сговорились обмануть органы следствия в случае ареста. Они решили не отрицать свою службу в команде СД в городе Ростове-на-Дону, но по поводу массового расстрела советских людей в ростовской тюрьме им якобы ничего не известно. На предварительном следствии Фарниев неизменно твердил: «Я не участник! Я не участник!» В доказательство того, что он не участвовал в массовом расстреле, Фарниев ссылался на Татарова, с которым он будто бы выехал из Ростова на автомашине с имуществом в тыл отступавших фашистских войск до массового расстрела и потому-

де в расстреле им участвовать не пришлось. При этом Фарниев безосновательно утверждал, что Татаров тогда болел и его требовалось сопровождать, что и было поручено Фарниеву. Татаров и Фарниев, как они твердили, ехали в кузове, где находилась бочка с вином. Эта деталь должна была придать бóльшую убедительность выдумке ловкачей. Но следствие располагало иными данными, свидетельствующими о том, что Фарниев и Татаров участвовали в массовом расстреле. Татарову пришлось признаться, что он с Фарниевым заранее не выезжал из Ростова, а вместе с другими сослуживцами, в том числе с Фарниевым, участвовал в массовом расстреле в ростовской тюрьме. Это Татаров подтвердил на очной ставке с Фарниевым. Фарниев впал в ярость, пытался оказать давление на Татарова, вернуть его на прежние позиции ложных показаний, но безуспешно: Татаров твердо решил отказаться от выдуманной версии. Фарниев, убедившись в том, что основа его ложных показаний была разрушена, на очередном допросе решил рассказать все, как было. Рассказал о том, как он участвовал в массовом расстреле советских людей, назвал участников этого злодеяния, в том числе и Татарова, показал о его и своих действиях в Ростове и по ходу отступления в составе команды СД на Украине. Показания Фарниева явились наиболее полными и достоверными по всем эпизодам преступной деятельности известных ему лиц, служивших в немецко-фашистском карательном органе СД-Цб.

Дулаев, до того как оказаться на следствии по обвинению в измене Родине, совершил убийство своего соседа и отбывал наказание за это преступление в исправительно-трудовой колонии. Следователи УКГБ периодически допрашивали Дулаева в качестве свидетеля по поводу его службы в команде СД и о его сослуживцах. Однако допрашиваемый и не подумал рассказать правдиво о себе и карательных действиях сослуживцев. Да и после того как Дулаев был арестован УКГБ за измену Родине, он длительное время твердил, что ничего не знает, ничего не помнит. Но, убедившись в том, что его изобличают очевидцы массового расстрела, обвиняемый вынужден был признать, что он расстреливал людей, да вот только не помнит, сколько отправил на тот свет.

Некоторые обвиняемые, желая умалить свою роль в команде СД и в целях сокрытия тяжкого преступления, выставляли так называемое «алиби». Авакян, отрицая свое участие в массовом расстреле советских людей в ростовской тюрьме, утверждал, что в начале февраля 1943 года он в числе других сослуживцев по команде был выделен в группу для угона скота из станицы Ольгинской в тыл отступавших немецко-фашистских войск и во

время массового расстрела в Ростове не находился. Факт угона скота не вызывал сомнения. Подтвердилось и то, что Авакян был в числе сослуживцев, гнавших гурты скота до Мариуполя. Но при этом выяснилось, что к угонщикам скота Авакян присоединился в Таганроге, после того как была завершена операция по расстрелу узников ростовской тюрьмы. Об этом показал свидетель Налбандянц.

Пять месяцев твердил Авакян, что он гнал скот и потому-де не мог участвовать в расстреле. Свыше десяти очных ставок было дано Авакяну по вопросу его участия в расстреле. Оставался еще один очевидец — Керимов. И вот очная ставка между Авакяном и Керимовым. На последней очной ставке Авакян сдался: признал себя участником расстрела в ростовской тюрьме и дал об этом достоверные показания.

Любопытно вел себя на предварительном следствии Алиев. Он упорно отрицал свою причастность к массовому расстрелу советских патриотов в городе Ростове-на-Дону. Отрицал месяц, два, три. И однажды сказал: «Вот если мой земляк и сослуживец по команде Ильясов Хизри, у которого очень хорошая память, расскажет о расстрелах, тогда и я расскажу». Ему дали очную ставку с Ильясовым. Тот рассказал о кошмарных злодеяниях и участии Алиева в расстреле. Алиев ответил: «Все, что рассказал Ильясов обо мне, — правда». И добавил: «Вот если бы еще и Гаджиев Камил, у которого память лучше, чем у меня, рассказал об этом». Привели Гаджиева. Тот с подробностями и весьма охотно рассказал о событиях 35-летней давности. Алиев, выслушав Гаджиева, сказал: «Теперь я вижу, что мои земляки обо всем рассказали. Они не обидятся, если услышат от меня правду о них». И рассказал все, что знал и помнил о себе и о своих сослуживцах, о их действиях на всем пути, по которому двигались они от Ростова-на-Дону через Таганрог, Мариуполь, Олевск, Шепетовку, Кременец, Львов, Варшаву.

В Кировском сквере города Ростова-на-Дону на небольшой площадке установлен обелиск, камни которого напоминают о происшедшей вблизи этого места в феврале 1943 года трагедии — расстреле узников ростовской тюрьмы гестапо. Память о них вечна, как вечен подвиг советского народа в Великой Отечественной войне.

Е. П. Михайлов,
подполковник,
заместитель начальника УКГБ
СССР по Ростовской области

КОНЕЦ ГРЯЗНОГО БИЗНЕСА

Возросшая экономическая и оборонная мощь страны, морально-политическое единство советского народа не оставили надежд у империалистических кругов на свержение существующего в СССР строя. Именно поэтому специальные службы США и их партнеры по агрессивным блокам все шире используют тайные методы подрыва, ослабления социализма, охватывающие практически все сферы общественной жизни.

Органы госбезопасности считают своей главной задачей предупредить преступление, любое идеологически вредное, антиобщественное проявление, могущее причинить ущерб безопасности нашей страны, вовремя поправить, поставить на правильный жизненный путь случайно оступившегося человека. Если же закон нарушен умышленно и нанесен вред государству, то виновный должен понести заслуженное наказание.

Именно об этом небольшое повествование.

В конце декабря 1969 года поздним вечером из ростовского ресторана «Балканы» вышла пьяная компания молодых ребят. Состояние и поведение их было таким, что находившиеся поблизости работники милиции были вынуждены сопровождать гуляк в отделение милиции. Казалось, этим все и закончится. Однако дело стало принимать иной оборот, когда у одного из них, а именно у Владимира Мельникова, были обнаружены доллары США, марки ФРГ и итальянские лиры. На вполне законный вопрос, каким образом они оказались у него, Мельников отвечать не захотел.

Мельников был задержан, и в отношении его возбудили уголовное дело. На первых порах расследованию стало ясно только одно: Мельников действовал не один, у него есть сообщники, с которыми он совершал валютные сделки. Началась кропотливая и настойчивая работа подключившейся к делу группы работников Управления КГБ СССР по Ростовской области. Были выявлены дружки Мельникова, стремившиеся, как и он, жить «красиво». Вместе Владимиром Мельниковым к уголовной ответственности за валютные сделки и спекуляцию были привлечены Дмитрий Шилов, Михаил Бережанский, Ирина Макелис.

Все четверо оказались в следственных органах не случайно. Они хорошо знали, что, рано или поздно, это случится. Но для каждого из них страсть к наживе была превыше принципов чести, порядочности, моральной чистоплотности.

Выяснилось, что на протяжении нескольких лет они в городах Ростове-на-Дону, Ленинграде, Новороссийске, Сочи, Туапсе скупали у иностранных туристов доллары, фунты, марки, кроны, лиры, перепродавали их по ценам черного рынка, получая немалые барыши. Приобретали дефицитные вещи в магазинах фирмы «Березка», чтобы тут же сбыть их втридорога. Попутно спекулировали купленным по дешевке у тех же туристов заграничным барахлом. Они продавали не только иностранные тряпки и иностранные деньги, а торговали своим гражданским достоинством.

Что очаровывало мельниковых, бережанских, представителей их окружения? Только ли костюмы заграничного покроя, пестрые галстуки, сигареты и жевательная резинка? С живейшим интересом и завистью они внимали своим заграничным «друзьям» и «подругам», слушая их восхваления капиталистическому образу жизни и «полным свободам», якобы существующим на Западе. Продавая валюту, а заодно уступая по дешевке понравившиеся джинсы и сигареты, иностранцы одаривали счастливых покупателей изданными «лишь на Западе» произведениями отщепенцев, именуемых «русскими писателями», пластинками с записями модной легкой зарубежной музыки. Проникаясь страстью к заграничным тряпкам, Мельников и его друзья перенимали вкусы, привычки, убеждения своих новых иностранных знакомых.

Все чаще от проблемы приобретения японского транзистора и покупки сигарет «Филипп Морис» они уходили к дискутированию на музыкальные, литературные, политические темы. Дискуссии заканчивались не только традиционным «за границей живут лучше», а и откровенной клеветой на нашу страну и народ.

Идеи сионизма настойчиво распространял Бережанский. Людям из своего окружения он раздавал шестиконечные звезды — символ израильских сионистов.

Своей «деятельностью» эта компания способствовала появлению искаженных представлений о советском образе жизни. Те, кому это выгодно, охотно выслушивали их разглагольствования на разные темы, оповещали «о заветных думах и чаяниях» советской молодежи. Этого мельниковым и бережанским простить нельзя.

Что объединяло их? Все сводилось к одному — к бизнесу. В компании, где они пользовались авторитетом, больше всего

любили деньги, даровые, в любом исчислении. И сильнее всего они ненавидели работу. Вздыхая, мечтали об иностранных тряпках, о ресторанных кутежах и черноморских пляжах.

До того как стать спекулянтом, Владимир Мельников учился в вечерней школе и работал на заводе Ростсельмаш. Перед ним были открыты все пути к честной трудовой жизни. Но это ему оказалось не по душе, тем более что нашлись великовозрастные приятели, подметившие склонность парня жить на легкие деньги, не обременяя себя повседневным трудом. У некоего Александра Федотова, судимого за воровство, он перенял технологию преступных валютных операций. Началось превращение Владимира Мельникова в спекулянта, сводника и валютчика. Он очень скоро освоил «ремесло», к которому его приобщил Федотов. О работе уже не вспоминал. Зачем? Ведь во время увеселительных прогулок на юг он может заработать гораздо больше, чем у токарного станка. Остальное его не волновало. Мельников научился «деловым» контактам с иностранными моряками, туристами. Все люди разделились для него на две категории: покупателей и продавцов. Так и не окончив средней школы, он стал человеком без определенных занятий, без определенного места жительства. Мельников исчез. Появился Мельник — человек, потерявший стыд, честь и совесть.

При всей своей изворотливости и ловкости Мельников жил удивительно безалаберно. Поил компании благодарных собутыльников, а потом клянчил рубли в долг, щеголял в одном и том же поношенном костюме. «Красивой» жизни у него не получалось.

Холеный и самоуверенный Дмитрий Шилов внешне сильно отличался от Мельникова. Его жизнь складывалась удивительно благополучно. Учеба в университете давалась легко, несколько семестров он даже вытягивал на повышенную стипендию, исправно приходили ему посылки и переводы из Донецка. Отец, старый шахтер, не мог допустить, чтобы любимый, подающий надежды сын в чем-нибудь нуждался. Но потребности у Дмитрия были большие. Студенческой стипендии и отцовских денег явно не хватало. Поэтому предложение Мельникова делать бизнес вместе пришлось Шиллову как нельзя кстати, всколыхнуло его мечты о даровых деньгах. Он с готовностью согласился сотрудничать при условии делить прибыль пополам. Шилов мог сносно изъясняться с иностранной «клиентурой» на английском языке. Мельникову это подходило.

Соблазн легкой наживы, возможность, не утруждая себя, заработать на тряпки и ресторанные попойки были сильнее голоса здравого рассудка, гражданской совести, чести, комсомольского

долга. Если раньше Шилов жил «от сессии до сессии», то теперь вехами его жизни стали удачно заключенные сделки. Купить валюту, продать валюту или приобрести на нее в магазинах «Березки» дефицитные вещи, чтобы выгодно их перепродать — с этими мыслями «студент» просыпался, с этими мыслями он выходил в город, ехал в кемпинг, посещал курорты Сочи, Новороссийска, Туапсе. Знакомство с иностранцами было выгодно не только для валютных сделок. Оно поднимало престиж Шилова среди пестрой толпы бездельников, фланировавших вечерами по центральным улицам Ростова.

«Красивая» жизнь пришлась настолько по душе Шилову, что, испугавшись по окончании университета расстаться с любимым городом, он перестал ходить на занятия. Поскольку до диплома оставался всего один семестр, его пожалели, приняли на работу в научно-исследовательскую лабораторию — ДонбассНИЛ. Дали перспективную работу, позаботились о восстановлении в РГУ, предоставили комнату — словом, окружили всяческой заботой. Он получил все, о чем может мечтать двадцатипятилетний человек, но предпочел другое и потому очутился на скамье подсудимых.

Не желал работать и Михаил Бережанский, хотя и окончил в свое время радиотехникум. Этого предпочитал загребать жар чужими руками, хитрил и изворачивался. Он, нигде не работая, умудрялся, толкаясь целый день на ростовских улицах, всецело занятый куплей-продажей, сдавать зачеты в Новочеркасском инженерно-мелиоративном институте, где числился заочником. Бережанский слыл деловым человеком. У него всегда можно было узнать, что пользуется спросом на черном рынке, кому можно сбыть валюту. Он мог ссудить деньгами, под проценты, конечно, а близким друзьям — под залог. Не на одну сотню долларов скупил Бережанский дефицитных товаров в магазинах «Березки», не без выгоды для себя снабжал ими широкий круг знакомых. Он делал бизнес и на заграничных полиэтиленовых кульках. Торговал даже женским бельем, не стесняясь, предлагал предметы женского туалета знакомым девушкам.

В какие нравственные ценности могли верить эти люди, убежденные в том, что все покупается и продается? Не случайно история жизни каждого из них — это история глубокого морального падения, духовного обнищания.

Мельников, начавший с попрошайничества и спекуляции, постепенно утратил всякое достоинство — и мужское и человеческое. Он стал сутенером, знакомил иностранных «клиентов» со своими подругами, с которыми можно было весело провести время, расплатившись валютой, а то и просто подарить загра-

ничные темные очки. Он сам не брезговал жить на содержании у женщин. Летом 1969 года на юге познакомился с Ириной Макелис, «деловой» женщиной, приехавшей из Ленинграда в Сочи поразвешаться и подзаработать на спекуляции. Щедрая подруга великодушно финансировала его существование и даже пригласила погостить в ее ленинградской квартире. Они были нужны друг другу. Макелис одевала и кормила Мельникова, а он помогал ей совершать валютные сделки и перепродавать купленные у иностранцев вещи. Ленинградская квартира Макелис стала «деловой конторой». Сюда привозили иностранцев, здесь вели торги и оформляли сделки. Мельников не принадлежал к разряду людей постоянных. Воспользовавшись отсутствием подруги, он бежал с берегов Невы, не забыв прихватить приобретенную и припрятанную Макелис валюту, с которой и был задержан в Ростове.

Суд подвел итог кропотливой работе сотрудников Управления КГБ СССР по Ростовской области и по заслугам наказал преступников. Судебный процесс заставил задуматься дружков и приятелей осужденных, показал, к какому печальному финишу может привести их стремление к легкой жизни, в обход честной трудовой деятельности.

К. Н. Хохульников,
подполковник

БЕРЕГИТЕСЬ, ЭТО ОПАСНО!

Идеологические диверсии наших врагов ставят одной из важнейших своих целей — подрывные действия в отношении советской молодежи. Органы империалистической пропаганды пытаются путем распространения буржуазной идеологии, различных ревизионистских теорий, идей национализма и сионизма, религиозно-мистических воззрений вызвать у отдельных советских юношей и девушек недоверие к политике КПСС и Советского правительства, посеять настроения аполитичности и пессимизма, толкнуть на путь демагогии и критиканства, привить мещанское, потребительское отношение к жизни. В этих целях идеологические диверсанты стремятся по различным каналам засылать в молодежную среду буржуазную пропагандистскую литературу, восхваляющую западный образ жизни, порнографические издания, пытаются склонить молодежь к наркомании, пьянству, сексуальной распущенности, хулиганству и иным антиобщественным и уголовным преступлениям. Внешне лишенные политической окраски, подобные враждебные акции являются практическим выражением разработанной империалистическими идеологами установки, согласно которой обработка части советской молодежи во враждебном социализму духе может якобы достигаться и путем ее морального разложения.

Для реализации своих коварных установок империалистические идеологи и пропагандисты особое внимание уделяют изучению степени политической зрелости советской молодежи, ее верности революционным традициям, выявлению возможной тяги к Западу, негативных процессов и проявлений в ее среде. Активно изучаются вопросы, касающиеся нравственности молодежи, ее подверженности религиозным настроениям и предрассудкам, интересы к «сексуальной свободе», ее отношения к буржуазному искусству, западным модам, танцам.

С целью оказать тлетворное влияние на формирование мировоззрения советской молодежи используются средства массовой информации, расширение международных связей Советского Союза, приезд в СССР иностранцев по каналам международного научно-технического и культурного обмена.

В настоящее время на нашу страну ведут передачи 37 иностранных радиостанций на многих языках народов СССР. Это и официальные радиостанции «Голос Америки», «Немецкая волна», «Израиль», и так называемые «неправительственные», типа «Би-Би-Си», и радиостанции зарубежных клерикальных центров «Голос Востока», «Голос дружбы», «Голос Анд» и др.

Стремясь приучить часть нашей молодежи к регулярному прослушиванию своих передач, зарубежные центры радиопропаганды насыщают программы самой разнообразной музыкой: классической, лучшими произведениями современной, особенно авангардистской. Они обещают своим радиослушателям в СССР выслать музыкальные записи, фотографии звезд кино и эстрады.

Отдельные наши юноши и девушки, а иногда и взрослые, прослушивая музыкальные передачи зарубежных радиостанций, чередующиеся выпусками последних известий, обзорами, комментариями политических событий, постепенно втягиваются в систематическое их прослушивание, подпадают под их влияние. Некоторые из них начинают восхвалять «прелести» западного образа жизни, стремятся, порой с нарушением установленных норм и правил, к приобретению заграничных вещей и изделий, вступают в контакты с иностранцами на нездоровой основе, а отдельные, если своевременно не принять мер профилактического, воспитательного характера, могут скатиться на путь преступной деятельности.

В этом плане представляется достаточно характерной судьба ростовчанина Хлыстова (фамилия его изменена, мы полагаем, что он осознал свои ошибки и стал на путь исправления).

Детство и юность Хлыстова протекали достаточно безмятежно. Ему, единственному сыну в семье, все было дозволено. После школы открылся путь к высшему образованию. Но учеба — это труд, и труд настойчивый, кропотливый, а Хлыстова это не очень устраивало. За недостойное поведение в институте он исключен из комсомола и только усилиями папаши, уважаемого человека, окончил вуз и получил диплом инженера.

Однако работа по специальности его также не заинтересовала. Действительным увлечением стала современная западная музыка, всевозможные рокк- и битлз-группы. Стремление быть на высоте среди подобных себе, иметь первым магнитофонные записи и диски привело к прослушиванию передач зарубежных радиостанций, к контактам с иностранцами. Его близким «другом» и «советчиком» стал стажер из США Ричард Шупбах. От преклонения перед современной западной музыкой, от некритического стремления к подражанию некоторым сторонам западного образа жизни, устройства на дому сборищ с участием

иностранцев Хлыстов перешел к разглашательствам о «чистой» демократии, в присутствии иностранцев стал порочить советскую действительность, получая мелкие подачки. Он начал группировать вокруг себя и обрабатывать в аналогичном духе некоторых единомышленников.

К сожалению, ни родители, ни администрация, ни общественные организации предприятий и учреждений, которым в достаточной мере было известно о перерождении Хлыстова и его друзей, не приняли действенных мер, чтобы остановить их.

Позднее, после ряда проведенных с ним бесед, Хлыстов писал: «...прозрение и отрезвление у меня наступило с большим опозданием, после бесед в УКГБ. Только теперь я понял по-настоящему, до чего довели меня «независимость суждений», слепота и, пожалуй, идеологическое влияние Запада в виде бесед с иностранными студентами, обучающимися в РГУ, иногда слушание западных радиостанций...»

Иностранцы... Десятки тысяч из них ежегодно бывают на территории нашей области. Едут в качестве туристов и специалистов, по частным визам в гости к родным и близким, по линии культурного, спортивного и студенческого обмена.

К сожалению, в числе иностранцев, приезжающих в СССР, в частности в вузы города Ростова-на-Дону на учебу, стажировку или для научной работы, есть идеологические диверсанты. Один из них — Граффи Джулиан Джуд, подданный Великобритании, бывший стажер филологического факультета РГУ

Бывший студент РИНХа, ныне житель города Ленинграда, Валерий Левин, хорошо узнавший бывшего стажера Ростовского, а затем Ленинградского госуниверситетов, в своем заявлении писал: «Многочисленные встречи и беседы с Граффи в Ростове-на-Дону и в Ленинграде привели меня к убеждению, что он враждебно относится к нашей стране и использует свое пребывание в СССР для идеологической диверсии... Граффи очень стремится получить любого рода информацию, извращающую советскую действительность. Он собирал анекдоты с клеветой на нашу страну, на образ жизни советских людей».

Общительный, корректный, умеющий свободно говорить о современной музыке, литературе, искусстве, Граффи легко и охотно вступал в контакты с советскими людьми, особенно с молодежью, но среди них он искал любителей легкой наживы, поклонников всего западного, людей политически незрелых, легко поддающихся чуждому воздействию. И уже в индивидуальном порядке проводил их идеологическую обработку, подталкивая к совершению преступлений, в том числе и к измене Родине.

С помощью некоего Валерия Буракова, человека без опре-

деленных занятий, он сколотил вокруг себя компанию молодых людей, склонных к стяжательству, стремящихся к легкой жизни, не отличавшихся высокими моральными качествами. Вначале Граффи старался произвести на эту компанию впечатление эрудита, знатока и ценителя всевозможных битлз-групп. При проигрывании принадлежащих ему дисков показывал знание и понимание этой музыки. В беседах стремился ненавязчиво внушить, что, получая только стипендию, он гораздо меньше учится, чем отдыхает, имеет большой дом в Англии, машину и еще лучше будет жить, когда приедет в Англию и будет работать.

Используя беспринципность своих новых друзей, их стремление к легкой наживе, Граффи втягивал их в спекулятивные сделки, в частности с пластинками. Позднее на суде Бураков сообщил о совместных с Граффи спекулятивных операциях следующее: «Особенно доходным бизнес был на пластинках с записями поп-музыки. Они принадлежали Джулиану. Часть пластинок он продал сам, а часть — я. В среднем за каждую пластинку мы выручали по 40—50 рублей, а то и 70 рублей».

Поощряемый Граффи Джулианом, Бураков все более втягивался в спекулятивные сделки с импортным барахлом, приобретенным им в основном у иностранцев. Моральное разложение в сочетании с умелой обработкой со стороны «друга» дали соответствующие результаты. В. Бураков все чаще как среди своего окружения, так и в присутствии иностранцев, с которыми вступал в различные противозаконные сделки, стал допускать клеветнические измышления, о нашей стране.

И вот тут Граффи Джулиан решил, что Валерий Бураков созрел для совершения преступления, к которому он так настойчиво и планомерно его готовил, — к измене Родине. Он передал Буракову свой английский паспорт и проинструктировал, как именно тот должен действовать, чтобы выехать на туристском пароходе в Западную Европу вместо него, Джулиана Граффи. С документами Д. Граффи Бураков прошел чуть ли не до сходней крупного судна, но вернулся: должно быть, страх взял свое.

Однако Валерий Бураков оказался не единственной жертвой идеологического диверсанта Граффи Джулиана. С другими он применял иную тактику, иные приемы идеологической обработки.

С бывшим студентом, а затем сотрудником госуниверситета Евгением Цимбалом Граффи Джулиан жил в одной комнате университетского общежития.

Евгений вырос в семье интеллигентов, успешно окончил среднюю школу, активно занимался общественной работой. В его школьной характеристике отмечается, в частности: «...за время учебы в школе проявил хорошие способности. Имеет склонность

к гуманитарным наукам. Много читает художественной и политической литературы, интересуется текущими событиями в Советском Союзе и за рубежом. Обладает хорошей памятью, логическим мышлением, хорошо формулирует свои мысли».

Однако Джулиан довольно точно определил и другое. Цимбал, будучи младшим ребенком в семье, был довольно избалован, ленив, не приучен к настойчивой, систематической работе, имел излишне высокое мнение о своих знаниях и способностях, любил лести, был податлив чужому влиянию.

Граффи Джулиан, достаточно объективно оценив личность Цимбала, избрал на первом этапе тактику бесед об искусстве в сочетании с подчеркнутым вниманием к Цимбалу и льстивыми оценками его знаний в области гуманитарных наук. Евгений «клюнул» и, давая позднее характеристику Джулиану, написал: «Сфера его интересов ограничивалась литературой, музыкой, кино, да и вообще искусством. Его поведение по отношению к советским гражданам и советской действительности отличалось лояльностью. Он много помогал мне при изучении английского языка, я помогал ему с русским, особенно много беседовали о русской литературе. В нашей комнате была дружеская атмосфера». Не правда ли, трогательно!

Коль такая дружба, то другу надо помогать, а он давно уже желал съездить в один из городов нашей страны, куда въезд иностранцам, по известным Цимбалу причинам, был закрыт. Евгений приобретает сам билеты и везет Граффи Джулиана в этот город, «чтобы он отдохнул и хорошо поел, а также посмотрел на Дон и море». Так пытался мотивировать позднее Цимбал свои действия. «В то время я не мог предположить, что он... может заниматься враждебной деятельностью», — пытался оправдать этот свой поступок и некоторые другие Цимбал. После разъяснения всей опасности для него и общества действий Граффи Джулиана и его фактического содействия ему в своем объяснении указал: «В настоящее время я расцениваю указанный поступок как глупый и безответственный...»

А это «другое» также было. Граффи Джулиан, верный своей тактике в отношении Цимбала, вводит его в компанию В. Буракова и других, где он попадает в известную уже обстановку, которая оказывает на него определенное влияние.

Выехав из СССР по окончании годичной стажировки, Граффи Джулиан устанавливает с Цимбалом письменную связь, которая, как кажется Евгению, «сводится к обмену новостями о литературе, музыке и искусстве». Но Джулиану переписка нужна была для других целей — не утратить на длительное время контакт. И вскоре он сообщает, что в город Ростов-на-Дону при-

едет группа английских стажеров, в том числе и его друг, с которым он передаст Евгению книги или пластинки.

Английские стажеры приехали, и Цимбал, не дожидаясь приглашения, «отправился к ним, чтобы узнать о передаче. Как выяснилось, мне ничего не передавали. В разговоре, подробности которого я не помню, я допустил ряд глупых и бессмысленных выражений...» А выражения эти только мягко говоря были «глупыми и бессмысленными». Позднее, в объяснении, Цимбал напишет: «В настоящее время не могу объяснить данных поступков иначе, как крайней безответственностью».

А стажеры проигрывали ему пластинки с модернистской музыкой, давали читать газету «Таймс» и приложение «Санди Таймс», в котором подробно, в алфавитном порядке, писали о «великих» людях XX века, в числе которых значился и бывший гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп.

Вот так, медленно, внешне, может, даже малозаметно для человека без твердых взглядов и убеждений, на Е. Цимбала оказывается влияние, он опутывается липкой паутиной. А тут вновь в СССР на стажировку, уже в Ленинградский госуниверситет, приезжает Граффи Джулиан. И по его первому зову Цимбал мчится в Ленинград, купив «другу» собрание сочинений А. Блока, а также несколько альбомов русской классической живописи.

К счастью для Евгения, столь трогательная «дружба» с идеологическим диверсантом Граффи Джулианом не привела к печальным последствиям. Вскоре после его отъезда из Ленинграда враждебная деятельность Граффи Джулиана была пресечена органами КГБ, и его выдворили из СССР за нарушение правил поведения для иностранных граждан. А с Е. Цимбалом проведена обстоятельная беседа. Есть основание полагать, что он понял и осознал всю опасность и пагубность пути, на который выводил его «друг» Джулиан, и сделал правильные выводы.

Особую активность в попытках оказать враждебное идеологическое воздействие на советскую молодежь проявляют существующие за рубежом на средства иностранных разведок, в основном ЦРУ, различные малочисленные, но шумливые антисоветские организации. Состоят они, как правило, из бывших фашистских пособников и приспешников, а также из различного антисоветского отребья, выброшенного из нашей страны в послевоенные годы.

Особое усердие на этом поприще проявляет НТС, деятельность которого финансируется ЦРУ США и находится в противоречии как с нормами международного права, так и международных соглашений.

О деятельности НТС, созданного в 1930 году за границей «бывшими», утратившими в России богатства и привилегии, для борьбы с любыми союзниками за свержение Советской власти и создание «независимого российского национального государства», опубликовано много материалов¹. В них вскрыты и показаны широкие связи руководителей НТС в довоенный период с польской, румынской, японской, немецко-фашистской разведками; разоблачены связи НТС в послевоенный период с Интеллиженс Сервис (Англия) и последующий переход на содержание Центрального разведывательного управления (США).

Вот характерный облик одного из таких «борцов за независимую Россию» — Ковалева Александра Александровича, 1914 года рождения, уроженца и бывшего жителя города Таганрога.

В период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками Таганрога добровольно пошел на службу в полицию. В июне 1943 года, оценив заслуги и преданность Ковалева, оккупанты назначили его начальником «русского отделения» германского контрразведывательного органа СД-4Б.

Боясь законного возмездия за свои преступления, А. А. Ковалев при наступлении частей Советской Армии бежал в Германию, а после ее капитуляции — во Францию, где сразу же вступил в НТС, став его активным участником. Затем переехал в Бельгию, где являлся одним из ближайших помощников главаря бельгийского отдела НТС Россельвина, а позднее выехал на жительство в Канаду.

Представляет безусловный интерес одна деталь о конкретной деятельности А. А. Ковалева уже как члена НТС. Возвратившаяся в СССР А. А. Перцева, лично знавшая по периоду проживания во Франции Ковалева, а также одного из руководителей НТС А. П. Столыпина, в частности, сообщала: «... Ковалеву часто привозили из Парижа советскую газету «Комсомольская правда»... он ее перерабатывал в обратном смысле, то есть вел антисоветскую пропаганду, а после переработки отсылал в Париж Столыпину». По этим материалам печатались антисоветские листовки, ими обвертывались детали различных машин, которые в порядке экспорта из Франции направлялись в Советский Союз. Старый, избитый прием антисоветчиков — подтасовка, передергивание фактов, клевета.

Расчет простой: авось, поверят. Но напрасно стараетесь, господа. Советские люди умеют отличить правду от лжи.

¹ Одна из последних публикаций, разоблачающих антисоветскую деятельность Народного трудового союза. — «На службе у ЦРУ». (М., «Молодая гвардия», 1977.).

ЗАДЕРЖАНЫ С ПОЛИЧНЫМ

Летом 1978 года два симпатичных молодых стажера из Англии на Центральном рынке города Ростова-на-Дону были застигнуты гражданами при весьма неблагоприятном занятии — фотографировании замусоренных мест. Согласитесь, странно это. Приехать издалека и на огромном рынке, прилавки которого буквально завалены дарами донской земли, не увидеть ничего, кроме мусорной кучи. Англичанам вежливо разъяснили, что в столице Дона много интересных и красивых мест, ознакомление с которыми было бы значительно полезнее. Такие же разъяснения советские люди сделали и автотуристам из США Рубедь и Джеферсону.

Видно, верно говорят: кто ищет грязь, тот найдет ее. Только зачем ее искать, грязь? И кому это нужно? Да и выгода в чем, собственно?

Благотворные перемены, происшедшие в мире, благодаря настойчивым усилиям Советского Союза и стран социалистического содружества, не устраивают наших классовых противников. Силы империализма и реакции не хотят смириться с таким положением. Из года в год они усиливают подрывную деятельность. Причем акцент в этом делается на опорочивании нашей страны, политики ленинской партии. А цель такая: посеять семена недоверия к идеалам социализма.

В последние годы часто говорят о вражеских идеологических диверсиях. Да, они в современных условиях становятся все более и более изощренными. В подрывных идеологических акциях открыто участвуют государственные и политические деятели империалистических государств, специальные службы и разведывательные органы. И неспроста в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» подчеркивается, что империалистическая пропаганда непрерывно ведет яростные наступления на умы советских людей, стремится с помощью самых изощренных методов и современных технических средств отравить их сознание клеветой на советскую действительность, очернить социа-

лизм, приукрасить империализм, его грабительскую, бесчеловечную политику и практику. «Извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, — говорится в этом документе, — умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь — все пускается в ход»¹.

В одном из вузов Ростова-на-Дону находилась на стажировке иностранка — внучка белоказака, бежавшего после революции с Дона. Она привезла с собой множество журналов, которые настойчиво предлагала для чтения студентам и преподавателям. Их антисоветское, враждебное содержание весьма красноречиво свидетельствует о «симпатиях» гостыи к нашему государству. Но этим она не ограничивалась. Немало времени уделяла тому, чтобы заводить знакомства с молодыми писателями, режиссерами, артистами. В беседах со своими новыми знакомыми с позиции так называемой «объективности и доброжелательности» она вела разговоры об «общечеловеческой» культуре, восхваляла модернистские, чаще всего открыто реакционные течения в искусстве Запада. Неизменно следовал вывод: искусство стоит над политикой, а вот социалистический строй-де не обеспечивает свободы творчества.

Среди собеседников этой рьяной поборницы «свободного от политики» западного искусства нашлись люди, решительно осудившие проповедуемую ею теорию искусства для искусства. Они дали ей понять, что в нашей стране никому не возбраняется выражать свое мнение, но заниматься откровенной антисоветской пропагандой у нас никому не позволено.

Это пришлось популярно разъяснить и американцу Джону Фини. В мае 1979 года во время проведения в Ростове выставки «Сельское хозяйство США» он, являясь гидом, под видом опять-таки «объективного» сравнения условий жизни в СССР и США пытался очернить политику Советского правительства в решении международных вопросов. Этого для «самовыражения» оказалось мало. Тогда Фини стал громогласно читать статьи американских писак в газете «Нью-Йорк таймс», восхвалявших Солженицына, и пытался доказать при этом существование в США «подлинной свободы слова». В ходе дискуссии с советскими гражданами по вопросам внутренней и внешней политики США и СССР иностранцу была убедительно доказана несостоятельность его высказываний. Почувствовав явный проигрыш в споре, Фини прибегнул к антисоветским высказываниям, что вызвало возмущение со стороны посетителей выставки.

¹ О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. М., Изд-во «Правда», 1979, с. 6.

Использование любых возможностей для подрывной деятельности против Советского государства — отличительная особенность работы идеологических диверсантов. Посетившие Ростов-на-Дону туристы из США супруги Розенблах с удивительным усердием пытались найти в городе лиц еврейской национальности, в особенности из числа молодежи, которых можно было бы обработать в сионистском духе и склонить к выезду в Израиль, а также собрать какую-либо негативную информацию о нашей жизни.

Абсолютное большинство советских людей дают достойную отповедь сионистским эмиссарам, способствуют пресечению их враждебных действий. Об одном таком случае писала газета «Молот» в статье «Дырявые сети сионизма», когда научный сотрудник одного из институтов Ростова, получив неожиданный вызов в Израиль, просил компетентные органы оградить его семью от подобных провокаций.

К сожалению, находятся и другие. В 1976 году в Израиль выехал некий Любарский, работавший до этого в институте Энергосетьпроект. «Я заверяю Советское правительство в том, что вечно буду свято хранить воспоминания о Советском Союзе, в котором я получил высшее образование и прожил долгую жизнь в дружной многонациональной семье советских народов. Клянусь... не жалеть сил, а если понадобится — и жизни во имя претворения учения Маркса — Ленина», — писал он в своем заявлении при выезде из СССР. Но он очень скоро забыл о таких заверениях. Оказавшись за рубежом, Любарский участвовал в оголтелом антисоветском сборище под вывеской американской национальной конференции по делам советских евреев; в митинге в защиту осужденного за враждебную антиобщественную деятельность Орлова и в антисоветской пресс-конференции, состоявшейся в Лондоне, где изливались потоки грязи и клеветы на нашу страну. Иудины серебреники зарабатывает он и на том, что переманивает легковверных на переезд из СССР на «землю обетованную», как называют сионисты Израиль.

Любарскому нет никакого дела до судеб обманутых им людей. Так же, как и его теще, проживающей в городе Ростове-на-Дону. Она настойчиво обрабатывала Юрия С., ученика 9-го класса, в сионистском духе, умело используя его заблуждения и неопытность. Финал этой «опеки» — попытка Юрия к бегству за границу и намерение просить там политического убежища.

После появления соответствующих материалов в печати теща Любарского пыталась доказать в письме в редакцию газеты «Молот», что она не имеет отношения к Юрию С., что она пат-

риот и осуждает происки сионистов. Но все эти оправдания, как оказалось, являются чистейшей ложью.

Идеологические органы и спецслужбы империалистических государств в проведении враждебных акций используют отдельных иностранных студентов, обучающихся в нашей стране. Безусловно, абсолютное большинство иностранцев приезжает к нам с желанием овладеть знаниями, познать советскую действительность. Многие из них являются участниками прогрессивных движений у себя на родине. Однако встречаются и убежденные сторонники буржуазной идеологии, скрытые враги социализма. Их-то и стараются использовать наши классовые враги. Психологическая обработка таких лиц начинается еще до выезда на учебу в СССР. В их глазах дискредитируется советская система обучения, делаются попытки принизить уровень дипломов советских вузов. В среде иностранцев распространяются ложные слухи о всевозможных «трудностях» в Советском Союзе, их открыто склоняют к отказу от учебы в советских вузах.

Отдельными иностранцами в Ростове-на-Дону среди иностранных студентов культивируются националистические и расовые предрассудки, провоцируются массовые негативные проявления, непосещение занятий. Так, в Ростовском строительном техникуме гражданин Мавритании спровоцировал массовую драку между арабскими и африканскими учащимися, а затем распространил слух о якобы имеющем место ущемлении прав арабских студентов со стороны советских органов.

Не брезгают отдельные иностранные студенты и распространением порнографических изданий. К примеру, у гражданина Нигера М. Сулуфу был изъят порнографический фильм, за просмотр которого, нелишне заметить, предприимчивый делец пытался взимать плату в несколько десятков рублей.

В современной идеологической борьбе наши классовые противники отводят особое место религии. Зарубежные клерикальные центры и спецслужбы ведут постоянные религиозные радиопередачи на Советский Союз, засылают всевозможные письма, заявления, в которых, наряду с чисто религиозными материалами, содержится тенденциозная и клеветническая информация. Их эмиссары провозят через границу в тайниках религиозно-пропагандистскую литературу, деньги, множительную технику, кино- и фотоаппаратуру.

Летом 1975 года преподаватель теологии Венского университета Еасон Алан доставил в Ростов-на-Дону для сектантов 13 тысяч долларов и 3 тысячи австрийских шиллингов. В октябре 1976 года в станице Красюковской в доме верующих найдены

Вот такую духовную отраву пытаются завозить в область зарубежные «туристы»

оборудование для печати, матрицы бельгийского производства, киноплёнка фирмы «Кодак», фототехническая плёнка и приборы зарубежного производства, использовавшиеся для нелегальной деятельности. Здесь же находился и изготовленный в ФРГ счётчик Гейгера, определяющий уровень радиации и имеющий явно не духовное предназначение. Сам хозяин дома в 1941—1945 годах служил под фашистским знаменем в так называемой «русской освободительной армии», награждался за усердие тремя фашистскими медалями, за что, естественно, был справедливо наказан советским судом. А затем стал проявлять усердие на другом поприще.

В течение 1978 года на Западе публиковалось «Обращение ко всем матерям», автором которого является ростовская баптистка Захарова. В нём утверждалось, что её за веру советские власти лишили права опекуна над маленькой сестрой и отобрали у неё собственный дом. Конечно же, все это было от начала до конца вымыслом, рассчитанным на легковёрных западных читателей. АПН после встречи и беседы с Захаровыми опубликовало за рубежом статью-опровержение. Но, несмотря на это, западные органы информации продолжали печатать «Обращение» и направлять Захаровой разного рода подачки. От них отказа не было.

В условиях постоянно усиливающейся идеологической диверсии, которую пытаются осуществлять самые различные обильно финансируемые, враждебные нам центры и организации, чеки-

сты Дона хорошо понимают свою ответственность перед партией и народом. Они систематически выступают в трудовых коллективах и учебных заведениях с лекциями и беседами, проводят тематические встречи с трудящимися.

Действуя строго на основе и в пределах закона, опираясь на общественность и работая в тесном контакте с ней, работники органов госбезопасности самоотверженно, с партийной ответственностью продолжают решать задачи по предупреждению и пресечению любой подрывной деятельности на территории области.

Е. М. Васильев,
майор в отставке

И. С. Александровский,
журналист

ПОЧЕТНЫЙ ЧЕКИСТ

Старейшему чекисту Дона, подполковнику в отставке, коммунисту Сергею Матвеевичу Дудареву 79 лет. Скромный во всем, простой и общительный по своей натуре, он вызывает симпатии у всех, кому приходится с ним общаться.

Родился он в бедной крестьянской семье, в слободе Большинской Тарасовского района Ростовской области. В раннем детстве лишился родителей. Воспитывался Сережа в рабочей семье Дударевых в городе Новочеркасске. Отчим в 1918 году был арестован белогвардейцами и направлен в каменскую тюрьму, откуда больше не вернулся.

Несмотря на трудно сложившиеся условия жизни, Сережа хорошо учился в школе. Он окончил также курсы машинописи. Некоторое время выполнял конторскую работу.

С детских лет Сергей увлекался рисованием и на собственные небольшие средства — здесь же, в городе Новочеркасске, — непродолжительное время учился в вечерней художественной студии, преподавателями которой были известные художники М. Б. Греков и И. И. Крылов. Однако студия из-за отсутствия материальных возможностей прекратила свое существование, и учиться дальше Сергею не пришлось. Позднее Сергей Матвеевич увлеченно занимался любительской живописью и дважды выставлял свои произведения на художественных выставках.

В декабре 1919 года Сергей Дударев становится бойцом легендарной партизанской кавалерийской бригады под командованием героя гражданской войны Дмитрия Жлобы. Эта бригада входила во 2-й конносводный корпус под командованием Думенко.

7 января 1920 года кавалерийская бригада под командованием Жлобы первой ворвалась в город Новочеркасск. Бой за город своего детства был для Сергея Дударева первым боем за власть Советов. Потом были бои за донские станицы Раздорскую, Семикаракорскую, на Маныче, Кубани и далее — в Таврии, против врангелевских войск. За участие в гражданской войне Сергей Матвеевич получил правительственную награду.

С. М. Дударев

Закончилась гражданская война, наступили годы восстановления народного хозяйства и мирного социалистического строительства молодой Советской Республики. Органы государственной безопасности, опираясь на поддержку Коммунистической партии и трудящихся масс, продолжали вести активную борьбу с внешними и внутренними врагами советского народа, разоблачали и наносили уничтожающие удары по многочисленным тайным центрам контрреволюции, пресекали вооруженные мятежи, вредительство, спекуляцию. Особенно трудная обстановка сложилась на Дону и Северном Кавказе.

В этой сложной обстановке С. М. Дударев в июне 1925 года становится чекистом. Он показал себя умелым и отважным работником органов государственной безопасности.

В одном из городов долгое время орудовали бандиты Камберьян и Николаев. Ими было произведено несколько крупных ограблений банков, совершено ряд убийств работников уголовного розыска и был убит чекист — даровитый поэт Анатолий Арский, уроженец Азова. Банда была ликвидирована при личном участии Сергея Матвеевича.

Сергей Матвеевич принимал непосредственное участие в ликвидации чекистами Дона широко разветвленной монархической организации «Имяславцы», в которую входили бывшие царские офицеры, жандармы, богатые казаки, участники банд князя Джантемирова, генералов Улагая и Хвостикова, полковника Белова, и ряда других. За участие в ликвидации этой организации С. М. Дударев был награжден ОГПУ Почетной грамотой.

Продолжая службу в органах госбезопасности, С. М. Дударев мужал, закалялся как чекист. Он успешно трудился на всех ответственных должностях, куда его направляли.

Великую Отечественную войну встретил на посту начальника Новороссийского межрайотдела НКВД.

Когда нашими войсками был оставлен город Ростов-на-Дону и фашистские полчища двинулись на Кубань, Сергею Матвеевичу было поручено выполнение особо важного задания партийных органов и военного командования по эвакуации в глубь страны населения и оборудования с промышленных предприятий Кубани. Это были трудные дни, без сна и отдыха — все отдавалось делу.

В Краснодаре Дударев встретился с С. М. Буденным, который знал его по службе в 20-х годах в штабе СКВО. Семен Михайлович поинтересовался ходом эвакуации.

Ушло много эшелонов с людьми и оборудованием, демонтированным с промышленных предприятий, — ответил маршалу Сергей Матвеевич, — а некоторые сооружения и коммуникации, которые нельзя оставлять врагу, мы уничтожили.

В том же году с другим специальным заданием на самолете У-2 Сергей Матвеевич вылетел из Сочи. В пути самолет был обстрелян фашистскими стервятниками, и, чтобы не быть сбитыми, летчик в районе Гагр сажает самолет на вспаханное поле. С. М. Дударев получил серьезную контузию, месяц пролежал в одном из госпиталей города Сочи, а затем вновь приступил к своим служебным обязанностям.

Обстановка на фронте выдвинула перед партийными и советскими организациями города Новороссийска чрезвычайно трудные задачи. На подступах к городу развернулось одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны. Все перестраивалось на военный лад.

Сергей Матвеевич Дударев с группой подчиненных ему чекистов направлял всю оперативную деятельность на оборону города, оказывал всемерную помощь командованию 18-й армии в проведении боевых операций против немецко-фашистских войск, бесстрашно действовал во вражеском тылу.

Позднее Сергей Матвеевич своим самоотверженным трудом проводил соответствующую чекистскую работу на освобожденной от фашистских оккупантов территории. В послевоенный период зорко охранял мирный труд советских людей по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

За трудовые и ратные подвиги и проявленные при этом стойкость и мужество в борьбе с врагами Советского государства Сергей Матвеевич Дударев удостоен высоких правительственных наград: орденов Ленина, Красного Знамени, медалей «За отвагу», «Ветеран Вооруженных Сил СССР» и других. Награжден знаком «Почетный чекист». В память о боевых делах в годы Великой Отечественной войны ему вручен нагрудный знак «Ве-

теран 18-й армии». Он также является членом совета ветеранов этой армии.

Находясь на заслуженном отдыхе, Сергей Матвеевич активно участвует в общественной работе. Свыше восьми лет он бесменно избирается по месту жительства председателем товарищеского суда. Но особенно большую работу С. М. Дударев проводит в Ростовском областном совете ветеранов-чекистов. Он часто бывает на предприятиях, в коллективах разных организаций и учебных заведениях, делится своими воспоминаниями о славных делах работников органов госбезопасности.

Как наставник, С. М. Дударев часто встречается и проводит беседы с молодыми чекистами. Он учит их трудолюбию, чекистскому мастерству, помогает стать достойными наследниками традиций старших поколений.

С. М. Дударев уделяет большое внимание работе по розыску и сбору материалов истории органов госбезопасности на Дону и Северном Кавказе, ведет поиск старых чекистов и их семей, переписывается и встречается с ними. Посещает музеи, архивохранилища, библиотеки в Ростове, Новочеркасске и других городах. Пишет свои воспоминания.

Активная жизнь коммуниста, ветерана гражданской и Великой Отечественной войн, почетного чекиста Сергея Матвеевича Дударева снискала ему высокий авторитет. В день 60-летия ВЧК—КГБ ему были вручены поздравительный адрес Ростовского обкома КПСС и исполкома областного Совета народных депутатов, поздравительные письма Председателя КГБ СССР, министра обороны СССР.

О Г Л А В Л Е Н И Е

И. А. Бондаренко. На страже государственной безопасности	5
А. А. Хлестков. Во имя Родины	11
С. В. Чесноков. Соратник Феликса Дзержинского	23
Б. В. Иванов. «В Ростове товарищ Петерс»	28
С. М. Буденный. Рано вкладывать клинок в ножны	34
Т. М. Бессонова. Всегда начеку	45
В. Н. Шапошник. «Шахтинское дело»	49
В. П. Березин. Бой у вокзала	57
В. П. Беляев. Через годы стало известно	62
Б. П. Агуренко. «Ракета» настигает цель	74
А. П. Щеблыкин. Возмездие	89
Е. П. Михайлов. Конец грязного бизнеса	105
К. Н. Хохульников. Берегитесь, это опасно!	110
Е. И. Мещеряков. Задержаны с поличным	117
Е. М. Васильев, И. С. Александровский. Почетный чекист	123

ЧЕКИСТЫ ДОНА

О чер ки

Редактор *Б. В. Красильников*

Художник *М. М. Погребинский*

Художественный редактор *З. А. Лазаревич*

Технический редактор *Г. Я. Бочковая*

Корректор *В. Н. Пономарева*

ИБ № 787

Сдано в набор 20.03.80. Подписано в печать 21.05.80. ПК 07310. Формат 60х84¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Высокая печать. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 7,06. Тираж 20000 экз. Заказ 63. Цена 20 коп.

Ростовское книжное издательство. 344706, Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23. Типография им. М. И. Калинина Ростовского управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 344081. Ростов-на-Дону, 1-я Советская, 57.

